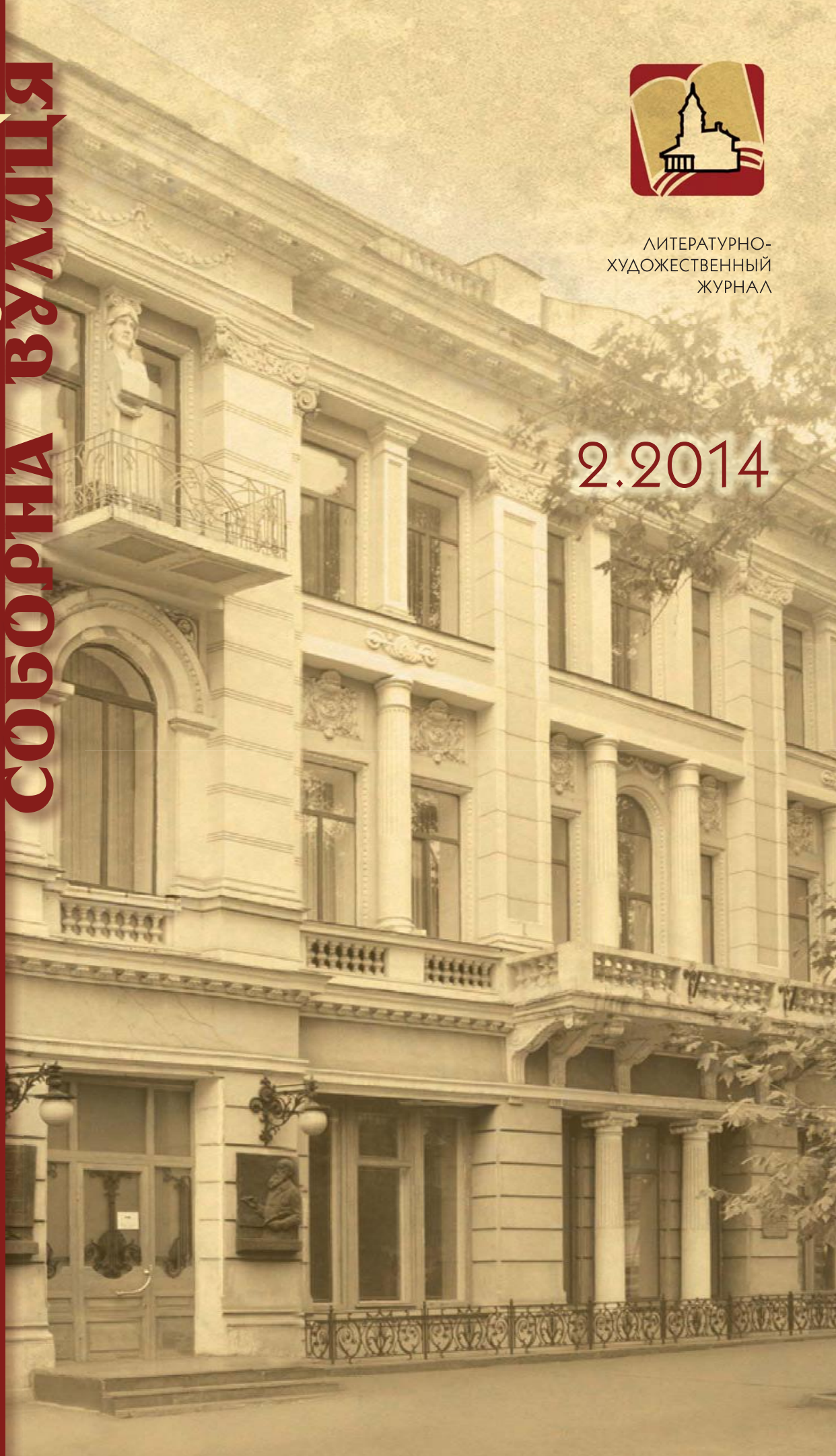

СОБОРНАЯ УЛИЦА
СОБОРНАЯ УЛИЦА

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

2.2014

Леонід Яценко. «30-ті роки. Центр Миколаєва». 2011.

Яценко

**Миколаївський
літературно-художній журнал
«СОБОРНА ВУЛИЦЯ»
№ 2 (7) 2014 р.**

Головний редактор:
Дмитро КРЕМІНЬ

Редакційна колегія:
Євген МІРОШНИЧЕНКО
Володимир ПУЧКОВ
Ілля СТАРИКОВ
Олексій ТОРХОВ
(видавничий редактор)

Редакційна рада:
Таміла БУГАЄНКО
Олександр ГЛУШКО
В'ячеслав КАЧУРІН
Сергій ПІСКУРЬОВ
Олександр ПРОНКЕВИЧ
Сергій РОСЛЯКОВ
Олександр СИЗОНЕНКО
Олена СИМОНЕНКО
Світлана СКИБА
Тетяна ФАБРИКОВА
Олександр ХАЄЦЬКИЙ

Художник:
Юрій КОРНЮКОВ

Засновник і видавець:
Редакція газети «Рідне Прибужжя»

Свідоцтво про реєстрацію:
серія МК № 846-342/Р від 4 травня 2012 р.

Адреса редакції та видавця:
54001, м. Миколаїв, вул. Нікольська, 46

E-mail: s-street.red@yandex.ru

Журнал видається з червня 2012 р.
російською та українською мовами
за участю обласних організацій
Національної спілки письменників України,
Конгресу літераторів України,
Спілки письменників Росії

Періодичність – один раз на квартал
Розповсюджується безкоштовно

Віддруковано:
СПД Румянцева Г.В.
54001, м. Миколаїв, вул. Бузника, 5/1.
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
МК № 11 від 26.01.2007 р.

Формат 60x841/8
Умовн. друк. арк. 13,95
Замовлення № 130-07
Тираж 500 прим.

**Видано в рамках обласної
Програми підтримки
вітчизняного книговидання,
книгорозповсюдження та популяризації
української книги в Миколаївській
області на 2011-2015 роки**

СОБОРНАЯ УЛИЦА СОБОРНА ВУЛИЦЯ

**Николаевский
литературно-художественный
журнал**

**2 (7)
2014**

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Дмитро КРЕМІНЬ: Музи бранного поля.....3

БУГСКАЯ ОЙКУМЕНА

Николаевскому областному художественному музею им. В. В. Верещагина – 100 лет

Шедевры областного музея. Беседа с директором музея С. Н. Росляковым.....4

Олександра ДРУКЕР: В інтер'єрі століття.....8

Анатолий КУЗНЕЦОВ: Ольвийские встречи 11

ПОЭЗИЯ

Анатолий ПОПЕРЕЧНЫЙ: Я покидаю отчий дом..... 19

Евгений МИРОШНИЧЕНКО: «Куда уходят кобзари?..»..... 24

Олексій ТОРХОВ: Розполохавши лики зелені..... 27

Сергей ПИСКУРЁВ: Ни эллина, ни иудея... 39

Дарина БЕРЕЗІНА: На зап'ястках уривки рим 44

Елена РАСКИНА: Горький вкус потерянного рая 79

Марія БАНЬКО: Щось духмяне з дитинства..... 83

ПРОЗА

Юрий ЛЮБАРОВ: Одноклассники.mk.ua 32

Вячеслав КУЛАКОВ: Ярм быком нахлынь... *Экологическая повесть* 49

ПУБЛИЦИСТИКА

Николаевской областной организации писателей НСПУ – 40 лет

Дмитро КРЕМІНЬ: Не перерветься нить Аріадни 86

Александр МАКАРЕНКО: «Советуем послушать оркестр завода...» 89

МАСТЕРСКАЯ

Сергій РОСЛЯКОВ: Він хоче йти далі. *Живопис Леоніда Ященка* 94

Зоя БУРЛАКА: Олицетворения..... 98

АРХИВ

Всеволод ГАРШИН: То, чего не было. *Сказка* 102

Леонід ДУДЕНКО: Його врятувала Юхимівка 104

НИКОЛАЕВСКАЯ КНИГА

Владимир ПУЧКОВ: Как попасть в энциклопедию. *Памяти Валерия Карнауха* 109

Евгения САМОЙЛОВА: Uno spiritu. *О книге А. Торхова «Безвыдыханно»*..... 113

Зоя ШАТАЛОВА: Новые друзья – детские книжки 115

ЭКСЛИБРИС

Лариса ТРЕГУБ: Сто четыре рисунка к поэме..... 117

ОБЛОЖКА

Олександра ДРУКЕР, Лариса ТВЕРІТІНОВА: Верещагінський знак 120

МУЗИ БРАННОГО ПОЛЯ

Не скажу точно, коли народилася крилата фраза: «Коли говорять гармати – музи мовчать». Але точно цей сумнівний, як показав час, постулат – не з часу лука і стріл. Очевидно, був уже порох і були первісні гармати, або й ракети. Одні племена йшли завойовувати інші племена, і цей страшний рух людських мас, переселення одних народів і знищення інших породили крилату фразу про мовчання муз і поневаження грацій. Справді, хоч і співали бойових пісень войовничі ахейці чи гунни, та Гомер і Боян оспівували те, що вже було. Як і тепер, коли миролюбна Україна опинилася в епіцентрі немилосердної громадянської війни, братовбивчої по суті. Як оспівати те, що можна тільки оплакати? «Жони русьські заплакали» – згадується «Слово о полку Ігоревім». Та й бої йдуть у тій історичній корпускулі давно минулих літ, у якій хіба що гармати й установки «Град» та штурмовики з гелікоптерами – з нашого хронотопу...

Наше бранне поле – література і мистецтво, наше історичне минуле та безперервна битва цивілізацій, поєдинок Добра зі Злом і тренос над Бранним Полем професійних плакальниць і матерів та вдів, осиротілих родин у кожному з чотирьох сторін світу нашої держави з її невдалою, за словами класика, географією та нещасною історією. Проте історію творять люди, і далеко не всі володіють харизмою історичних персон. Антиісторичних завжди більше...

А проте музи в нашій ойкумені не мовчали ніколи. Ні за часів Боспорського царства, ні в часи новітньої історії, чи в недавні дні. Революція Гідності, Майдан і Антимайдан у Києві перейшли у стадію громадянської війни, і я справді не читав і не чув нічого з приводу цієї трагедії від наших колег із Донецька і Луганська, хоча там і тепер живуть і творять досить відомі в літературі люди. Саме в Донецьку ще за радянських часів виходив журнал-білінгва «Донбас/Донбасс», а вихідцями з краю шахт і териконів створено чимало знакових книг у жанрі поезії та прози. В тому ж Луганську місцевий університет носить і для миколаївців дороге ім'я Володимира Даля, котрий писав художню прозу під псевдонімом «Казак Луганец». А Донецький театр опери і балету! Володимир Сосюра й Іван Дзюба, Олександр Чепіжний і Костянтин, Марія та Олександр Тесленки, Станіслав Жуковський та Віктор Логачов, Василь Голобородько, Андрій Медведенко й Тетяна Дейнегіна давно вписані в контекст українського літературного процесу, російські й українські письменники нового часу. Та навряд чи збройна ватага декласованих пролетарів на привалі читає їх томи і томики...

У нашому краю народилися, жили, творили такі уславлені поети, прозаїки, драматурги, літературознавці, літературні критики, що нам не соромно виходити в світ із книгами, піснями, лібрето, наші книговидавці показали європейський рівень у виданні та модерації талановитих творів. І до 40-річчя від часу заснування Миколаївської обласної організації НСПУ до читача прийшли помітні в кожному жанрі книги, регулярно виходить наш часопис, а в Інтернеті – сайт litnik.org. Зарубіжний журнал української літератури «Соборність», його № 50 – повністю складається з поезії та прози миколаївських авторів, і в оригіналі, і в перекладах українською. Патріарх української літератури в ізраїльській діаспорі Олександр Деко зізнається, що йому вельми до душі твори миколаївських авторів, а це в основному – автори нашого журналу. До слова, не промовчали наші майстри пера і в трагічні дні, коли під загрозою опинилося саме існування єдиної, соборної України, – нашого колективного листа опублікували «Літературна Україна» та «Українська літературна газета», місцева преса. На фоні мовних протистоянь у деяких регіонах ми знайшли мову спільну, мову таланту і людяності, бо саме наші предки ольвійських і скіфських часів знайшли формулу тисячоліть: «Скільки мов ти знаєш – стільки разів ти людина!» Золоті слова! На Бранному Полі ХХІ століття це звучить як життєстверджуюча мелодія. Так переможемо!

Дмитро КРЕМІНЬ

ШЕДЕВРЫ ОБЛАСТНОГО МУЗЕЯ

Беседа с директором музея С. Н. Росляковым

Можно считать, что жителям города на Южном Буге необычайно повезло – музей носит имя одного из самых популярных художников XIX столетия. Василий Васильевич Верещагин (1842–1904) был не просто великим художником, автором всемирно известных полотен «Апофеоз войны», «Смертельно раненный», «Двери Тамерлана», исследователем-этнографом, неутомимым путешественником, эссеистом, но и великим гражданином планеты. Своим искусством он страстно протестовал против несправедливых, захватнических войн, бессмысленной смерти людей, не случайно он стал одним из первых номинантов на почётную Нобелевскую премию за деятельность в защиту мира. Музей изящных искусств в Николаеве был открыт в 1914 году, к 10-й годовщине гибели В. В. Верещагина на броненосце «Петропавловск» во время русско-японской войны 1904–1905 годов, и сразу превратился в лучший памятник выдающемуся художнику. В мемориальном зале музея находятся знаменитые полотна, этюды и подлинные предметы из его мастерской. Он создавал крупноформатные произведения, достаточно сказать, что площадь картины В. В. Верещагина «Орлы» («Забывший солдат») равна 15-ти квадратным метрам! На вопросы редакции «Соборной улицы» отвечает директор Николаевского областного художественного музея им. В. В. Верещагина, кандидат искусствоведения Сергей Николаевич Росляков.

– Каким образом полотна великого мастера попали в Николаев?

– Это случилось благодаря известному меценату искусств, князю Н. А. Гедройцу, который вместе с И. Е. Репиным предпринял меры, чтобы основать в Николаеве музей в память погибшего художника. Как известно, Верещагин блестяще закончил Морской корпус в Петербурге, но отказался от карьеры морского офицера. Его художественные произведения были переданы в Николаев вдовой Лидией Васильевной Андриевской. Сегодня у нас более 70 живописных и графических листов мастера. Ядро музейной коллекции также составили произведения из собрания российского императора Николая II. Сейчас у нас хранятся полотна ярких русских и украинских художников, таких как Ф. Рокотов, И. Айвазовский, В. Суриков, И. Репин, Н. Рерих, И. Левитан, В. Серов, К. Коровин, С. Васильковский, П. Левченко, Р. Судковский, Е. Кибрик, А. Антонюк и многих других.

Открытие выставки народного художника Украины А. Антонюка. 15.10.2013

В год основания музея его коллекция насчитывала 230 экспонатов, только за последние десять лет мы увеличили свой фонд на три тысячи, сегодня он составляет более 12 тысяч экспонатов. По качеству и численности николаевское собрание произведений изобразительного искусства в областном художественном музее им. В. В. Верещагина почти не уступает национальным музеям Украины.

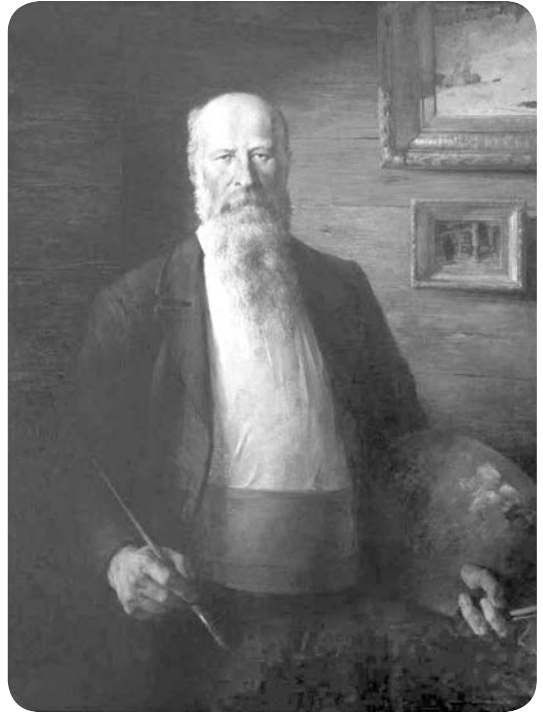
– **Расскажите, пожалуйста, как создавалась коллекция музея в бурное XX столетие и как она формируется сегодня.**

– О, это будет долгий рассказ. За свою уже вековую историю музей пережил сложные времена, в 1941–1945 гг. был на грани полного исчезновения. Оккупанты распоряжались нашими художественными ценностями как своими. Но, к счастью, самого плохого не случилось. После войны музей сумел восстановить свой потенциал и даже его приумножил. Сегодня существует значительный список опубликованной литературы о музее, в том числе и научного, монографического содержания, альбомы, комплекты открыток (на разных языках) произведений из собрания музея.

Изданы каталоги наших коллекций, каталоги персонального творчества мастеров, наших многочисленных выставок. К примеру, недавно к X Верещагинскому биеннале «Мир вокруг тебя» мы издали буклет, в котором представили победителей детского творчества за шесть лет вместе с иллюстрациями работ призёров. Этот праздник детского творчества проходит в Николаеве под патронатом президента Академии искусств и архитектуры Украины А. В. Чебыкина. Музей на протяжении двух десятков лет организует конкурс работ воспитанников детских художественных школ и кружков. Список наших публикаций украшает прекрасное издание – альбом 2008 года, в который вошли лучшие произведения из фондов – «Сто шедевров живописи из собрания Николаевского областного художественного музея им. В. В. Верещагина». Накануне юбилея удалось опубликовать вторую часть исследований научных сотрудников музея, книгу «Відродження шедеврів» (2006, 2013).

Могу представить нашу историю на примере одного из шедевров – «Пушкин на берегу Чёрного моря» И. К. Айвазовского. Картина в своё время выставлялась на большой персональной выставке автора – по случаю юбилея И. Айвазовского – 50-летия его творческой деятельности и 70-летия со дня рождения. Существует около 10 полотен Айвазовского на пушкинскую тему. «Пушкин на берегу...», пожалуй, самое удачное на избранную тему. Его уникальность заключается в том, что художник-маринист лично создал образ поэта, не обращая за помощью к другим мастерам кисти. Во время последней реставрации произведения (2003) у нас не возникло ни малейшего сомнения относительно авторства грандиозного полотна: действительно, в фондах музея подлинный Айвазовский. Это подтвердил и Н. Ф. Титов, профессор Национальной академии изобразительного искусства, который исследовал и реставрировал картину вместе с николаевским реставратором Д. Л. Боляковым. Они возродили полотно для его постоянной экспозиции, дальнейшей музейной жизни.

Весьма драматична биография этого произведения. После 27-летнего пребывания в императорской Академии искусств картина И. Айвазовского «Пушкин на берегу Чёрного моря» совершила железнодорожное путешествие из Петербурга в Николаев и вошла в его каталог под инвентарным номером 1. Она сразу стала любимицей публики. Согласно реестру 1914 года денежная эквивалентная стоимость художественного произведения составляла 10000 золотых рублей. Очень скоро цена шедевра выросла, но, как мы знаем, подлинное искусство не имеет однозначной цены.

В годы Второй мировой войны, оккупации гитлеровцами г. Николаева, коллекция музея В. Верещагина, к сожалению, не эвакуировалась и была по-варварски разграблена. Взорам тех, кто вошёл в знакомый верещагинский зал после освобождения Николаева в 1944 году, предстала пустая рама с кусками вырезанного холста. Свёрнутое вчетверо полотно каким-то образом обнаружилось на складе трофейного оружия областного военкомата. Здесь его и нашёл николаевский художник П. П. Степаненко. Ему было приказано срочно написать портрет Сталина, и указали из чего – свернутый холст. Степаненко сумел убедить начальство: в складском углу – шедевр из коллекции областного музея. Лишь в 1946 году киевскому реставратору Невкрытому удалось вернуть жизнь произведению И. Айвазовского. «Пушкин на берегу Чёрного моря» снова занял своё почётное место в экспозиции художественного музея. Возле него любят фотографироваться николаевские молодожёны.

– Вы говорите о реставрации шедевров как рядовом факте жизни регионального учреждения культуры. Между тем хорошо известно, что последние годы государство не финансирует музеи по статье «реставрационные работы», скудные средства выделяются и на ремонт помещений. Каким образом удаётся сохранять уникальные произведения?

– Вопрос, как говорится, по существу. Дело в том, что мы являемся участниками уникальной программы социального партнёрства между Николаевским глинозёмным заводом компании РУСАЛ и художественным музеем. 2001 год положил начало удивительно плодотворного сотрудничества музея и городского предприятия. За восемь лет было отреставрировано десять значительных произведений живописи: три картины В. Верещагина, две картины И. Айвазовского, по одной картине Ф. Чумакова, В. Перова, Р. Судковского, А. Боголюбова, М. Сарьяна. Кстати, реставрация картины Перова «Охотники на привале» подтвердила предположение специалистов о том, что это один из авторских вариантов известной картины, а не копия, как считалось ранее, со времени её поступления в музей. Подобной практики реставрации произведений искусства за счёт металлургического предприятия новейшая история не знает. Не случайно программа реставрации картин из собрания музея получила наименование «Возрождение шедевров». При поддержке компании РУСАЛ мы уже сумели обобщить этот замечательный опыт: в 2006 году была издана книга «Возрождение шедевров», в которой рассказывается о сложной реставрационной работе по спасению исторически и художественно значимых произведений выдающихся мастеров изобразительного искусства.

Но это не единственная программа, помогающая сохранять и преумножать культурное наследие. Успешно действует и программа «Возвращение в Украину». Десятки талантливых земляков сегодня живут за рубежом. К примеру, мы активно поддерживаем контакты с родственниками братьев-ху-

дожников В. Г. и Ф. Г. Кричевских. Их имена известны искусствоведам: в 1917 году при поддержке М. С. Грушевского братья основали Украинскую академию искусств. Внучка В. Г. Кричевского, Екатерина, живущая в США, помогает музею им. В. Верещагина в возвращении творческого наследия Кричевских. Начиная с 2001 года, в Николаев из США были переданы 65 оригинальных произведений живописи, графики и множество библиографических материалов Кричевских. Мы организовали уже три выставки из творческого собрания

семьи художников. Среди соотечественников, помнящих свою малую родину, нужно назвать и известного художника-графика советских времён Михаила Петренко. И он передал в николаевский музей свои произведения. То же самое сделал президент Санкт-Петербургской Академии современного искусства Феликс Воробьёв. В рамках программы, основанной в 2000 году, возвращено в музей более 200 оригинальных работ. Успешно реализуются и программы, адресованные юным почитателям изобразительного искусства, – «Азбука искусства», «Мир вокруг тебя». Юбилею посвящена программа «Музей и город: 100 лет вместе». Безвозмездные дары музею в последние годы исчисляются сотнями.

– Вы упомянули молодожёнов, которые любят фотографироваться на фоне живописного полотна Айвазовского. Как следует рассматривать этот факт в рамках задач по сохранению музейных ценностей?

– А на каком основании, скажите, следует отказать новобрачным сделать снимок рядом с мировым шедевром в самый торжественный день их жизни? Акт фотосессии в музее имеет сакральный смысл. Ценности вполне соотносимы: выжившее в течение века полотно Айвазовского и семейный брак молодых. И психологические мотивы поступка понятны: возможно, союз новобрачных будет таким же стойким, как вечная красота шедевров искусства?

Сегодня мы исповедуем концепцию «живого музея», она имеет серьёзное культурологическое и философское обоснование. Музей – это не застывшее консервативное учреждение с мумиями в зале, а живой культурный организм, питающий энергией искусства человека, способного воспринимать красоту. Связь творца художественных ценностей с человеком, воспринимающим и оценивающим эти ценности, должна оставаться живой и действенной. Сколько экспонатов сейчас в экспозиции? Отвечаю – все, закрытых фондов нет. Мы организовывали выставку одного произведения – «Дом Винниченко» из собрания Н. Кричевского, по инициативе общества еврейской культуры демонстрировали живописные, графические работы талантливого художника Р. Вайнштока. Готовы пропагандировать музейные ценности в любой форме, а об их сохранности позаботимся, это наш профессиональный долг.

Счастливы, что творческие усилия коллектива регионального художественного музея находят признание у земляков и гостей Николаева. В 2002 году наш музей был удостоен золотой медали Российской академии искусств за реставрацию и сохранение художественного наследия В. В. Верещагина. В 2009 году музей был награждён серебряной медалью Академии искусств и архитектуры Украины за «популяризацию изобразительного искусства, научно-исследовательскую деятельность, эстетическое воспитание и духовное развитие общества».

Олександра ДРУКЕР

В ІНТЕР'ЄРІ СТОЛІТТЯ

Велику роль у створенні музею ім. В. В. Верещагіна та деяких інших художніх музеїв Півдня України відіграв польський князь литовського походження Микола Антонович Гедройц (1848–1933), який багато зробив для збереження образотворчого мистецтва, пошуку шляхів популяризації та підтримки українських митців, донесення до широкого загалу благородної суті скарбів світового мистецтва.

Мешкаючи у Миколаєві, Гедройц ініціював створення Товариства витончених (красних) мистецтв ім. В. В. Верещагіна, яке у 1913 році нараховувало понад 100 членів і об'єднувало миколаївських художників та любителів мистецтва. Найголовнішою справою миколаївського Товариства стало заснування пам'ятника визначному художнику-баталісту Василю Васильовичу Верещагіну – художнього музею його імені.

Відкриття музею відбулося 6 червня 1914 року. Серед найпочесніших гостей на відкритті музею був син В. В. Верещагіна. На цей час основу музейної колекції склали 148 картин, етюдів та малюнків – творів Верещагіна, отриманих із Російського музею. Петербурзька Академія художеств надіслала до Миколаєва 29 робіт відомих російських майстрів, таких як І. К. Айвазовський, М. І. Авілов, В. Є. Маковський, К. Я. Крижицький, Д. К. Крайнев, В. Д. Поленов, Ф. О. Рубо. Згодом надійшло ще 9 робіт. Крім живопису, були передані й скульптури М. М. Антокольського «Іван Грозний» та В. О. Беклемішева «Свята Варвара». Товариство ім. А. І. Куїнджі передало музею три пейзажі художника. Від Імператорського Ломоносовського фарфорового заводу разом із гранувальною фабрикою музей отримав унікальні колекції прикладного мистецтва. Микола Гедройц подарував 11 малюнків В. В. Верещагіна. Приватні колекціонери та городяни міста також передавали музею твори мистецтва.

Завдяки особистим речам художника, подарованим його сім'єю, вдалося відтворити обстановку робочого кабінету митця.

Після відкриття музею та від'їзду князя Миколи Антоновича хранителем фондів і першим директором було призначено художника Володимира Олексійовича Мурзанова (1872–1922). Навчаючись у Петербурзькій Академії художеств, він був учнем І. Ю. Рєпіна. Після закінчення Академії повернувся до рідного Миколаєва, де викладав графіку в реальному училищі та жіночій гімназії. З часу створення музею і до кінця свого життя був його директором, працював при музеї у школі мистецтв.

При музеї почала успішно діяти Школа малювання, креслення та ліплення, де вже в перші місяці навчалася 120 осіб. Викладачами були професійні художники Л. В. Інглезі, В. О. Мурзанов та О. П. Валевахін. Зокрема, були організовані заняття з килимового виробництва для дорослого населення, які проводила майстриня, спеціально запрошена з Курської губернії.

Поступово колекція музею поповнюється. Наприкінці 1920-х років брат покійного Р. Г. Судковського передав до музею 55 картин та етюдів знаменитого художника-мариніста. Також до музею надійшло 30 робіт В. О. Мурзанова, які передала його дружина Тетяна Петрівна.

3 серпня 1934 року до початку Великої Вітчизняної війни (1941–1945) музей розміщувався у переобладнаному римо-католицькому костюлі Св. Йосифа на розі вулиць Глазенапівської та Католицької (нині – Декабристів та адмірала Макарова).

У 1938 році за рішенням Управління Народного комісаріату освіти УРСР художній музей отримує назву – Обласний художній музей Миколаєва. Того ж року Всеукраїнський комітет у справах мистецтв відправив із Києва до Миколаєва 24 полотна радянських митців. Також у ці роки, до свого 25-річного ювілею, музей закупає дві картини Айвазовського, чотири пейзажі Шишкіна та ще близько 10 полотен вітчизняних і зарубіжних митців. Наприкінці 1940 року колекція музею становила 850 цінних творів живопису та скульптури, 68 зразків стильного умеблювання, 16 килимів

та інших виробів прикладного мистецтва, що дало змогу побудувати експозицію за тематикою і хронологією.

Війна завдала суттєвих збитків колекції художнього музею ім. В. В. Верещагіна. Після звільнення Миколаєва з усіх музейних раритетів залишилося 20 полотен, 16 скульптур і 34 меблевих експонати, серед яких особисті речі Василя Васильовича Верещагіна.

Після визволення міста від німецько-фашистських загарбників у березні 1944 року починається період відродження музею, формується нова колекція. Основним джерелом формування збірки у повоєнне десятиріччя стали провідні музеї країни – Державний музей українського образотворчого мистецтва УРСР (нині Національний художній музей України), Київський музей російського мистецтва, Київський музей західного та східного мистецтва (нині Музей мистецтв ім. Богдана та Варвари Ханенків), Одеська картинна галерея (нині Одеський художній музей), Одеський музей західного та східного мистецтва. Значну допомогу надали Дирекції художніх виставок Міністерства культури СРСР та УРСР, Державна Третяковська галерея (м. Москва), Державний Російський музей (м. Санкт-Петербург), Державний Ермітаж (м. Санкт-Петербург).

На початку 1970-х років починають збиратися твори іконопису, формується розділ культового декоративного мистецтва XVII – початку XX ст. В залах другого поверху було розміщено постійну експозицію вітчизняного мистецтва XVII – початку XX ст. Вона включає твори живопису, графіки, скульптури, декоративно-ужиткового мистецтва.

Фасад художнього музею ім. В. Верещагіна

Експозиція першої зали демонструє кращі зразки іконопису XVII–XIX ст. Твори другої зали знайомлять із розвитком українського та російського мистецтва XVIII – першої половини XIX століть. У третій залі знаходяться твори художників 1860-х років (шістдесятників) та передвижників. Художньо-меморіальний комплекс, присвячений художнику-баталісту В. В. Верещагіну, розташовано у четвертій та п'ятій залах. Шоста зала розміщує твори кінця XIX – початку XX століття напрямку реалізм та модернізм. Роботи художників-авангардистів початку XX ст. знаходяться у невеликій сьомій залі. В музичній вітальні музею експонуються твори академічного живопису.

У 2001 році з ініціативи співробітників музею розпочата унікальна програма «Відродження шедеврів», за якою проходять реставрації художніх витворів з музейної колекції. Здійснення програми стало можливим завдяки фінансовій підтримці керівництва Миколаївського глиноземного заводу. Були відреставровані картини таких видатних вітчизняних художників XIX ст., як: В. В. Верещагін – «В турецькій покійницькій. Покійницька турецького лазарету в кампанію 1877–1878 рр.», «Орли. Забутий солдат» та «Людоїд», І. К. Айвазовський – «Пушкін на березі Чорного моря» та «Кав'ярня в Криму», Ф. П. Чумаков – «Христос і багатий юнак», О. П. Боголюбов – «Біля причалу», Р. Г. Судковський – «Очаківський берег», М. С. Сар'ян – «Спекотний день в горах», І. Ю. Репін – «Портрет Шоофса», А. К. Жаба – «На пожежу»; «Купальниця» невідомого художника школи К. П. Брюллова. Окремим досягненням цієї програми стала атрибуція та реставрація полотна В. Г. Перова «Мисливці на привалі». А завдяки благодійній акції Національної академії образотворчого мистецтва та архітектури була відреставрована картина невідомого західноєвропейського художника «Мадонна з немовлям та ангелами».

З 2001 року в музеї також існує програма «Повернення в Україну», завдяки якій повертаються до країни твори художників-співвітчизників, що виїхали за кордон. Таким чином до музею надійшли твори родини Кричевських, Михайла Петренка (США), Віктора Бриндача (Ізраїль), Фелікса Волосенкова та Степана Химочки (Росія).

У квітні 1982 року створюється відділ Миколаївського обласного художнього музею ім. В. В. Верещагіна – Очаківський музей мариністичного живопису ім. Р. Г. Судковського на честь художника-мариніста, академіка живопису, який народився, працював та помер у м. Очакові. В експозиції очаківського музею представлені твори художників-мариністів, таких як І. К. Айвазовський, О. В. Ганзен, М. Н. Дубовський, В. Д. Полєнов, І. П. Титов, Е. А. Калниньш, Л. В. Дульфан та інші.

У жовтні 1985 року для показу творів художника-графіка, академіка Є. А. Кібрика у Вознесенську було відкрито відділ Миколаївського обласного художнього музею ім. В. В. Верещагіна – Вознесенський художній музей ім. Є. А. Кібрика. Графічна та живописна спадщина митця, неперевершеного ілюстратора, почала надходити до миколаївського музею ще з 1961 року за життя художника. Євген Адольфович завжди мріяв про повернення своїх творів на батьківщину. Він плекав надію на передачу до Миколаєва свого творчого доробку з метою його подальшого експонування у Вознесенську. Заповіт майстра було здійснено вже після його раптової смерті в липні 1978 року. У 2004 році відділ отримав статус міського художнього музею, проте спадщина митця залишилася на зберіганні в колекції Миколаївського обласного художнього музею ім. В. В. Верещагіна.

Крім збиральницької роботи, музей займається вивченням колекції, її науковою обробкою та систематизацією. Тільки останнім часом були випущені каталоги основних груп зберігання (живопис, іконопис, скульптура, твори Є. А. Кібрика), дві частини книги «Відродження шедеврів», каталог творів В. В. Верещагіна.

Олександра Друкер,

*молодший науковий співробітник відділу науково-освітньої роботи
Миколаївського обласного художнього музею імені В. В. Верещагіна*

Анатолий КУЗНЕЦОВ

ОЛЬВИЙСКИЕ ВСТРЕЧИ

Круг знакомств человека, его интересов и волнующих его проблем во многом определяется его работой. В середине 1986 года в моей журналистской карьере произошло важное событие. По согласию сторон из газеты «Южная правда», где, скажем откровенно, прозябал в секретариате – редакционном штабе, я перешёл в «фабрику новостей» – Радиотелеграфное агентство Украины (РАТАУ). Должность собкора агентства обязывала готовить информационные сообщения обо всех сторонах жизни Николаевщины. И всё же два приоритета у меня были – это судостроение и археология. Столь необычное сочетание объяснялось просто. Николаевский комплекс верфей и их партнёров – КБ и НИИ – был мощнейшим в Советском Союзе, то и дело поставлявшим прессе важные события в виде постройки новых траулеров, рефрижераторов и других судов. Поэтому я был частым гостем корабелов, у многих из них брал информацию или интервью. Что же касается археологии, то здесь главной темой для меня были памятники античности Ольвия и его исследователи. Добытые новости из этой сферы жизни, равно как и судостроения, ценились не только в РАТАУ, но и транзитом шли на ленту ТАСС, откуда рассылались по всему Советскому Союзу и за границу.

Год за годом Ольвия звала меня к себе, чтобы знакомить с новыми находками и открытиями археологов, их судьбами. Много из этих встреч отложилось в сердце и памяти.

ПРУТИНСКИЙ «ЗАТВОРНИК»

С археологом, кандидатом исторических наук А. В. Бураковым, и его семьёй меня познакомил журналист Андрей Сирош, который после тяжелейших травм, полученных в автокатастрофе, вынужден был уйти с должности собкора РАТАУ, но оставался репортёром. Его любимой темой стало николаевское виноделие, составной частью которого являлось коллективное сельхозпредприятие «Ольвия». Государство дало Сирошу юркий «Запорожец», и однажды он позвонил мне: «Едем завтра в Парутино?»

Ольвия

Ранним утром мы уже были возле усадьбы Бураковых. Она особо не отличалась от других домохозяйств Парутино: хата с верандой под старой керамической черепицей, летняя кухня с навесом над столом и скамейкой, погреб, огород с садом. Хозяева были дома. Сирош представил меня. Невысокого роста, худощавый, Анатолий Виссарионович уже не участвовал в раскопках, занимался консультацией молодых коллег. В нём сразу был виден интересный собеседник, но меня ждали руководители Ольвийской экспедиции – доктор архитектуры С. Д. Крыжицкий и кандидат исторических наук В. В. Крапивина, и я поспешил к ним. Часа через два, набрав фактов, снова пришёл к Бураковым, где уточнил кое-что из записанного в блокнот, потом слушал их житейскую историю.

В таком же порядке – посещение Ольвийской экспедиции и общение с Бураковыми – проходили все последующие поездки в Парутино. У ветерана археологии мне было как-то спокойно и комфортно. По двору ходили курицы с цыплятами, из сада доносились крикание уток, голоса индюков, напоминая о способе выживания сельской интеллигенции, и под навесом у летней кухни Анатолий Виссарионович неторопливо рассказывал о себе, друзьях.

В Парутино он приехал в 1953 году. «Поработайте здесь временно», – сказали в дирекции Института археологии Академии наук УССР. Но минул год, второй, третий, и он перестал ждать замены. Так началось его парутинское «затворничество», сформировавшееся из молодого специалиста известного учёного, живую легенду Ольвии. И в этом никакого преувеличения, если знать, что в Великую Отечественную войну он одно время шёл по фронтовым дорогам бойцом штрафной роты, был награждён орденами Славы (двумя), Красной звезды, Отечественной войны. При его комплекции было удивительным, что он мог лицом к лицу сходить с гитлеровцами и не погиб. После демобилизации ненадолго заглянул на родную Вятчину, откуда уехал поступать в Ленинградский университет. Диплом защитил на «отлично», получив направление на работу в Киев – в Институт археологии.

Летом Виссарионыч, как стали называть его коллеги и знакомые, редко бывал дома, всё больше находился в степи, но его жена, Нина Михайловна, не корила мужа: ведь он исследовал не сам город, а его сельскую округу. Звёздным часом Буракова, длившимся... пятнадцать лет, стали раскопки Козырского городища, в первые века нашей эры являвшегося важным звеном в обороне Ольвии с севера. Здесь он открыл строительные остатки жилых домов, хозяйственные ямы, комплексы керамики, каменные и земляные фортификации. Всё это позволило учёному восстановить общий вид поселения, особенности материальной и духовной культуры его жителей. Венцом всего стала монография, сделавшая Козырское городище наиболее полно изученным поселением сельской округи Ольвии. Археологи говорили: «Козырка – фамильный памятник Буракова».

Его отношения с известными исследователями были на равных, с двусторонним потоком информации и идей.

– Иногда казалось, – рассказывал Виссарионыч, – что Карасёв видит сквозь землю. На день его ангела, как правило, выпадала какая-нибудь ценная находка. Однажды, указав, где следует вести раскопки, он предположил: здесь может находиться алтарь. Вместо жертвенника обнаружили не менее ценную вещь – погрудную скульптуру бога Аполлона. Карасёв первым в Северном Причерноморье нашёл букраний – свинцовое изображение лицевой части головы быка, которые обычно прикреплялись древними греками на стены храмов. Кое-кто считал, что ему везёт, но за всеми удачами этого археолога стояли знания, интуиция и большой труд.

Что же касается центрального алтаря, то его открыли так. Однажды в саду у Бураковых в обед сидели хозяева, Карасёв и ещё кто-то из археологов. Вдруг послышались топот ног и громкие крики: «Нашли! Нашли!» Это прибежали люди с раскопа с радостным известием о том, что показалось каменное сооружение, похожее на алтарь. Все бросились в Ольвию, чтобы убедиться в сенсации. Находка была как награда Карасёву.

В 1970-х годах после смерти Л. М. Славина Ольвийскую экспедицию возглавил Сергей Дмитриевич Крыжицкий, предложивший расширить исследование сельской округи. В степь ушли сразу несколько археологических коллективов, в их числе – Периферийный отряд Буракова. Под его на-

чалом были тогда ещё совсем молодые учёные и студенты Сергей Буйских, Валерий Отрешко, Борис Магомедов, Владимир Назарчук. Последний из них как-то рассказывал мне:

– Мы выезжали в район Березано-Сосицкого лимана, ставили палатки и расходились по берегам и балкам в поисках поселений и некрополей. Возвращались в лагерь с сумками, полными артефактов, с записями в блокнотах. Вместе с Бураковым определяли собранный материал, отмечали на карте, что и где было найдено. Через два-три дня Виссарионыч в выцветшей от солнца рубашке и широких штанах, попыхивая папиросой «Беломорканала», изрекал: «Свою задачу здесь выполнили, местное вино попробовали, перебираемся в другое место».

Кстати о вине. Бураков сам освоил приготовление напитка Диониса в домашних условиях. Уже это обязывало его хорошо знать историю ольвийского виноделия и винопития. Он говорил, что на своих пиршествах греки отпивали лишь глоток чистого вина, поданного на стол. Остальное смешивали с водой в особых сосудах – кратерах, содержимое которых затем разливали по чашам. Хозяева и гости пели гимны богам. Не все эллины знали меру общения с напитком Диониса. Отсюда античный текст: первую чашу вина пьют для удовольствия, вторую – для аппетита, после третьей – крупный разговор, четвёртой – подбитый глаз, пятой – повестка в суд. Из уст Виссарионыча это звучало убедительно.

Археологические будни давали курьёзные моменты. Вячеслав Головин, недавно назначенный заведовать заповедником, пожелал увидеть ход раскопок Козырского городища. Спросил Виссарионыча, накануне наведавшегося в Парутино, когда можно приехать и что привезти. Бураков в шутку произнёс: «Захвати амфору с вином». И что же? Через два дня появляется Головин с подозрительно тяжёлой сумкой, которую он отнёс в палатку. Ближе к вечеру приготовили ужин. Заведующий достал из сумки амфору, открыл её, но она оказалась пустой. Куда девалось вино? – недоумевал Головин. Бураков, посмеиваясь, объяснил всё утечкой напитка. Амфоры, которые долго не использовались для хранения жидкости, сначала нужно замочить, чтобы открывшиеся в их стенках поры затянуло.

Виссарионыч мог посмеяться и над собой. Однажды на полевых исследованиях, чтобы сократить расстояние, он пошёл краем селянского огорода. Его внешность – небритый, в потёртом дождевике, с выдавшей виды брезентовой сумкой на плече и копальным ножом на поясе – вызвала подозрение у хозяйки усадьбы. С рогачом наперевес она кинулась к незваному гостю, чтобы пустить в ход своё оружие. И не миновать бы мне синяков и шишек, говорил старый археолог, не окажись при мне документов.

Одной из добрых традиций исследователей Ольвии и её округа было привлечение к раскопкам питомцев одного из интернатов Москвы. Как правило, их опекал Бураков. Его похвала являлась лучшей наградой для подростков. По вечерам, когда сидели у костра, Бураков вспоминал о своём фронтовом пути, о сокровищах Эрмитажа, в котором любил бывать студентом, о том, когда и почему в Нижнем Побужье обосновались греки из Милета. Он не скупился на доброе слово для ребят. Такой подход благотворно действовал даже на самых трудных подростков. Перед отъездом ребят в Москву Нина Михайловна накрывала для них стол с печеньем, конфетами и лимонадом, разрешала полакомиться фруктами в саду. В межсезонье же в Парутино приходили письма о соревновании школьников за право снова поехать на раскопки под ольвийским небом.

Его сердце остановилось в конце августа 2001 года. Когда я прихожу на могилу Виссарионыча, мне вспоминаются слова из «Поучения» Владимира Мономаха: «Посмотри, брат, на отцов наших: много ли взяли с собою, кроме того, что сделали для души своей».

ДУША ЭКСПЕДИЦИИ

Каждому, кто знает историю Ольвии, известно, что в 331 году до нашей эры она подверглась осаде войск Зопириона – одного из полководцев Александра Македонского. Считается, что город тогда выстоял, в том числе за счёт списания долгов части населения, предоставления свободы рабам и по-

*В. В. Крапивина и реставратор А. С. Беляев
(2008 г.)*

полнения ими рядов защитников. Однако почти два с лишним тысячелетия спустя Ольвия снова подверглась осаде. Эта угроза, в условиях распада СССР и ослабления власти, исходила от современных варваров – грабителей древних памятников. Одновременно с их набегами ухудшилось финансирование науки и заповедного дела. В том хаосе защитником памятника выступил небольшой коллектив Ольвийской экспедиции, прежде всего его руководители – В. В. Крапивина и С. Д. Крыжицкий. От них потребовались воля и мужество, чтобы бить тревогу в связи с набегами грабителей. Бог с ним, что зарплата урезана, выплачивается с задержкой, говорили археологи. Главное – остановить разграбление городища и некрополя. Особенно незащищенной Ольвия становилась в межсезонье, когда исследователи разъезжались по домам. Кстати, в тех условиях форс-мажора не менее трудным было сохранить и саму экспедицию как работоспособную организационную структуру.

Странно, но против них были даже контролёры-ревизоры, потребовавшие от дирекции заповедника уволить сторожей-совместителей: дескать, нарушаете. Местные жители, конечно, знали, кто разрушает памятник, но никого на горячем не схватили. Правоохранители находили дела важнее, чем засады на грабителей древних могил и погоня за ними, преследование скупщиков древностей. Ту тревожную ситуацию передавал заголовок одной из моих публикаций: «Ольвия в осаде варваров. На этот раз – новых».

– Ольвия безжалостно уничтожается, – с горечью говорила Крапивина. – Два-три пожилых сторожа не способны остановить вандалов. Недавно очаковские вертолётчики, летавшие в мае этого года над Ольвией, звонят мне в Киев: «Что, вы уже начали сезон раскопок?» Говорю, что нет. В ответ слышу: «Городище копается – аж гудит». Словом, если мы покинем заповедник, то и экспедиция распадётся, и памятник может быть утрачен навсегда.

Иногда у Крапивиной создавалось впечатление, что кто-то просто заинтересован в уничтожении легальной археологии. В каждый свой приезд в заповедник я узнавал от неё о всё новых злодеяниях грабителей и хулиганов. То украдут архитрав или базу колонны, то, очевидно, развлечения ради, разобьют надгробные антропоморфные стелы в лапидарии, то уничтожат фрагмент древней мостовой. В одну из вёсен археологи установили, что в межсезонье на некрополе было вскрыто около полутысячи древних могил, в которых, по оценкам экспертов, могло находиться сосудов и других погребальных вещей примерно на 45 миллионов долларов! Чувствуя безнаказанность, однажды напротив заповедника бросил якорь незнакомый катер, с которого нагло, раз за разом уходили под воду аквалангисты, чтобы обшаривать там затопленную часть древнего города.

Чтобы представители властей убедились в опасном масштабе грабежей и их тяжёлых последствиях, Крапивина и Крыжицкий приглашали чиновников на изуродованные участки заповедника. Вместе с учёными, полковниками из областного управления милиции по перерытому некрополю ходили и мы, журналисты, натываясь на провалы разрытых могил, разбросанные вокруг человеческие кости. Радовались такому положению дел только скупщики древностей. В те годы на «серых» рынках Одессы и Киева был отмечен наплыв монет – борисфенов и дельфинчиков, свинцовых писем. По некоторым данным, артефактами из Ольвии и её сельских поселений была также завалена Молдова, откуда древности уходили в Румынию и дальше на Запад.

Раскопки

По некоторым данным, артефактами из Ольвии и её сельских поселений была также завалена Молдова, откуда древности уходили в Румынию и дальше на Запад.

Поняв в какой-то момент, что отдельные шаги и действия властей и правоохранителей области не решат проблему, Крапивина, Крыжицкий и руководство Института археологии предложили кардинальный выход: предоставить заповеднику самый высокий статус. Именно тогда появилась моя публикация «Заповедник «Ольвия» спасут две вещи: придание ему статуса «национальный» и... участковый инспектор милиции».

– Почему важно придать заповеднику самый высокий статус? – спрашивали Крыжицкий и Крапивина и сами же отвечали на этот вопрос: – В этом случае в бюджете будет предусматриваться больше денег на содержание памятника. Значит, можно будет организовать вооружённую охрану, остановив тем самым наглое уничтожение национального достояния, каким является Ольвия.

Однажды мы с Крапивиной сидели на территории заповедника у старого здания телеграфа, в котором она занимала одну из комнат. Показав мне наиболее ценные находки завершившегося сезона раскопок, Валентина Владимировна завела речь о том, что было на душе:

– Каждый год говорю себе, что нужно ещё немного продержаться, что дальше будет легче. У нас сильный состав: два доктора наук, шесть кандидатов, художники, чертёжники, классные реставраторы по камню, керамике и металлу. Об экспедиции такого уровня, создававшейся десятками лет, другие регионы могут только мечтать. Отработана своя методика полевых работ. Родилось также ольвийское братство, основу которого составляют волонтеры, из сезона в сезон бескорыстно работающие на раскопках. Всё это нам нельзя потерять.

Кроме волонтеров, у Ольвии были и другие патриоты. Помнится, Крапивина искренне радовалась, когда директор предприятия «Никком» Н. И. Николаев подарил экспедиции лебёдку, необходимую для подъёма крупных каменных блоков, а также привёз в палаточный лагерь машину дров для походных кухонь. Понимал проблемы археологов и председатель сельхозпредприятия «Ольвия» Ф. А. Иванов, выделявший исследователям то автотранспорт, то солярку, то цемент, то черенки к лопатам. Для волонтерских кухонь он безвозмездно поставлял растительное масло, овощи. Этот хозяйственник видел острую потребность в физической защите памятника. При этом он говорил, что в Парутино создан отряд самообороны, но вывести его на охрану заповедника по закону мог только участковый инспектор милиции.

Потребовалось несколько лет, много совещаний, публикаций в прессе, прежде чем археологов услышали в самых высоких кабинетах. Проект решения вопроса о спасении и развитии заповедника лёг на стол Президента Кучмы. Колёса бюрократической машины вращались со скрипом, медленно.

Кто-то из министров изрёк: «В Украине уже есть один национальный археологический заповедник – Херсонесский. Разве этого недостаточно?» Учёные не соглашались с таким чиновничье-арифметическим взглядом, ссылались на зарубежный опыт, в частности Израиля, где десятки памятников древности обладают самым высоким статусом.

Так патриоты Ольвии, следуя правилу «капля по капле – камень точит», добились для заповедника статуса «национальный». Хотя Крапивина понимала, что это не решит всех проблем, но сделано главное – городище и некрополь сегодня под охраной.

Помнится, В. Крапивина обратила моё внимание на такой факт. Казалось бы, в 1990-е, да и позже, всё было против исследователей, но в иные сезоны масштабы раскопок в Ольвии достигали больших объёмов, чем в благополучное советское время. Археологи также не прекращали изучение находок, их обобщённые результаты обернулись изданием целого ряда монографий и популярных книг об Ольвийском городе-государстве. Кроме того, совместно с датчанами был выпущен капитальный двухтомник «Нижний город Ольвии», на четыре пятых написанный Крыжицким, Крапивиной и их товарищами по экспедиции. Этот проект был важным и для зарубежных коллег, о чём говорит хотя бы то, что редактор со стороны Орхуса – Пия Гулдагер Бильде – сама приехала в Украину, чтобы вручить авторские экземпляры книг украинским учёным, а также библиотеке заповедника. В эти же годы была восстановлена крепида, то есть каменный пояс основания кургана Еврисивия и Ареты. Разработана и ждёт воплощения, а точнее, денег на её реализацию, концепция современного музея Ольвии под открытым небом.

При встречах с Крапивиной разговор касался не только проблем, новых находок. Валентина Владимировна с особой теплотой отзывалась о волонтерах.

– У Ольвийской экспедиции, кроме научного значения, есть ещё и воспитательный эффект, – не раз говорила она. – У нас вместе работают юноши и девушки с восточной и западной Украины, приезжают добровольцы из других стран. Создан свой фольклор, который звучит у вечерних костров. Сюда приезжают духовные люди.

В числе волонтеров есть дети. Крапивина особенно интересовалась организацией их быта и досуга. За эту искреннюю доброту её уважительно называли «мама Валя». Это была душа экспедиции.

И вот уже три полевых сезона, приезжая в Ольвию и приближаясь к её юго-восточному участку, где обычно работала Валентина Крапивина, я не вижу издали её фигуры с приметным пробковым шлемом на голове. Вся экспедиция надеялась на её возвращение в строй. Этого не случилось. Листая сегодня расшифровки своих бесед с ней, вижу, сколько интересных находок выпало ей в последние десятилетия. Они как награда за преданность профессии, памятнику. Из её рассказов о раскопках строительных остатков домов и храмов, скульптур, надписей на мраморе, бронзовых изделий встаёт человек неравнодушный, совершивший свой научный подвиг. И только близкие люди знали, чего временами ей стоило сохранять бодрость духа. На главной странице сайта Ольвийской экспедиции и сегодня только её фотография – такой невозвратимой была утрата.

ПОМПЕИ ВЛАДИМИРА РУБАНА

В последнее время меня не оставляет мысль, что должен сказать доброе слово об археологе Владимире Владимировиче Рубане. Думается, живые в долгу перед памятью этого талантливого исследователя из Малой Коренихи, оставившего заметный след в изучении разных сторон Ольвийского государства.

Когда же мы впервые встретились? Кажется, в 1990 году. Рубан тогда уже защитил кандидатскую диссертацию и работал в заповеднике «Ольвия». Меня поразила его высокая эрудиция в области истории античного мира. Что касается нашей действительности, то он был к ней критичен. Помнится, высказал замечания по организации исследовательских работ. На его мнение я сослался в одной из своих публикаций. Это не всем понравилось. Некоторые даже спрашивали за моей спиной: «Он друг или враг Ольвии?» Моим «оправданием» были слова о том, что должен слушать разные

мнения, что даже после самой «неудобной» для кого-то публикации журналист не должен поворачиваться спиной к несогласным. Это – работа, ничего личного.

Между тем вскоре Рубан ушёл в газету «Радянське Прибужжя». Здесь он пришёлся ко двору, так как редакция нуждалась в актуальных публикациях по истории и независимости Украины, в чём Владимир был знаток. Изредка мы с ним встречались. В некоторых своих сообщениях для Агентства я использовал его комментарии. Помнится, что он задумал и подготовил историко-публицистический выпуск «Ольвия», наполнив его выдержками из Геродота и древних надписей, а также своими статьями об Ольвии, разных этапах её жизни, о поколениях исследователей памятника.

Мне кажется, что мы были в чём-то родственными душами. Однажды Рубан пригласил меня к себе домой, в Малую Корениху, где он жил с матерью. Она мне показалась грустной. Главным богатством простой сельской хаты была библиотека. Мы обменялись книгами. Взяв у него почитать «Факел Прометея» Эдуарда Фролова, я оставил ему только что изданную монографию Анны Русяевой «Религия и культы античной Ольвии».

Целевой разговор о его жизненном пути у нас никогда не заходил. Отдельные штрихи его биографии я узнавал между прочим. Археология позвала его к себе 14-летним мальчишкой. Его первыми наставниками в экспедициях были Л. М. Славин, В. В. Лапин, А. В. Бураков. Из общения с ними он понял важность системного подхода в изучении как отдельных находок, так и множества артефактов, тех или иных сторон жизни нижнебугских греков. Он много читал об античном прошлом Северного Причерноморья, о Древней Греции в целом.

Заметной вехой в его научной биографии стало исследование комплекса археологических памятников урочища Дидова Хата, включавшего поселение, три сельские усадьбы-виллы, некрополь и римский военный лагерь. Рубан называл этот объект николаевскими Помпеями. На чём основано это сравнение?

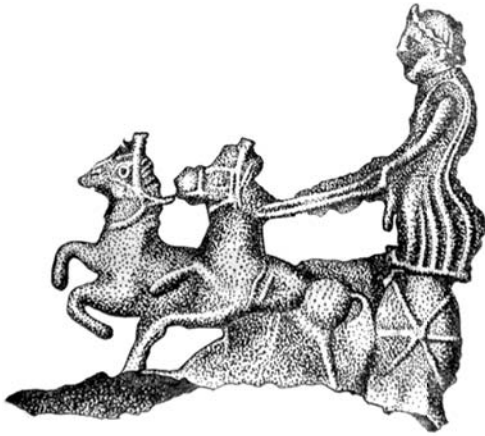
– Раскопки в урочище дали поразительные результаты, – рассказывал Владимир. – Выяснилось, что, подобно знаменитым Помпеям, усадьбы в Дидовой Хате погибли внезапно. Предметы хозяйства и быта людей, живших здесь в IV–III столетиях до нашей эры, оказались как бы законсервированными. Сделанные здесь находки служат украшением античной коллекции Николаевского краеведческого музея.

Он болел за сохранность остатков приольвийских поселений. Кандидат технических наук Н. И. Николаев рассказал мне такую историю. Однажды он со своим коллегой из объединения «Заря» возвращался из Парутино в Николаев. Решили свернуть к урочищу Дидова Хата, о памятниках которого были наслышаны. Вот и следы сравнительно свежих раскопов. Пошли осматривать остатки каменных кладок. Вдруг откуда-то появился молодой человек, который, приняв Николаева и его спутника за разрушителей памятника, стал их ругать. Услышав ответ, что перед ним любители Ольвии, успокоился и объяснил причину своего гнева: накануне кто-то выбрал из кладок машину камня-ракушечника, скорее всего, на строительство дачи.

Жаль, но протесты Рубана и других защитников древностей не остановили дачную революцию, захватившую правый берег Бугского лимана. Памятники Дидовой Хаты были утрачены навсегда, хотя могли бы стать уникальным музеем под открытым небом в черте Николаева.

В 1970-е годы Рубан тоже участвовал в масштабных поисках сельских поселений Ольвиополиса. Его зоркий глаз замечал в траве обломки старинной керамики, угадывал по углублениям и холмикам на местности следы древних построек или фортификаций. Исходил пешком, наверное, весь правый берег Бугского лимана между Варваровкой и Парутино, открыв десятки античных поселений, хуторов и отдельных усадеб.

По характеру Владимир Владимирович был скорее одиночкой. Хотя верно и то, что ему нужно было общение с коллегами. И тогда он мог неожиданно появиться, скажем, в районе Березанского лимана, где в Периферийном отряде Буракова работали его сверстники Валерий Отрешко и Сергей Буйских. Кто-то из товарищей, вспоминая о его неожиданных визитах, говорил, что Рубан появлялся неожиданно, как степной волк.

Свинцовый рельеф, введённый в научный оборот В. В. Рубаном

каждому прожитому году давали имя соответствующего жреца храма Аполлона. Или другой пример синхронной работы. Владимир, как и Пьер Дюпон из Лионского университета, установил, что центром производства амфор, украшенных широкими полосками и часто встречающихся при раскопках, являлся город Клазомены. С коллегой из Франции Рубан думал написать книгу «Древнегреческие архаические амфоры Березани и Ольвии». Были у него и другие творческие задумки. Скажем, его никогда не оставляла мысль разгадать секрет античного лака. А вот ещё факт. Узнав, что в одной парутинской хате порогом служит часть алтаря, хотел заполучить его для заповедника, взамен сложив порог из современных стройматериалов. Но ни это, ни многое другое он так и не реализовал.

В последние годы жизни Рубан, используя региональную прессу, прежде всего газету «Южная правда», популяризировал античное наследие Николаевщины. Его талант учёного, думается, использован далеко не полностью. Когда вышла в свет книга Н. И. Николаева «Политическая и культовая элита Ольвии IV–I веков до нашей эры», я подготовил сообщение об этом оригинальном труде, в котором использовались математические методы для синхронизации эпонимного календаря Ольвии с принятым сегодня летоисчислением. Владимир, видимо, прочёл мои заметки и через нашего общего знакомого передал, что хотел бы встретиться со мной. Время шло, но наши дороги не пересекались. А потом его не стало. Но я догадываюсь, о чём он хотел поговорить со мной.

Думая о Рубане, я прихожу к мысли, что в жизни каждого человека наступает такой период, когда он анализирует прожитые годы и подаёт сигналы тем, кто с ним рядом. Это не обязательно вербальное обращение, сообщение о том, что его волнует, тяготит. Этот сигнал может выражаться в каких-то поступках, стиле поведения. Жаль, что в спешке дня мы часто не замечаем таких посланий...

Кузнецов Анатолий Акимович. Заслуженный журналист Украины. Родился в 1941 году. Окончил факультет журналистики Киевского университета им. Т. Шевченко (1971). Около тридцати пяти лет трудился в региональных средствах массовой информации, корреспондентом РПАТУ-Укринформ. Автор книги «Долгий путь в рынок» (2008), автобиографической документальной повести «Возвращение родословной» (2010), многочисленных публикаций.

Анатолий ПОПЕРЕЧНЫЙ

Я ПОКИДАЮ ОТЧИЙ ДОМ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я пришёл домой в разгар заката,
В петушиный ярый красный час.
Словно Лавра, древне встала хата,
Без дверей и окон, в звонный спас...

И спросила голосом орлицы:
Лики видишь ты иль просто лица,
Дерево иль чёрное дупло,
Холодно тебе или тепло?..

Хата с дымарём и печкой тусклой
Показалась женщиной мне грустной,
Милою, забытою давно.
Приоткрыла ставенку, окно.

И оттуда вдруг дымком пахнуло –
Давнее, забытое, как улей.
Над трубою – горлицей дымок.
– Ты вернулся маленьким, сынок...

А закат горел в окне иконно.
Старый сад гудел в колокола.
И храпели яблони, как кони,
Закусив сухие удила...

Я стоял пред хатою забытой,
Где родился много лет тому...

День звенел.
Конь в сердце бил копытом.
Я домой вернулся,
Ни к кому.

Поперечный Анатолий Григорьевич. Родился 22 ноября 1934 года в Новой Одессе Николаевской области в семье агронома. Военное детство прошло на Урале. В 1944 г. семья вернулась в Николаев. Окончил Николаевскую среднюю школу № 39, работал на Черноморском судостроительном заводе, посещал заводское ЛИТО «Стапель». Учился на филологическом факультете Николаевского государственного пединститута. Жил и работал в Москве. Автор 22 сборников поэм и стихов: «Полнолуние» (1959), «Червонные листья» (1960), «Чёрный хлеб» (1960), «Невидимый бой» (1962), «Орбита» (1964), «Россия. Родина. Любовь» (1964), «Ночные поезда» (1965), «Девятый круг» (1968), «Ярость-жизнь» (1973), «Ядро» (1975), «Августовское поле» (1979), «Зелёная калитка» (1981), «Лик» (1982), «Стихотворения и поэмы» (1984), «Трава у дома» (1985), «Дань» (1987), «Ночные переправы» (1988), «Избранное» (1991), «И снится нам трава, трава у дома...» (2004). На его стихи написаны известные песни: «Соловьиная роща», «Малиновка», «Трава у дома», «Аист на крыше» и другие, давно ставшие эстрадной классикой. Член Союза писателей России. Умер от сердечного приступа в ночь на 18 мая 2014 года в Москве. Похоронен 21 мая 2014 г. на Троекуровском кладбище.

* * *

Я покидаю отчий дом –
Колодец старый, голубятню,
И тихий двор, и шумный дол.
И всё... как будто безвозвратно.

Как будто синенький билет,
Что я купил в аэрокассе,
Вдруг унесёт на много лет
Меня вперёд по звёздной трассе.

И я забуду милый дол,
Ту журавлиную долину,
Что пройдена до половины.
Я покидаю отчий дом.

Я забываю всплеск с утра,
Когда сестра ведро поставит,
И дужка звякнет, и потянет
Напиться прямо из ведра.

И ты уже не просто гость.
И память вдруг настигнет больно.
Как будто, забывая гвоздь,
Ударишь по руке невольно.

Я забываю отчий дом,
Как будто забывать мы вправе,
Как будто в славе иль в опале
Спасения не ищем в нём.

* * *

А в лебеде травинки зябнут,
А в лебедях по крыльям дрожь,
Когда с корзиной, полной яблок,
Ты, босоногая, идёшь.
А бабы зарятся ревниво,
А бабам очи застит страх.
И луны белого налива
Восходят на твоих плечах.
И парни, встретясь, тихо охнут,
Расступится честной народ.
Но брови чёрные не дрогнут,
И яблоко не упадёт.

* * *

О сентябрь, дубрав молчанье!
Тихокрыл и тонкобров,
Оброни мне на прощанье
Журавлиное перо.
С песней-птахой нету сладу,
В стынь, в речное бытиё,
В окупёвую прохладу
Окуну перо твоё,
Где, не пойманный крючками,
Тупорылый и рябой,
Уходил бычок под камень
С трижды порванной губой,
Где в глуши седьмого царства
Язь стоит, не шевелясь.
Если ловля не удастся,
Дай бог, песня б удалась...
О сентябрь, тебя ли трачу,
Берегу ль твоё добро?
Подари мне на удачу
Журавлиное перо!

* * *

В полночь, в полнолуние,
Гибнут травы тучные,
Стрепеты хоронятся в яру,
В заводи стоячие,
В омуты дремучие
Заплывает язь метать икру.

Душно пахнет мятою
И полынью свежею,
Пыльною, отравной на губах.
И за голубятнею,
Чуя силу вешнюю,
Двое забывают первый страх.

А над ними, юными,
Зреют луны нежные,
И выходит в мир из берегов,
Затопив окраины
Городка прибрежного,
Вечная и смертная любовь.

* * *

Река в предчувствии разлива,
А я – разгула. Треснул лёд.
А что разбито, то разбито,
И уж никто не соберёт.
Всё то, чему судьба разбиться,
Я вспоминаю не со зла.
И в зеркалах разлиты лица
Твои, какую ты была.

Десятки лиц и выражений.
И среди них, как суть конца,
Вне суеты и унижений,
Не вижу первого лица.
Его простого удивленья
В миг грешной радости мирской...

Так забывает бог творенье,
Сомненьем мучим в мастерской.

* * *

Почему мне лебеди
Чудятся в снегу,
Месяц в тёмной проруби,
Яблоко в стогу?
Голуби за пазухой,
Солнце в рукаве?
Почему за праздником
Едут на коне?

Почему, не ведаю,
Грусть в душе тая,
Под зелёной вербою
Ты не ждёшь меня?
Почему черёмуха,
Почему бела,
Почему вчера ещё
Ты со мной была?
А сегодня скучная,
Платье в сундуке
И кольцо разлучное
Не на той руке.

Почему вдоль бережка
Вдаль плывёт веноч,
Что сплетала девушка
В прошлый вечерок?

Почему обещано
Счастье, да не мне?
В зиму мы обвенчаны
Или по весне?
Почему мне лебеди
Чудятся в снегу,
Свадебные, белые
Кони на бегу?..

* * *

На перегонах рыжая трава.
И кони на равнинах. Кони, кони...
И еду я опять в восьмом вагоне
В страну, где ты всегда была права.

О мама! Вижу дерево судьбы,
Роняющее годы, словно листья.
А сыновья беспечны и слепы.
А мамы – как деревья в поле чистом.

Как будто ждут, что вдруг проглянет синь, –
И на поляну, босоног и тонок,
Он выбежит, весёлый жеребёнок,
Беспомощный и ветреный, твой сын...

Но опадают листья, жухнут травы.
И век нежданно жмёт на тормоза.
И мы приходим, мученики славы,
Мать, пред твои пречистые глаза.

Упрямы, крутоплечи и суровы,
Со шрамами и скорбью на лице...
Мычат в хлеву священные коровы,
И мать встаёт вся в белом на крыльце.

И говорит нам вещие слова,
И вводит в дом – в мир маленького чуда,
Как будто ты не уходил отсюда,
Где обитает вечно синева.

«КУДА УХОДЯТ КОБЗАРИ?..»

18 мая 2014 года ушёл из жизни А. Г. Поперечный, выдающийся мастер поэтического слова, чьи стихи благодаря своей мелодичности привлекали внимание талантливейших композиторов и в разные годы становились всенародными песнями, записывались и разлетались по всей планете.

Как ни странно, его имя последние десятилетия в местной печати почти не появлялось, хотя ещё живы те, кто помнит поэта по его публикациям в областной газете «Южная правда». А в литературном объединении «Стапель» Черноморского судостроительного завода А. Поперечного, бывшего подсобного рабочего, а потом сотрудника многотиражной газеты «Трибуна рабочего», не забывали никогда. Фотография улыбчивого паренька с неизменными усами всякий год печатается в сборниках «лито». А вот фотография 1987 года – коллективное свидание с поэтом на Николаевском факультете института культуры. Студенческий вокальный ансамбль подготовил для встречи и исполнил уже широко звучавшую по стране любимую песню советских космонавтов «Трава у дома»... Поперечный был автором её слов.

Хочется верить, что и для знаменитого земляка те пафосные годы имели знак судьбы, ибо, как обмолвился В. Маяковский, поэты времена не выбирают, в них живут, творят и остаются в памяти современников – либо умирают, оставляя после себя всего лишь две даты: рождения и смерти. Поперечный выбрал прекрасную судьбу: сын фронтовика Григория Демьяновича, агронома по профессии, и матери, фельдшера Александры Михайловны, ходил по сменам в заводской цех, читал умные книги, заочно учился на филфаке Николаевского пединститута (позже перевёлся в Ленинградский пединститут им. Герцена) и настойчиво искал форму поэтического самовыражения. Эволюция такого рода легко просматривается, если анализировать его ранние стихи, поэмы «Три мастера», «Царь-токарь», «Горячий цех».

Думаю, он внутренне сознавал, что без этого торного пути, без всплеск электросварки на стапеле и гудков ревуна в заводской гавани, ежедневных встреч с героями своих очерков, победителями соцсоревнования, участниками Великой Отечественной войны, без суматошных заседаний профсоюзных и комсомольских комитетов – не было бы поэта-песенника Поперечного, чья репутация сегодня легко вписывается в контекст художественной эпохи, освещённой творчеством Н. Рубцова, В. Шукшина, В. Соколова, И. Рядченко, Л. Вышеславского, Б. Мозолевского, Э. Январёва, М. Лисянского, М. Винграновского.

Свою литературную биографию он открывал 1957 годом, когда рукопись стихов николаевского автора была принята издательством «Советский писатель». Крёстным отцом называл поэта-фронтовика А. П. Межирова, рецензента своего первого сборника стихов и поэм «Полнолуние», который вышел в Ленинграде в 1959 году. За ним последовал второй – «Червонные листья», в 26 лет он уже принят в Союз писателей СССР. Вскоре Поперечный получил приглашение заведовать отделом поэзии в московском журнале «Октябрь». Так определилось его новое местожительство, так оборвалась его связь с малой родиной.

Последнее выражение – из учебного пособия. Анатолий Григорьевич никогда бы не согласился с таким утверждением. Дело в том, что отъезд из Николаева не означал некоего провала в творческой эволюции и не был связан и с утратой духовных начал, которые с детства нёс по жизни. Его лирическому герою по-прежнему снилась «синяя приингульская степь», Кинбурнский причал, «рябые лобастые кавуны» да «зноем пахнущие коровы». Да, над страной звенел слоган «Мой адрес – Советский Союз», он стремился поездить, с командировкой Союза писателей бывал на стройках Сибири, Урала, в Беларуси, много раз возвращался в Украину, долго жил в Забайкалье, откуда привёз книгу

стихов «Ядро», свидетельствующую о новом мироощущении автора. В сокровенных признаниях его лирического героя уже сквозило недоверие к плакатным призывам, морализаторству, заказному слову.

Пожалуй, Поперечного можно отнести к поэтам «тихой лирики», есть такая условная категория стихотворцев, в отличие от «громкой (эстрадной) поэзии» 60–70-х годов (Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Р. Рождественский). Исследователи этой поры выделяли группу авторов, которые открыто декларировали традиционные жизненные приоритеты: верность воинской присяге, православным духовным ценностям, домашнему очагу, природе как источнику гармонии человека и среды-хранительницы народной культуры. «Тихие лирики» были чужды особым новациям в области формы и вычурным словесно-выразительным поискам, как правило, они ориентировались на классические образцы отечественной поэзии и позиционировали себя наследниками А. Пушкина, Ф. Тютчева, А. Фета. Поперечного, к примеру, в украинской литературе особо привлекала поэтика Т. Шевченко. Образная структура произведений Кобзаря брала в плен единой музыкальной тональностью, она влияет и на целостное восприятие стихотворного текста, сохраняющего свой изначальный смысл и в песне. Не здесь ли кроется секрет чуткости поэта к музыкальной фразе, его вечная готовность искать адекватное выражение тональности слова.

Следовало бы здесь вспомнить Поперечного, цитировать его крылатые строки, которые в короткий срок волшебными птицами разлетались из студий и концертных залов, становились всенародными хитами. Их исполняли Клавдия Шульженко, Людмила Зыкина, София Ротару, Иосиф Кобзон, Ольга Воронец, Валентина Толкунова и многие другие звёзды эстрады. Песенной классикой стали композиции «Аист на крыше», «Олеся», прописавшиеся в репертуаре ВИА «Сябры», «Соловьиная роща» (Лев Лещенко, ВИА «Красные маки»), «Малиновый звон» (ВИА «Верасы»), легендарная «Трава у дома», бессрочно «приватизированная» группой «Земляне». Я попытался подсчитать, сколько же музыкальных композиций на слова А. Поперечного стали хитами современного шансона, лирической, патриотической песни? Насчитал более 100, из них в радиопрограммах и концертном исполнении почти еженедельно звучат не менее пятидесяти! А ведь нам навязчиво рекламируют авторов, создавших в своей жизни два-три хита... Пожалуй, наш земляк может номинироваться на звание короля песенных текстов! Это хорошо сознавал и сам Анатолий Григорьевич, был весьма критичен по отношению к пропагандистам псевдокультуры-попсы и графоманам от литературы.

Как жил признанный мастер, был затворником Переделкино, где находятся дачи членов российского Союза писателей, или публичным, открытым для дружбы и общения? Конечно, дорожил временем с оглядкой на собственный биологический календарь, но не жалел его для друзей: писателя Василия Аксёнова, историка Эдварда Радзинского, художника Ильи Глазунова, любимых соавторов-композиторов Жени Мартынова, Александра Морозова, Владимира Мигули, Давида Тухманова. Игорь Матета рассказывает о «невероятной отзывчивости» Анатолия Григорьевича. Его стихи, утверждает композитор, навсегда останутся в русской песенной культуре.

В наследии А. Поперечного я пытаюсь выделить главное – приметы узнавания, связанные с состоянием человеческой души, чувствительность к оттенкам и деталям каждого мгновения жизни. Такого рода поэтика позволяет читать стихотворение как страницы лирического дневника. Южные строки этого дневника – «Август», «Баштаны, баштаны...», «Хлещет ветер солёный и резкий...», «За лиманом», где хлеб и брынза, «разморенные дыни» на степной бахче, «августейший август» – не фон для лирического монолога, а высшая жизненная ценность. В июньском выпуске интернет-журнала «Николаев литературный» эти тексты размещены вместе с трогательным фильмом о встречах с поэтом – «По дороге в святую обитель».

В творчестве 80-х годов ярко проявилось спасительное для поэта качество, которое в значительной степени ещё определяет современный литературный климат, – опора на традицию и независимость от деспотии модернизма. Поперечный не разрушал представления о времени и пространстве, опирался на привычные отношения автора и героя, увлечённо работал над сюжетным стихотворением, подолгу вынашивал замыслы детских рассказов (сб. «Зюйдвестка»), пьес, киносценариев и

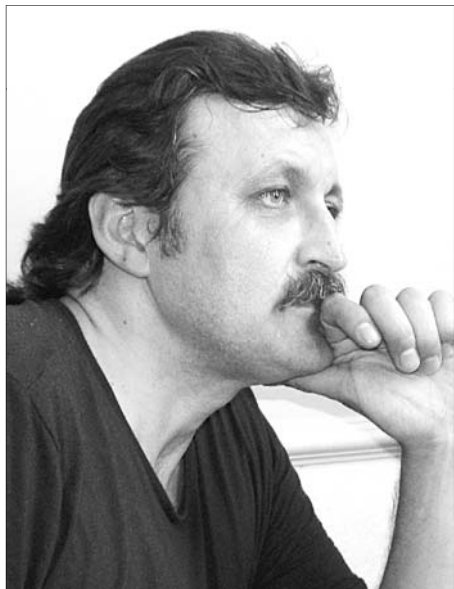

реализовывал их, тяготел к крупным лиро-эпическим формам («Избранные стихотворения и поэмы», драма «Огненная легенда»).

78-летнего ветерана писательского союза России волновал извечный мотив судьбы поэта, исторической личности, судьбы Украины. Он не мог не думать о родине, Бугском крае, шевченковском заповите. Разве не эти размышления пронизывают стихотворение «Куда уходят kobзари»? Они воспринимаются сегодня как храмовая исповедь:

Куда уходят kobзари,
Певцы народной доли?
Как будто встали до зари
И растворились в поле.
Святые пахари надежд,
С небес окинув пашни,
Глядят сурово из-под вежд
На нас, как на пропащих,
На суету сует живых,
Мирян смешные козни,
Перебирая судьбы их,
Как будто струны kobзы...
Глядят с усмешкой kobзари,
Верша свой суд извечный:
Что ж ты уходишь от земли
Всё дальше, Поперечный?
.....
И я шепчу себе: умри,
Но верен будь завету,
Что завещали kobзари
Земле и всему свету.

Евгений Мирошниченко

Торхов Олексій Валентинович. Поет, прозаїк, публіцист. Поетичний псевдонім – «А.В.Торх...». Народився 28.02.1961 р. в селі Олинськ Нерчинського району Читинської області (РФ). Закінчив юрфак Одеського держуніверситету ім. Мечникова (1992). Володар Гран-Прі кількох всеукраїнських фестивалів. Переможець Міжнародного фестивалю «Слов'янські традиції» (2009). Автор п'яти поетичних книг і книги прози «Північні оповіді про Максимку бога». Голова Миколаївської обласної організації ВТС «Конгрес літераторів України». Член творчого об'єднання ДООС (Москва). Нагороджений Міжнародною Відмітиною імені Давида Бурлюка (Міжнародна академія зауми, Німеччина, 2010); літературною премією «Слов'янські традиції» (2010). Співорганізатор відкритого Всеукраїнського фестивалю поезії «Ватерлінія». Вірші, написані українською мовою, публікує вперше.

Олексій ТОРХОВ

РОЗПОЛОХАВШИ ЛИКИ ЗЕЛЕНІ

ВОНИ

вони
що після себе лишили
діри в житті моєму
схожі на силуети з двома крилами
як повернути їх заради двох слів
«дякую вам!»

вони
що викреслили власні назви
із загальних списків і місць
так що й не прочитаєш
як вимовити їх
у дітях

вони
що по пір'їнці зренили
на моє оперене серце
«встав при нагоді
замість SIM-картки в мобільку
якщо надумаєш...»

вибираю білу
з трьома цяточками
вставляю
набираю номер –
«нуль дев'ять нуль один...
чотирнадцять...
п'ятнадцять – п'ятдесят п'ять...»
небо завмирає наче у передгрози
нишкнуть птахи
і трамваї і тіні
аж гульк...

наче у змові
рвуться дзвони
усіх соборів довкола
заходяться калатанням
важко бамкає благовісник
волає
й середники
сполохують околиці
дзвонять щодуху

й цікадово
дзеленчать дрібніші
у сум'ятті клетотом скипас
повітря
і
уриваючи рингтон –
із найдальшої далечі
знанацька

«алло...
я слухаю...
не мовчи...»

ЖАННА

хто ти
дівчинка
в книжку стару занурена
в «синього птаха»
моріса метерлінка
пошарпану часом
із розхристаними двома крилами
що струшують листя-пір'я

вона стоїть
посеред перехрестя
вагона метро
між виходом-входом
за поручні не тримаючись
обидві руки уп'ялися в книжку
обидві ноги вросли у підлогу
ніби на пустирі
її не штовхають
цураються як прокаженої
викапана
юна відьма
на ринковій площі

на лавках її однолітки
дев'ять братів і десята сестриця галя
випасають пальцями й поглядом
полчища літер-блощиць
що повзуть склом гаджетів
як паростки інквізиції

блимають у вікнах
неонові кореневища
й тіні забутих предків
ні прискорення
ні гальмування

не зрушать її з місця
 доки синій птах
 не згорне крил
 але він летить і летить
 і летить дівчинка
 над затасними рядками
 (від 58-ї до 61-ї сторінки –
 прожогом! –
 за два перегони
 від Вокзальної до Театральної)

ні вона не гидке каченя
 не зрікається
 : торбини синьої з ноутбуком
 що висить на животі
 : пальтечка мишастого
 : шарфа сріблястого
 (в'язаної змії – для свого укусу
 шию охороняє)
 : кучерів попелястих
 зібраних в куций хвостик

але – погляд!
 але – стійка!
 і цей літ...

поїзд їде
 вона читає
 вік минає
 птах летить

виходжу з вагона
 під механічний голос
 «обережно...
 дівчинкачита...
 незлякайтепта...
 наступназупи...»

поїзд вповзає в тунель
 синя тінь летить назирці

УЧОРАША

хмари-медузи
 спливають зо дна калюжі
 босі ноги лоскочуть
 тішаться ступні теплою тванню

ще не зірвано пляшку
 з древа пізнання зла
 ще не випито вміст її

ще не розбито крихке тіло її
ще не дісталися дна скалки її
ще не треба чобіт
ще слово-війна не існує
ще створене уміщається
у слово-мир
ще босоногий хлопчик
допитливий радісний хлопчик
що розміняв учора вічність
наосліп чвалає калюжою
світового океану
відмежовуючи собою води від неба
і бачить
що воно
ДОБ-РЕ!

ПРИКОРДОННА ТРАВА

кордонна трава безсонна
вслухуватись приречена
чи не росте хто
по той бік
очі її – зелені
неможливістю неба
сліпі
соромиться німоти
крадькома танцює
з місць не зруша

ВІДПУЩЕНИЙ ЧАС

зеленим
маятника торкни
і спорхне
небилиці
зеленого шуму
: і пташка
: і листя
: і ти
словам не дорівнюють
пташка зелена
у шпака зчорніє
урозтіч листя
її ремесла зречуться

тільки ти
все блукаєш свічадами
віддзеркаллями ріжешся
розполохавши
лики зелені

СНОВИДДЯ

*Садок вишневий коло хати,
Хрущі над вишнями гудуть...*

Тарас Шевченко

...вий коло хати!
Стигли червневі бомби –
врожай сорок першого року.
Над вишнями гудуть.
Повільні та волохаті.
Замкнуте коло хати.
Сновиддя риють колодязі
В безодні моїх очей.
Снити вами.
В домовинці росу колихати.

ЧУЖА ПРАВДА

ялине зойк зелений – цур тобі! –
мобілізація
на свято новорічне
де неживицею
зелене зжовкне

ВІДЧАЙДУХ

Надії Савченко

у горщику – мале квітча
бліда фіялка-дитинча
крізь жах і темряву
квітчає
у полоні

Любаров Юрий Иосифович («Йосич»). Родился 18 марта 1965 года. Окончил физмат Николаевского пединститута. Был автором, актёром и главным режиссёром единственного на территории СССР эротико-юмористического театра-студии «Тет-а-тет». Работал главным режиссёром ТРК ТОНИС (1992–1995), главным режиссёром ТРК НИС-ТВ (1995–2013). В настоящее время работает режиссёром Николаевского филиала Киевского университета культуры и искусств. Главный режиссёр международных фестивалей: «Бархатный сезон» (1993–1995), «Кобле-ВО!» (2001–2005). Автор команды КВН «Гусары» (Москва) – чемпионов Высшей лиги СНГ (1995–2000). Автор книг для детей и взрослых: «Старый Николаев», «Николаев – 220 лет», «Закон Ома». Две последние написаны в соавторстве с Сергеем Гавриловым. Окончил курсы практической драматургии (Москва).

Юрий ЛЮБАРОВ

ОДНОКЛАСНИКИ.МК.УА

АЛХИМИК

Его называли Алхимиком. Весь двор знал, что он ищет способ превратить свинец в золото. Он об этом говорил каждому. Руки Алхимика были обожжены химикатами, а лицо хранило следы неудачных опытов. Всё свободное время он проводил за столом, смешивая что-то, поджигая и выпаривая. Родители, видя такое упорство, соорудили в гараже место для лаборатории и каждый год дарили ему на день рождения наборы «Юного химика».

Я учился с Алхимиком в одном классе и крепко дружил с ним. Сколько его помню, он всегда был болен химией. В старших классах он если и влюблялся, то только в лаборанток, которых часто менял подслеповатый учитель химии. Все вокруг знали, что нельзя превратить свинец в золото. Мы всегда были реалистами. Это сказки и легенды, говорил я ему. Он в ответ молча улыбался.

На выпускном вечере все крепко напились. У меня в кармане лежал билет в Москву, куда я собирался ехать, чтобы поступать в театральный. О своей мечте я никому не говорил – боялся, что будут смеяться. Алхимик никогда не стеснялся своей мечты и в последний школьный вечер пообещал мне написать письмо, когда превратит свинец в золото. Он не сказал «если», он сказал «когда».

Я не был на родине пять лет. Некогда было. Учился и работал. На каникулах ездил на море в поисках приключений. Родители часто приезжали в Москву повидаться со мной, так что делать на малой родине мне нечего было. Столько же времени я не видел Алхимика и не знал о нём ничего. Молодость жестока – новые впечатления и друзья заслонили прошлое. Я легко забыл всех, с кем дружил в школе.

В родной город я приехал в середине лета. Воспоминания нахлынули, как только вышел из столичного поезда. И, конечно же, первого, кого я захотел увидеть, был Алхимик. Поцеловав родителей, я пошёл знакомыми дворами к дому одноклассника. Ворота его были такими же, как и в детстве, – скрипучими и ржавыми. Собака залаяла, на встречу мне из старого забеленного домика вышла мама Алхимика. Чёрная шаль на плечах и траурная повязка на голове не удивили меня. Я помнил, как Алхимик говорил, что отец часто и подолгу болеет. Мама одноклассника

молча смотрела на меня, прижимая к лицу мокрый платок. Из-за её спины показался отец Алхимика. Он тихо поздоровался и заплакал. Я понял, по ком они плачут.

Я пробыл на родине неделю. Я видел старых друзей, одноклассников и соседей. Все взахлёб говорили об Алхимике, который весной всколыхнул жизнь маленького городка. Я прочитал о нём по вырезкам из газет, их аккуратно собрала последняя любовь моего одноклассника – лаборантка кабинета по химии.

Друга моего детства застрелил милиционер. В тот момент, когда он сидел на полу ювелирного магазина среди осколков стекла и раскиданных золотых украшений. Как сказано в протоколе, «гражданин (фамилия и имя Алхимика) совершил вооружённое ограбление магазина ювелирных изделий».

Каждый в городе знал подробности этого ужасного дня. Алхимик вошёл в магазин, молча выпустил три пули в грудь продавцу, разбил витрину рукояткой пистолета и взял свободной рукой пригоршню золотых изделий «на общую сумму ... тысяч рублей». После этого он сел на пол, положил пистолет рядом с собой и начал что-то писать в блокноте. Через пять минут Алхимика застрелила девушка-снайпер оперативной бригады, ей показалось, что грабитель тянется к пистолету.

Никто не знал мотивов, которые толкнули моего друга на этот ужасный шаг. У него не было проблем с деньгами, он был спокоен и уравновешен. Его возлюбленная не могла ничего плохого о нём сказать. Родители почернели от горя, а соседи и друзья детства придумывали версии одна другой нереальнее.

Только я один знаю, что сделал в тот день мой друг. Он исполнил мечту своей жизни. Я не видел его блокнота – он подшит в уголовное дело и спрятан в ментовском архиве, но точно знаю, что там было написано: «Дорогой друг. Я только что превратил свинец в золото. Как и обещал, извещаю тебя первого об этом факте. Твой Алхимик».

ИЗМЕНА

«Никогда не изменяй, – говорила Терёхину мама. – Изменяя, ты неизбежно изменяешься сам и становишься абсолютно другим человеком». Маленький Терёхин не хотел быть никем другим, кроме себя. Лёжа в кровати, за мгновение до сна, он со страхом переживал возможность превращения в соседа-алкаша, нудного дядю Вову или жирную девчонку из соседнего двора. И Терёхин принял твёрдое решение никогда не изменять.

Мама умерла в момент, когда Терёхин только начинал взрослую жизнь. Некому было теперь напоминать прописные истины, и наждак действительности постепенно стёр культурный слой. Всё чаще Терёхин совершал поступки, которые мама не одобрила бы. В Большой Книге Грехов напротив его фамилии систематически добавлялись записи. И только одного не делал Терёхин. Он не изменял. Он по-прежнему боялся превратиться в кого-нибудь другого.

Жена Терёхина не работала, вела унылое домашнее хозяйство. Терёхин давно потерял интерес к супруге, но сексуальная энергия, которая периодически рождалась в сорокалетнем теле, требовала выхода. Супруга в такие минуты вяло радовалась, не понимая, впрочем, чем обязана такому счастью. Помимо основной работы, Терёхин три раза в неделю преподавал в колледже бытового обслуживания. Проще говоря, в бывшем швейном ПТУ. Только святой или больной мог оставаться равнодушным, глядя на юных закройщиц. Но Терёхин зарекомендовал себя настоящим стойком.

Студентке Анечке Терёхин нравился. Он напоминал ей одного из маминых захажёров, который проявлял мужской интерес не только к маме, но и к дочери. Мама такие поползновения решительно пресекла, и захажёр быстро исчез, оставив после себя лёгкий трепет в четырнадцатилетнем тельце. Трепет у девочки после этого не исчез, а наоборот – усилился, быстро трансформировался в толчки, перешёл в конвульсии и выплеснулся девятым валом на окружающих Анечку мужчин. К шестнадцати годам она уже имела солидный опыт половых экспериментов, не ограничивающийся пресными вариантами «один М + одна Ж».

Анечка изнасиловала Терёхина апрельским вечером в кабинете истории. После этого она покурила в фикус, попросила у поникшего Терёхина денег на такси с пивом и уехала в ночной клуб искать приключений на свою несовершеннолетнюю голову. Терёхин бродил по улицам города, не решаясь идти домой. Он со страхом представлял себе, как жена посмотрит округлёнными глазами на чужого мужчину, который открыл ключом дверь и по-хозяйски вошёл в квартиру. Он слышал крики детей, испугавшихся незнакомца, который кинулся их целовать и тискать.

Возле гостиницы «Центральная» Терёхина окликнул пьяный шатен в белом костюме:

– Крупинский, братэло! Сколько можно ждать, сукин кот? Хан баблo доставил, без тебя не хочет делить, – мужчина схватил Терёхина за рукав и потянул в двери гостиницы.

На кровати в номере лежали пачки иностранных денег. За столом сидел щербатый тип в грязной футболке «День Города Нижневартовска». Шатен в белом жёстко подтолкнул Терёхина:

– Хапай свою долю, заслужил, чертяка!

Втроём вышли на улицу. Подъехал чёрный Мерседес. Терёхин не хотел садиться в машину, но шатен силой затолкал его на заднее сиденье. Щербатый втиснулся, больно прижав Терёхина. Тот, в белом костюме, сел рядом с водителем.

За город выехали в полном молчании. В открытые окна летел ночной воздух. Машина свернула на грунтовку, проехала немного и остановилась. Щербатый вылез из Мерседеса и потянул Терёхина за собой.

– Сука, – ударил Терёхина пьяный в белом.

Терёхин потерял равновесие и упал.

– Падла, халявщик, – шатен вытащил пистолет и дёрнул затвор. – Как на дело идти – его нет, а как бабки делить, так он тут. Как ни в чём не бывало. Типа, случайно прогуливался рядом. И главное, падла, долю незаслуженную взял. Всегда такой был, сука! Получи теперь полный расчёт!

– Ну вот, – успел подумать Терёхин. – Мама была права.

Мерседес развернулся, осветив фарами труп Терёхина, и покатил в город. Щербатый цыкнул зубом.

– Зачёт, Петя. Базара нет.

– Карточный долг – святое. Проиграл лоха завалить – сыграл как по нотам.

– Где ты этого терпилу нашёл?

– Я из гостиницы вышел, он мимо прёт. Я ему от фонаря «привет»... как там я сказал... Капинский, что ли... ну и дальше, как по писаному, втираю. А он ведётся. Может, он на самом деле этот... Куринский? Или как я там ляпнул?

– Нет, не Куринский. Знаю я его, – подал голос водила. – Сосед мой по старому дому, Терёхин фамилия. Реально – отстой. Сколько я там не живу, а узнал его сразу. Такие лошары никогда не меняются.

КРЕЙСЕР «АВРОРА» ДЛЯ ПОКОЙНИКА. СМИРНОВ

У меня мульти-виза. Шенгенская. Я живу в поезде «Киев – Берлин». Шучу, конечно. Месяц в Германии-Голландии, месяц дома – в Украине. Играю я. Нет, что вы, не в казино. На аккордеоне. Свадьбы, дни рождения. Играю и пою. Ребята, которые там живут, находят мне работу, а квартиру я снимаю. Кстати, дешевле там жить, чем в Киеве. Раза в два.

Раньше я играл на улицах, площадях. Но уже несколько лет иностранцам этого делать нельзя. Так что меня можно услышать только в кафешках. Хозяин от себя немного платит, и посетители «чай» оставляют. Принято так там. Никто не заставляет, но они, проходя мимо музыканта, обязательно 2–3 евро в футляр кладут.

Я играю русское, украинское, советское. Что знаю, то и пою. Для них это чужой фольклор. Слов не понимают, но музыка-то она интернациональна. Как и душа. Так что понимают они меня прекрасно. Выпьют, подпевают, кружками машут, угощают. А я не пью. Не то чтобы не могу, просто не

пью давно. Есть у меня свои трюки, как не обидеть того, кто наливает. Он же не только пивом-шнапсом угостит, он и денег даст, и, может быть, на день рождения позовёт поиграть или на свадьбу. А это сотня евро минимум. Так что обижать дающего деньги – большой грех для музыканта.

В тот вечер я играл с Олегом. Он на сопилке дул и объявлял номера. Он и по-английски может, и по-немецки. А я совсем ничего не понимаю, хоть уже десять лет из Европы не вылезаю. В дальнем углу сидел смешной такой (а все они смешные) голландец лет пятидесяти. В джинсах-дудочках, яркий шейный платок. Слушал, потом подошёл и говорит (это Олег мне перевёл): «У меня вчера умер отец. Он в тюрьме сидел в России. Вы русские (ну, для него мы все русские). И эти песни я помню. А ещё отец показывал, как русские пьют водку». Заказал он водки три рюмки. «Давайте выпьем по-русски, без закуски».

Олег на этот случай человек тренированный, он выпивает и за меня, и за себя. Мы рюмки меняем незаметно, чтобы клиент не видел. Выпили по первой, немец говорит: «А теперь пьём, занюхивая рукавом. Отец показывал мне». Выпили, занюхали рукавом. Олега уже ведёт – всё-таки четыре рюмки без закуски. Я говорю: попроси его закуску заказать. Олег начал говорить про еду. Тут наш поилец как закричит: «Хлеба давай!»

Приносит официант хлеба и три рюмки полных. «Теперь надо выпить и хлебом занюхать, – говорит немец. – Но ни в коем случае не есть», – строго добавил он. Мы (точнее, опять Олег – за себя и за меня – и немец) выпили, смачно всё занюхали, и Олег упал. Вот взял и упал.

Голландец несколько не удивился. Он начал мне что-то говорить, чего я не понимал. Я позвал официантку-польку и с трудом разобрался, что понравилась мужику музыка и зовёт он нас с Олегом завтра сыграть на похоронах его отца.

Утром, когда Олег с трудом пришёл в себя, я вернул его обратно в шоковое состояние вчерашним разговором с голландцем. Мы всё-таки ещё надеялись, что это были пьяные разговоры и наутро он поедет спокойно хоронить своего фатера, забыв, как кошмарный сон, пьянку с русскими музыкантами. Но не тут-то было. В полдень за нами приехала машина и повезла на кладбище.

В маленькой кирхе женщина-священник отпевала старика с морщинистым, как вагонная простыня, лицом. Многочисленная родня вытирала сухие глаза батистовыми платочками. Ближе всех к покойному стоял старший сын, который одобрительно кивнул, увидев нас. После отпевания все пошли к могиле. Возле аккуратной ямы, заботливо устланной целлофаном изнутри, поставили гроб. Я вопросительно посмотрел на заказчика. Он отрицательно покачал головой. Рабочие начали медленно опускать гроб в яму, и тут немец дал нам сигнал играть.

Я запел, аккомпанируя себе на аккордеоне. Олег, преодолевая головную боль, пытался подыграть мне на сопилке. Начал я с «Чёрного ворона», плавно переключился на «По диким степям Забайкалья», затем ушёл в «Ой ты степь широкая». Участники церемонии молча слушали музыку и смахивали слёзы со своих голландских глаз. Конечно, все эти песни я пел и играл очень жалобно, завывая, пристанывая, и даже сам впал в некую печальную истерику. Олег не смеялся лишь только потому, что всё происходящее, вероятно, казалось ему продолжением тяжёлого сна алкоголика.

Я спел «Нэсэ Галя воду» так печально, что слёзы навернулись у меня на глазах. Следующим траурным произведением я решил назначить «Крейсер Аврора» – детскую песню композитора Чичкова из одноимённого мультфильма. (Кстати, с самим Чичковым я однажды встречался в Ленинграде на слёте юных талантов). На втором куплете вдруг проснулась престарелая барышня, которая что-то громко начала лопотать, показывая пальцем на меня. Она говорила так нервно, что я понял: мы с Олегом пропали. Барышня узнала эту песню и сейчас всем рассказывала, что это никакая не траурная, а вообще какая-то не та музыка.

Но Олег был спокоен. А он-то понимал, что говорит родственница усопшего. Начал он негромко переводить и мне. Да, она узнала эту песню. И тут же начала всем рассказывать, что это песня про революцию, как люди страдали в застенках, и вообще, как оказалось, наш покойник сидел в России за что-то политическое и был настоящим революционером в глазах родни. Песня оказалась точным попаданием в нерв мероприятия, и печаль ещё больше пронзила всех.

Нас не отпускали. Забрали в кафе. Платили, чтобы мы играли им весь вечер. Я спел все песни, которые знал. В траурной обработке, конечно же. «Крейсер Аврору» я пел четыре раза. Перед уходом я сказал Олегу, чтобы он объявил, что у нас есть диски с нашими записями. Он сказал и продемонстрировал диск. Гости купили все диски, которые были у нас с собой. На вопрос «Есть ли там ЭТА песня?» мы отвечали утвердительно. Это была неправда, но я не мог обидеть людей в такой тяжёлый для них день.

Я сказал себе, что я каждому из них спою эту песню в любой момент, когда они захотят. Потом. Бесплатно.

СЛАВИК «БРЕЖНЕВ»

Славика у нас во дворе все звали «Брежнев».

На Самого – настоящего – Славик был похож толстой попой, бровями и невнятной речью. И ещё тем, что каждый вечер, стоя на тротуаре центральной улицы, «принимал променад-парад» у гуляющих горожан. Славик курил дешёвые папиросы «Север» и два раза в году проходил обязательное лечение в областной психбольнице.

Спустя три года после смерти настоящего Брежнева нашего сумасшедшего соседа сгубила водка и партийная номенклатура. Нет, Славик не пил. На дух не переносил спиртное в любых видах. Настоячивые мужики неоднократно пытались сподручно помянуть помешанного «Брежнева». Всем было интересно увидеть, что будет делать настоящий придурок со справкой, если ему сделать внутрижелудочную инъекцию алкоголя. Славик брал в руки протянутый сосуд с жидкостью (белой прозрачной, красной густой, желтоватой мутной – всё едино), нюхал и, чихнув как норная собака, уходил прочь, оставив стакан на столе.

В 1985 году единственным на весь район магазином, в котором продавалось спиртное, оставался наш «Овощной» (он же «Папин мир», прозванный по аналогии с соседним «Детским миром»). Подвоз горючего случался исключительно в рабочее время и в рабочий же день. В такие минуты мужчины старше шестнадцати и моложе шестидесяти лет сильно рисковали, стоя в очереди за бутылкой долгожданной водки. Вероятность облавы была высока. А самое малое, что ожидало попавшегося, было письмо в трудовой коллектив о том, чем занимается судосборщик Петров в не свободное от работы время.

Уличная часть очереди ментовский ПАЗик заметила издали. Работяги, предупредив коллег по несчастью, рванули враспынную. Тем, кто был в полушаге от прилавка, повезло меньше. Двери магазина были открыты лишь наполовину, потому на входе-выходе образовалась крепкая пробка. Промедление было-таки смерти подобно. Подоспевший наряд принял как тёпленьких дюжины две «прогульщиков и алкоголиков».

Понурились головы, медленно выходили из магазина сварщики и сантехники, инженеры и бухгалтера, преподаватели и токари. Тех, у кого были с собой документы, отпускали сразу, зафиксировав фамильные данные и прописку. Остальных отвозили в отделение милиции для выяснения личности.

В кабинете заведующей затаил дыхание высокий гость. Третий секретарь райкома партии. Дело обычное: Первый секретарь позвонил заведующей, попросил водки на нужды членов партии. Третий (как самый молодой) приехал с целью выкупить и доставить в кабинет шефа сорокаградусный дефицит. Попасться в облаву Третьему никак было нельзя. Не тот у него уровень, чтобы при виде его ксивы менты послушно брали под козырёк.

Окна кабинета заведующей выходили во двор. В пяти метрах от окна скучала белая «Волга» с райкомовскими номерами. Дверь в кабинет была закрыта изнутри. Гость некоторое время переводил взгляд с двери на закрытые окна и обратно. Кто-то снаружи несколько раз нажал на ручку, пытаясь открыть дверь в кабинет. Когда в дверь постучали и строгий голос приказал: «Откройте, милиция!» – пришла пора действовать. Срывая ногти, Третий секретарь райкома коммунистической партии сдвинул шпингалеты, распахнул обе створки окна и сиганул с полуторного этажа.

Только в прыжке Третий заметил, что под окном кто-то стоит. Закрыв глаза от страха, секретарь приземлился на все четыре конечности, поднялся, выпрямился, взмахнул руками, расшвыривая воображаемых нападающих, добежал до служебной «Волги» и прохрипел: «На базу». И весь вечер у него саднила левая рука, которой он ударил неизвестного.

Брежнев умер через неделю. Человек, выпрыгнувший из окна магазина, больно толкнул Славика в грудь. Маленький, толстый, неуклюжий сумасшедший потерял равновесие и упал на овощные ящики, лежавшие ленивой кучей. Неудачно упал. Ржавый гвоздь пробил тонкий слой слабых мышц спины и вошёл в лёгкое. Пацаны потом говорили, что лёгкие не болят, а сепсис (это слово мы знали от «откинувшихся» из зоны) жарким летом развивается быстро.

СЛОН

Старик был красив, как слон. Усы, похожие на бивни, толстая морщинистая кожа, большая голова. Его затылок маячил передо мной пять часов двадцать минут. Столько времени отнял у моей жизни перелёт Дели – Киев. Слон кашлял и тёр старческий нос бумажными платками. Я завидовал его болезни. Насморк проходит. А вот то, что у меня... ну да ладно.

В салоне никто не хотел садиться рядом с больным. Стюардесса растасовала пассажиров полупустого самолёта, оставив санитарное пространство вокруг простуженного. Я остался сидеть у старика за спиной и получил одобрителный взгляд от красавицы в форме. Знала бы она, почему я не боюсь заразиться.

Слон был русским. Он пил водку (пять крепких дринок за перелёт!), хорошо кушал и всхрапнул после несытного обеда, в который добавил пивных калорий в виде баночки индийских помоев, именуемых стюардессами «бира». Я выпил вина и не доел даже то, что мне включил в стоимость билета экономный авиаперевозчик. Настроение было отвратительным. Самочувствие тоже.

Таможенники всего мира – сволочи. Независимо от национальности, цвета кожи и вероисповедания. Вероятно, высшие магистры тайной гильдии таможенников, в которой они состоят, требуют от рядовых членов исполнения ритуала издевательства над человеком, пересекающим границу. Они нарочно придумали идиотские правила и ограничения. Почему я, перемещаясь из одной страны в другую и оставаясь при этом самим собой, вынужден отказываться от небольших слабостей, которые скрашивают мою жизнь? Таких, например, как курение гашиша.

В очереди к собачьей будке паспортного контроля я стоял впереди старика. В течение получаса я слышал за своей спиной хриплое эхо простуды. Люди оборачивались на звуки и укоризненно стреляли глазами. Старику становилось неловко, и он давился кашлем. Пустяковая его болезнь скоро пройдёт. А я умру, и деньги, которыми набита моя кредитка, меня не спасут. Но они хотя бы облегчат мне страдания. Я уже познакомился в Индии с наркотиками. И теперь буду покупать их столько, сколько окажется нужным, чтобы никогда не узнать, что такое боль.

Пограничник сравнил фотокопию моего лица с оригиналом и простучал железным копытом по страницам паспорта. Я ещё похож на фотоверсию себя. Но очень скоро я стану другим. Я посетил медицинские сайты и увидел, как меняет человека моя болезнь. Ужасные натуралистические фотографии с садистской откровенностью открыли малейшие подробности. Не хочу, чтобы меня кто-нибудь видел таким. Я забронировал номер в маленькой голландской гостинице на окраине столицы. Амстердамские дилеры до последнего дня будут приносить мне всё, что нужно.

Мой рейс Киев – Амстердам через десять часов. Этого времени хватит, чтобы показать улицам родного города, как изменила жизнь в Индии юного танцора, каким я был восемь лет назад. Я извинюсь – заочно – перед ансамблем, который я бросил во время гастрольной поездки. Я извинюсь перед могилами родителей, которым я не написал ни строчки за эти годы. Я как сквозь землю провалился. Исчез. Растворился. Если говорить образно, то так оно и было. Простите меня, мои родные.

Старик оторвал от движущейся резиновой дорожки тяжёлый чемодан и поставил его на тележку рядом с таким же. Я поднял пустой кофр. Это вся моя кладь. Мне теперь легко. Слон, громко

трубя простуженным хоботом, обогнал меня и пришёл к выходу первым. Автоматическая дверь открылась, и старик въехал в живой коридор. Справа, слева – и вообще везде! – стояли люди. Цветы, таблички с написанными на разных языках мира именами и названиями туристических компаний, фотоаппараты, камеры. Настоящий ад. «Мне за что это? Меня никто не встречает, дайте спокойно пройти!»

– А вот и дедушка! – крикнула толстая девица с мальчиком на руках. – Смотри, Петюня, дедушка приехал!

Слон расправил плечи и приналёг на тачку, стараясь быстрее продвинуться к родным. Дочка действовала проворнее. Она, разгребая сильным плечом людские завалы, дотащила внука до дедушки. Старик схватил малыша и прижался к нему большим лицом.

– Дедушка тебе привёз слона! – кричала девица. – Настоящего индийского слона!

– Шлён. Деда, шлее-ё-ён, – лепетал мальчик.

Дед остановился, и обойти его было нельзя. Я опять смотрел в его затылок. Чья-то тачка ткнула меня в икры.

– Дедушка забыл про слона, – у старика побелела лысина. – Я так простыл перед вылетом, что забыл. Мы пойдём и сейчас купим где-нибудь.

– Шлён! Деда плохой, хочу шлёна, – ребёнок зарыдал.

Сзади зашумели и приналегли. Тачка опять ударила меня по ногам, отъехала и извинилась.

– Да что ж ты такое! Ничего тебя попросить нельзя. Такую дрянь даже не смог сделать. Ребёнку игрушку купить, – завелась соскучившаяся дочь.

К нам протискивался товарищ в форме. Он размахивал рацией и нервировал встречающих. Старик беспомощно озирался по сторонам. В его глазах проступили слёзы. Он искал выход и не находил его. Толпа придавила сильнее, желая смести меня и старика с внуком. Оружий Петюня висел на дедовом плече лицом ко мне. Я вытащил из кармана ключ от машины, которую бросил в Делийском аэропорту (она мне уже не понадобится!), и протянул малышу.

– Вот твой слон, малыш. Дедушка его потерял, а я нашёл.

Петя выключил звук и схватил подарок жадной ручонкой. На цепочке раскачивался золотой слон. Старик хотел мне что-то сказать, но я его остановил.

– Ерунда, бронзовая игрушка. Никаких проблем.

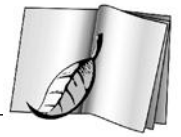
– Петюня, скажи спасибо дяде за слона, которого дедушка потерял, – дочка недобро присела на слово «потерял».

Через минуту я уже не видел ни старика, ни его внука, ни любящей дочери.

Этот брелок подарила мне моя любовь. Она верила, что золотая фигурка животного принесёт мне счастье. Я впервые увидел Принцессу на концерте во Дворце Слонов. Мне со сцены было хорошо видно весёлую коричневую девочку, сидящую в королевской ложе. На приёме, который был дан после нашего выступления, мы познакомились ближе. Дворец был настолько большим, что за восемь лет я ни разу не встретился с её родителями. В королевских покоях каждый жил своей жизнью, не замечая других обитателей.

Принцесса одаривала меня очень щедро: машины, яхты, деньги. После смерти Принцессы я начал избавляться от подарков. И только что отдал мальчику предпоследнее, что у меня осталось от неё. Последний же подарок, полученный от неё, я не смогу отдать никому. Когда Принцесса ощутила первые симптомы страшной болезни, она тут же изолировала меня. Но было поздно. Наследница трона уже поделилась со мной всем, что у неё было.

Сергей ПИСКУРЁВ

НИ ЭЛЛИНА, НИ ИУДЕЯ...

* * *

Бьёт себя в грудь Понт Эвксинский,
с пеной у рта доказывает, что он –

стихия.

Нет ни эллина, ни иудея, чтобы ему поверить.
Заперт Понт. И ключ навсегда утерян.

Ключ – на дне. Там. В сероводородных ямах,
в пузырях, воронках, «воронках», душегубках.

Примерешилось: греки плывут на край

ойкумены.

Присмотрелся – рыба разбухшая кверху
брюхом.

...

Век двадцатый! Нет тебе ни дна, ни покрывки.

О, тебя не замай – повернёшься взрывно волной,

Сталинградом.

Тише, век, дай пожить тому, кто ещё

не родился,

дай лебяжий пух расправить

за спинами внуков.

Понт, и ты не ломай комедий. Дров. Стульев.

Александр Македонский – герой. Да на стульях

другие герои.

Над Парламентом дошлым верховный парит

Станиславский,

обрывает актёров бездарных ехидным

«не верю».

Век двадцатый. Умри. Дай вздохнуть вольно.

Досмотреть-дослушать агон без иудейска страха...

Понт обмелевший, я знаю, как это больно –

грудью биться над тем, что пойдёт

всё одно

прахом.

Пискурёв Сергей Евгеньевич. Поэт, публицист, драматург, культуролог. Родился 7 апреля 1960 года в г. Рыльске Курской области (РФ). Автор поэтических сборников «Франсуа Вийон и другие неудачники» (1999), «В ожидании лифта» (2003), «Походный алтарь» (2009), документальной повести «Червоні коліщатка. Миколаїв. Рік 1917» (2007). На театральных подмостках Украины создал спектакли по пьесам «Господин Шаботе, или Кот в сапогах», «Тристан и Изольда, или Укрощение Эроса», «Девочка со спичками, или Избиение младенцев». Работал собственным корреспондентом первого культурологического журнала независимой Украины «Art line». Автор музейных выставочных проектов и экспозиций, в том числе «концептуального» триптиха «Театральный разъезд – 2000 (Йохан Хейзинга)», «Сказка моей жизни (Г.Х. Андерсен)» (2005), «Предчувствие гражданской войны (Сальвадор Дали)» (2007). Член нескольких творческих союзов.

ЦЕНА ГАЗА

Этот газ умирает, горя.
Как свидетельство палеолита.
Знак того, что эпоха прожита
и, как водится, прожита зря.

Этот газ умирает, терпя
геноциды, восстанья, исходы...
Как свидетель того, что уходит
из-под ног, содрогаясь, Земля.

Этот газ не добавит тепла
в манускрипты, руины и руны.
Нам – поджарить Ньютона и Бруно
и погаснуть... как водится, зря.

ОТВЕТ ЮННЕ МОРИЦ

Погиб поэт...

М. Ю. Лермонтов

Был некогда поэт.
Писал свежо и юно.
Поэта больше нет –
осталась Баба Юнна.

Уже давным-давно
Яга на «жесь» подсела.
С тех пор она – лайно.
Сама себе подсера.

Фальшивит и «фонит»
державная кликуша.
О Боже, сохрани
в Поэте божью душу.

Дай дотянуть Яге
до гласа «Аз воздам».
И костяной ноге.
И костяным мозгам.

ЧЕПУХА

Памяти Натальи Луцан

Жизнь прожита от и до.
В ожидании АТО.
Ионеско и Беккет
закулисе шлют привет.

Я и Лысая певица –
мы – статисты, а не лица.
Это случай – текста нет
в роли, что сваял Беккет.

В ожидании Годо
жизнь прожита от и до.
Приходи к Годо лечиться
и корова, и волчица.

Всех излечит, исцелит
пулей в лоб Рене Магритт.

АГОНАЛИИ

Падают монументы.
Рождаются минотавры.
Бурные аплодисменты.
Литавры.

Аве цезарь аве!

Квадриги. Дроги.
Патриций в тоге.
Штепа в малиновой куртке.
Трога-а-ай!

Аве! Аве! Аве!

Раж.
Дрожь.
Блажь.
Ложь.

Плебс ликует.
Это начало агона.

...но тот, кто вынашивал
недоношенных,
тот, кто выхаживал
неухоженных,
полузадушенных,
полузамученных,
поштучно
проданных,
подушно
«ссученных»,
тот знает

изнанку,
знает
цену.

Тот не играет в игры.

Измена...
Цезарь, измена!

Кто не играет в игры?

Пифийские?
Пофигийские?
Немейские?
Прохиндейские?

Олимпийские!

Игры! Народу – игры!
Слово – народу!
Идею!
Вокс попули,
так сказать,
вокс деи.

Плебс ликует:
жрачки и цирка!
Жрачки и цирка!

Аве рейтинг.
В цезари – Пыркина!
В цезари – Дыркина!
Жиркина!
Гиркина!

Аве! Аве! Аве!
Плебс! Плебс! Плебс!

У плебса – всё круто:
крупы, холки, яйца.
Плебс опять обведут
около да вокруг
пальца.
Плебс всегда-провсегда
останется
с носом.
Плебс пронесёт
имперским крутым
поносом.

Расплата! Расплата! Расплата!

Но тот, кто вынашивал
недоношенных,
тот, кто выхаживал
неухоженных,
полузадушенных,
полузамученных,
поштучно
проданных,
подушно
«ссученных»,
тот знает, как

рождаются минотавры.
Падают монументы.

* * *

У линии – разбег,
у трещины и вены.
Художник пишет век,
ему несовременный.

Ему не интерес
писать, что ныне круто.
Спускаются с небес
небесные ведуты.

Нагроможденье вех
вихрится кучеряво.
Художник пишет век.
На то имеет право.

* * *

Увековечена и увечна
человечина – бесчеловечна.
Если нелюдь я или гадина,
человечина та же говядина.
Челобитная о человечности
к отчизне моей – человечеству,
с червоточиною, с гнильцою,
с жертвой Савченко и Сенцова.
Человечина – та ж говядина,
если нелюдь я, если гадина.

Березина Дарина Юрївна. Поетка, прозаїк, драматург, перекладач. Народилася 19 червня 1982 р. в Миколаєві. Філолог, закінчила Миколаївський державний гуманітарний університет імені Петра Могили. Лауреат Міжнародного конкурсу кращих творів молодих літераторів «Гранослов», конкурсу «Привітання життя» та конкурсу видавництва «Смолоскип», а також Міжнародної недержавної україно-німецької літературної премії імені Олеся Гончара і конкурсу «Витоки». Автор збірки поезій та прози «Камера схову» (Київ, 2004), збірки поезій «Всього лише серпень» (Львів, 2006), збірки прози «Мимо жанру» (Миколаїв, 2010), п'єс «Паперові фрегати» (2012) і «Вуе-буе, baby, або Риба в натюрморті» (2013). Виступала як перекладач у декількох літературних проєктах, друкувалась в обласних та республіканських часописах. Член Національної спілки письменників України (2006).

Дарина БЕРЕЗИНА

НА ЗАП'ЯСТКАХ УРИВКИ РИМ

* * *

Леді Ф. (майже за Сільвією Платт)

Яка ж то марудна й невдячна справа –
Повставати з попелу безугаву,
Себе переписувати, мов книгу, –
Неначе риба, що б'ється в кригу,
Немов трава, що росте крізь камінь, –
Хапаючись вкотре за небо руками...
Тягти себе – вище, тягти себе – вгору,
Усупереч вашому дружньому хору,
Крізь поглядів лезо, і споминів безум...
Як вірити в те, що знову –
воскресну?..

...

Хрест мій –
Такий, як у інших феніксів всіх без винятку –
Цілком злочинна байдужість до власного вигляду.
Не модні

Бездонні

У цьому

Сезоні

І відчай – то день вчорашній.
Не кажучи вже про звичку несхвальну
До привселюдного самоспалення,
Від диму заходячись кашлем.

Отже –

Нащо?

Вперто і гордо,
Знову і вкотре,
Рваним акордом
Кров'ю з аорти,

Болю мій, болю,
Бою мій, бою.

Доля героя –

Бути собою.

Душить болото

Право на спротив.

Знаю достоту

Ціну свободи –

...

Ціну скорботи

...
 Хто ти –
 Той, що знов розкладає ватру,
 З якої вкотре мені – чи варто?
 З якої – вкотре – чи стане сили?

...
 У світі димно і сутінково
 І ні знамень, а ні див навколо.
 Лиш полум'я.

Попіл.

Крила.

* * *

А поетам місце – на ліхтарях.
 У лахміття стяг і нема звитяг,
 Загубився страх на семи вітрах,
 Так поетам місце – на ліхтарях.
 А поетам місце – між тут і там.
 Між кумедних драм і богемних дам,
 Де назустріч снам рвуться вікна з рам,
 Так, поетам місце між тут і там...
 Це така планида, учора й днесь,
 Що поетам місце... та хоч би десь!

* * *

...а вони мені: та ну, не сміши людей!
 адже ти ніхто, і місце твоє – ніде,
 а усе, що ти робиш, – нікчемне, дурне й пусте:
 ані сексу, ні сенсу, ні грошей у гаманці...
 я мовчу, ховаючи погляду срібний лід;
 я тягну за собою споминів злий граніт
 і благаю подумки: Той, суций Над і Під,
 збережи цей маленький світ у моїй руці.

...а вони мені – кому ти треба, облиш?
 адже скільки вас таких, що довіку – між,
 що не вміють брехати в очі, а в спину – ніж
 і самі обирають для себе цвяхи і хрест?
 я мовчу, долоні майже вже не болять;
 я всміхаюсь в зловтішні очі моїх прояв
 і під дикий гвалт ошалілого вороння
 шепочу: збережи довіку, учора й днесь.

...а вони мені: ти одна, зрозумій, одна!
 і у тебе в очах війна й навдокіл – війна!
 телефон мовчить, і гірчить на губах вина,
 а в п'їтмі навколо – ні зірки, ні маяка...

я мовчу; сперечатися? я вас благаю – з ким?
я записую на зап'ястках уривки рим
і всміхаюсь, коли у скроні вдаряє грім
і в мою долоню лягає Його рука.

* * *

К. О.

Зітхали зорі у зодіаку,
У темних вікнах губився час.
Ходив по світу сумний собака.
Чекав господаря – може, Вас?
А Ви все квапились – не до тебе!
А Ви все слів не могли знайти.
Сумний собака дивився в небо,
Нявчали з неба йому коти.
Так сиво містом гуляла злива,
Неоном тліли вогні вітрин.
Він так втомився чекати дива
І вас шукати втомився він...
Та знов під ранок йому наснитися,
Неначе куля, що крає лід,
Як чорним містом йдуть дикі гицлі,
А Ви всміхаєтесь гицлям вслід.

сНІЖність

1. Кай

Гердо, твоя любов – як на горлі зашморг,
А трояндовий запах млосний, немов оскома.
Гердо, даруй, але я не вернуся нізащо
В те сонне царство, що ти називаєш домом.
Гердо, не думай, дзеркало ні до чого,
Просто ці вулиці душу мені душать.
Гердо, пробач, я не вмію шукати Бога
Там, де його немає, на морі й суші...
Гердо, мене вже нудить від цього міста!
Гердо, вони ж усі як один – нікчеми!
Гердо, мені нафталіном відгонить кисень,
Коли я знов намагаюся бути чемним!
Гердо, до біса шапку і рукавиці!
Гердо, я так стомився, я так стомився!
Ніжність твоя, Гердо, як ніж крає.
Гердо, я просто Кай. А ти думаєш – Каїн...

2. Герда. Колискова

Кажуть, там нагорі – рай.
 Засинай, мій Кай, засинай.
 Чуєш спів янголиних зграй?
 Засинай, мій Кай, засинай.
 Завтра будемо пити чай.
 Засинай, мій Кай, засинай.
 Я тебе... не втікай, зачекай!
 Кай?!

3. Кай. У палаці

Гердо, маленька, на чорта мені твій чай?
 Гердо, я бачив небо! Воно – моє!
 Гердо, вона сказала мені «літай!» –
 І я лечу. Це значить – Бог таки є!
 Гердо, твої книжки лиш фарба й папір!
 Вибач, вони нудні, так само, як ти!
 Знаєш, я з нею шугав між далеких зір
 І комети смикав за золоті хвости!
 Вперте дівчисько, кажу тобі, не шукай!
 Я не вернуся на твій убогий балкон!
 Просто забудь, що колись мене звали – Кай.
 Гердо, мене немає. Я просто – сон...

4. Маленька розбійниця

Гердо, ганялись за хлопцями – не *comme il faut*.
 Гердо, будь гордою! Він тобі навіть не брат!
 Ну, посміхнися ж бо, адже сьогодні Різдво!
 Скільки їх буде ще, цих несподіваних втрат!
 Гердо, не треба, він з тих, що не вартують сліз!
 Він як вода – неблаганний, свавільний та злий!
 Краще лишайся зі мною – тут річка і ліс...
 Він тебе не... я благаю тебе, зрозумій!
 Хочеш, ми будемо сестрами – нині й навік?
 Хочеш, я душу віддам тобі – так, задарма?..
 ...Тільки в очах твоїх, Гердо, дорога і сніг.
 Сніг і дорога туди, де лиш він – і зима.

5. Герда. Дорога

Шукаю. От тільки – кого і навіщо? Згадати б,
 Кого і навіщо. Я йду, бо не можу не йти.
 Його звали Касм. Здається, він був мені братом.
 Здається, колись я кохала його – назавжди.
 Колись – назавжди. А віднині – дорога і вітер.
 І пам'ять про втрату, що й досі у грудях пече.

Здається, колись був балкон і сміялися квіти,
Розкошлані голови горнучи нам на плече.
Чому я мовчала? Чому я сказати не вміла,
Що він мені – все, доки світ не накрила імла?
...Мабуть, прокляла б – якби досі іще не любила.
Мабуть, розлюбила б нарешті, якби прокляла...
Шукаю. От тільки кого і навіщо – згадати б.
Його звали Каєм. Здається, він був мені – братом.

6. Кай. Фінал

привіт маленька ні все гаразд це просто я трохи змерз
увяляєш тут навіть у кнайпі кава буває лише глясе
цілунки її колись краяли наче півсотні лез
а нині навіть не лоскотно гердо вибач мені за це
не думай я не сумую це просто горло чомусь болить
а шарф залишився вдома та й на чорта зрештою шарф
просто знову чомусь не спиться і так химерно щемно скімлить
те нікчемне смішне маленьке що колись звалося душа
гердо пробач я тебе проміняв на світ і нові ковзани
мені здавалося справжня свобода не знає ні втрат ні меж
я тут розучився чекати дива і навіть бачити сни
і я вже не вірю що ти колись нарешті мене знайдеш

7. Герда. Un(?)happy end

Я голос зірвала в кров, та не докричатись
Туди, де на чатах ангели срібночолі.
Колись уміла молитись. Нині – мовчати,
І то заважко. Так якось воно, поволі...
Усе як в людей – чоловік, господарство, церква.
Спочатку було марудно, тепер звикаю.
От тільки чомусь і досі боюся дзеркала...
...Торік народився хлопчик. Назвали – Каєм.

Кулаков Вячеслав Владимирович. Ландшафтовед, кандидат географических наук. Автор книги «Річко, річко, яку маеш назву?..» и множества краеведческих газетных и журнальных публикаций. Его образы и геообразы раскрывают гуманистические ценности окружающей среды.

Вячеслав КУЛАКОВ

ЯРЫМ БЫКОМ НАХЛЫНЬ...

Экологическая повесть

*Река – это вода, которая стремится,
и её геообраз, который меняется;
воду создал Бог, а геообраз – ты!..*

Симун Лакрумов, мифогеограф

I

Мы стояли лагерем у села Курипчино, что на Буге, – в самом центре гранитно-степного заповедного края. «У села...» – это сильно сказано, потому что к реке спускаться ещё и спускаться от этого самого Курипчино... километра три, а то и больше, и всё – каменной долиной.

Август выдался дождливый, и любившуюся поляну – место нашего обитания в экспедиции – который день заливают потоки с неба. Дождь то идёт, то прекращается, а мы то выйдем с сетями на воду, то снова зайдём... в палатки. Мы – это ихтиологи, группа учёных, занятых плановыми исследованиями реки, видового состава её живности. Каждый год мы собираемся вместе на один месяц, из разных городов, в рамках одной программы, для цели одного проекта: как общими усилиями сохранить богатый мир живой природы в этом уголке Вселенной.

Военный «ГАЗ», почти что вездеход, забрасывает нас в каньон Южного Буга с сетями и палатками, провиантом и формалином и ещё множеством мелких вещей, необходимых для автономного существования четырёх мужчин в течение четырёх недель, с учётом того, что рыбой, ягодами и грибами они себя обеспечат сами, а молоко и хлеб им обещаны курипчанками, если через два дня на третий (может быть!) кто-то из нас станет карабкаться сквозь колючий кустарник к дороге «на село», которая обрывается там, наверху, а здесь её нет, в байрачном лесу, а только тропинки сквозь него и россыпи гранитных валунов, тысячелетия торчащих тут в беспорядке; но это для нас он беспорядок, а я так думаю, что для Природы, которую мы понимаем как Сущее, это есть непознанный нами порядок – Порядок из Хаоса, и он проявляется даже в разбросанных камнях посреди леса в древнем каньоне, невероятно суженной долины реки.

Заберут же нас отсюда со всеми пожитками ровно в договорённый день – и ни днём раньше... даже если Коля-

водитель вдруг захотел бы и сжалился над нами в такую погоду, то всё равно – пока идёт дождь, ему не одолеть скользких круч.

В такие влажные дни и костёр не особенно-то разведёшь – для всеобщего сбора, а потому приходится сидеть по своим «норам» – палаткам, только тем и занимаясь, что читать. Или – «теревенить» с коллегами о том о сём... Можно, конечно, и музыку слушать, но... какой дурак в лес со своей музыкой потащится!..

Под непромокаемым тентом я соседствовал с Альбертом Ивановичем. Это означало, что мне достался хороший собеседник. Замечателен он тем, что, обладая феноменальной эрудицией, был учёным с «прибамбасами». В кругу своих его называли просто – «Рассеянный». Говорили, например: «А, это тот... Рассеянный...» или: «В экспедиции был с Рассеянным...» – и сразу ясно, о ком речь, и улыбались, потому что относились к нему все одинаково хорошо – добродушно... Однажды, когда его в очередной раз посетила гениальная мысль, он умудрился в рукописи академического труда поменять место обитания исчезающего *Barbus'a borysthenticus'a* – усача днепровского – с Днестра на... Южный Буг. В результате так и зафиксировано, что 50 экземпляров краснокнижного вида были в один момент выловлены «на порогах Южного Буга». Нам на этих порогах годами сидеть – за таким количеством – не усидеть!..

Он мог часами увлечённо говорить, например, о древних цивилизациях, и слушать его одно удовольствие – такое количество интересных знаний обрушивал Альберт Иванович на наши головы. Помню, как страстно он доказывал, что «степные пирамиды» – курганы – изначально не были округлыми и покатыми. Они были... ступенчатыми!.. Их строили в виде зиккуратов, известных в древнем Междуречье. Зиккуратами называют также каменные пирамиды Центральной Америки. Вот только наши, степные украинские, зиккураты (а по мне так всё равно – курганы) намного древнее.

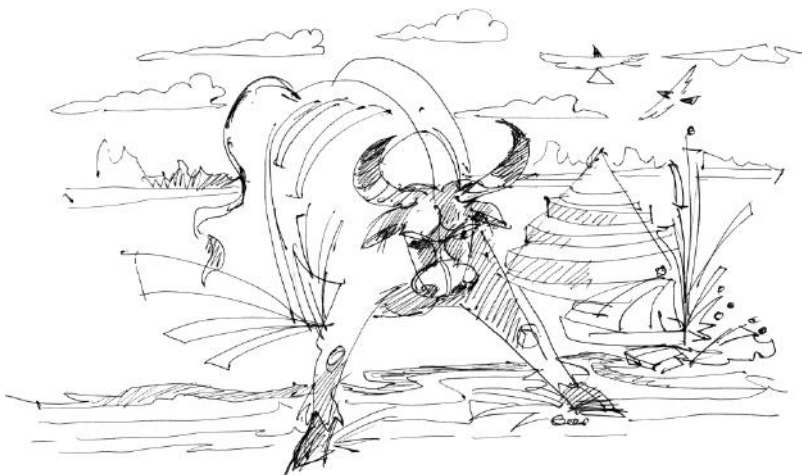
– Альберт Иванович! Скажите, а что вы всё время нашёптываете, когда мы утром ставим сети на реке?.. О каком-то «быке яростном»?..

– Это древний гимн в честь бога всех земных энергий – Зевса, точнее, быка в образе Зевса – Зевса-быка. Ему поклонялся средиземноморский люд задолго до эллинов. Славословие Зевсу предрекает удачу, вот я и взываю к нему – к быку-энергии, а не к быку-богу. Он, кстати, напрямую связан с именем нашей реки...

– Да ну?..

– ...вий, и будет римское название Дуная, между прочим! – и завязался диалог, который вскоре перерос в оживлённую дискуссию всех фигурантов повествования – а это все мы, четверо исследователей.

Но сначала немного о самих названиях рек – о гидронимах... которые с древнегреческих времён означают имена, данные воде, что на поверхности Земли. Каждый раз, когда мы хотим узнать

происхождение географического названия, мы заглядываем в топонимический словарь. Этот словарь должен быть путеводной звездой в царстве имён собственных. Однако нить Ариадны, словно в лабиринте Минотавра, иногда блуждает среди множества смыслов. И какой из них истинный – попробуй разберись. Потому и стареют словари, которые нужно периодически обновлять, чего не случается. Новые версии и новые гипотезы чаще всего встречаются

в штыки – и учёный мир, и мир обывательский устроены одинаково консервативно. Надо приложить много усилий, чтобы избавить мозги от инерции покоя, сдвинуть с пьедестала устоявшийся стереотип. И в диалоге с уважаемым Альбертом Ивановичем я кажусь себе ироничным и даже – скептиком, а согласным или не согласным... это уж – как слова на душу лягут...

Как в жизни: только кажущаяся иллюзия истины... только абрисы – в навеиванном...

II

– Речь идёт о ситуации, когда нужно исследовать само название, ГИДРОНИМ, который для нас всех других важнее, потому как – это наша река, родная... Мы живём на ней, гордимся ею. И не только её земными реалиями, а мифореалом реки – духовной сущностью.

– А что это такое – мифореал?

– Это образ местности, который, словно итог познания, создавался в умах людей с мифическим мировосприятием, когда другого ещё не было. Люди древности были частью самой природы, и они не обманывали себя, веря в то, о чем ведал миф. Они всю жизнь относились к окружающей среде, как того требовал миф, они заботились о ней, как завещано мифом. Это легенду можно назвать просто сказкой, родившейся вдруг и по поводу. Легенда зыбка, миф – вечный... Мифореал – это конкретная земная реальность, воспринятая человеком духовно.

– А сегодняшний рациональный и материально мыслящий человек может... ну как это... создать, что ли, или... воспроизвести мифореал?..

– Может. В Николаеве археологи раскопали древний киммерийский город. И сейчас урочище Дикий Сад, где ведутся раскопки, – не просто реальный объект археологии, а такой, что имеет идеальную ценность. Мы сами создаём ему образ, который отображает целиком воспринятый материальный геореал прошлого. Но – из-за недостаточных пока научных атрибуций понятие «киммерийский город» мы заключаем в кавычки, что означает: он для нас является мифореалом. Это – результат воссозданной нами деятельности людей в прошлом, которая для нас во многом загадочна.

– Понятно... Вы хотите сказать, что по отношению к реке Южный Буг, точнее, к её имени, можно соотносить такое видение – мифореальное?..

Альберт Иванович задумался... видимо, ему показалось, что я чего-то недопонимаю, что прежде чем продолжить, меня следует ещё в чём-то убедить.

– Да. Но больше тебе я ничего не скажу. Это долгий процесс познания. Cogito ergo sui, дружище.

– Кажется, я понял... Понял, что такое мифореал – «прежде и теперь». Теперь можем возвратиться к нашим другим, «первым» баранам...

Альберта Ивановича, когда он «заведётся», трудно остановить. Но я сам начал что-то понимать, и мне страшно хотелось продолжить беседу:

– Альберт Иванович, чайку – не желаете?.. Я мигом «Шмель» разожгу!..

«Шмель» тем ценен, что при непогоде его можно безопасно разжечь в палатке, разве что требует долгой подкачки.

– Альберт Иванович, и сгущёнки... Юрка с Мовчаном, я слышу, вторую вскрывают!..

Мой напарник Юрка Рабцевич соседствовал с начальником экспедиции Мовчаном. Тот – настоящий молчун, а Юрка – настоящий рыбак, может сутками пропадать где-то с удочками, а может и спать сутками. В такую погоду если он не спал, то играл в шахматы с Мовчаном – с переменным успехом...

Я знал, что Альберт Иванович любит... как бы это сказать... в общем, «не дурак поесть». Я рассчитывал, что, подкормив его сладеньким, смогу расположить его к дальнейшей беседе.

Но Альберт Иванович захотел большего, чем тривиальная «сгущёнка»... он вспомнил о той знаменитой щуке, что поймана нами с Рабцевичем как раз накануне «больших дождей». И что интересно: поймана эта щука... однако всё по порядку...

III

Перед тем как отправить машину из лагеря, мы попросили шофёра Колю свезти нас на денёк к деду Хрышко – на старую водяную мельницу близ Семёновки. Дед Хрышко много доброго делал для нас всегда. Мы часто обращались к нему за помощью. Он один точно знал, где что водится – в Буге и где что растёт в – округе... Он и сам не помнит, сколько лет он тут, на водяной мельнице, точнее, на её руинах, смастерив нехитрую «халабуду», прожил. Он и лет-то сколько ему – не помнит! А сколько мы, развесив уши, «навесили» на них его баек, былин и небылиц!.. Словом, мы любили бывать у него в гостях – на заброшенной мельнице, где успокаивается, минуя пороги, большая Река.

Мы привезли деду канистру бензина, подсолнечного масла, махорки и... сгущёнки. Он выставил «зверобой» – настоящий на травах крепкий... напиток для мужчин.

– Хлопці, а чом би вам на ніч не залишитись? – он всегда так говорил, когда у него было дело к нам.

– Останемся, дед, останемся...

– На варті Альбертік зостався чи хтось ще?..

– Он самый, дед Гриша, Альберт Иванович...

– Тож подарунок йому від мене – ліки, будь ласка...

И он протянул нам три флакона тёмного стекла – в такие разливали микстуры в аптеках. Каждому «пузырю» соответствовал ярлык – намалёванная дедовой рукой надпись: «Для желчі», «Для жінки», «Для жопи».

Все знали, что у деда есть лекарства от всех болезней, исключительно на травах. А с Альбертом Ивановичем были у него общие тайны, только им известные... Они дружили давно... когда я ещё и слова такого не знал: экспедиция!..

– Тут таке діло, розумієте: останнім часом якась крокодила всіх каченят потягала, з води забирає серед біла дня... Кажуть, пацюк якийсь водяний, величезний. Тож – подивитесь?.. Чи як?..

И мы договорились... Юрка, знаток повадок всяческих рыб, имел под рукой компактный и мощный фонарь («Подарок американских полицейских», – хвастал он, не уточняя деталей столь благородного поступка). Он только попросил деда порыскать по чулану в поисках прочной бечевы и длинного шеста.

Вечером дед Хрышко разместил нас на своей лодке – более-менее устойчивой посудине. Юрка приготовил фонарь, бечеву, шест и что-то ещё – зачехлённое. «Когда он успел?..», – подумал я, но вспомнил, что мой напарник – фанатичный рыбак, у него всегда всё под рукой, особенно если мы на машине... «Острога», – сказал Юрка, когда прочитал вопрос в моих глазах.

Едва мы набрали ход на вёслах, он уточнил: «Такими готы били рыбу в наших реках при Германарихе. Оружие гладиаторов – здесь, на Багассоле, и на Данаприсе, где возвели они стольный град, было у них заместо гарпунов. А рыбы было столько, что острога, брошенная наугад, когда рыба шла на нерест, тут же находила цель и стояла отвесно – во-о!...»

Дед Хрышко было рот открыл: «Хлопці, може, за берданкою до хати згонять?..» – чтобы, значит, мнение своё об ондатре-воровке высказать, как Юрка решительно отрезал: «Нет, дед, стрелянины не будет. Не ондатра это. Щука-обжора завелась и тащит всё подряд. Нам поможет... острога!» И Юрка вынул из чехла своё грозное оружие – большую вилку из нержавеющей стали с пятью короткими иглами-зубьями. Каждый зуб загнут как рыболовный крючок, чтоб не сорвалась добыча. Он прикрепил железную острогу к деревянному шесту, лёгкому и прочному. Затем продел бечеву сквозь отверстие, что на другом конце шеста высверлил ещё в хате, и завязал морским узлом.

В сумеречном свете я смотрел на Юрку, но видел не его...

...Германарих указал тризубцем на юг и молвил: «Мы пройдем долиной Багассолы до Понтийского моря и на реке Данапр станем великой державой. Вперёд, моё гордое племя!» И готы-германцы пошли к Чёрному морю вдоль Южного Буга целым народом, с женщинами и детьми. Ищут они новых земель в припонтийских степях, ищут добычи в пиратских набегах, ищут славы, золота и власти на

обширной территории от Тисы до Дона и от Балтийского моря до Дуная. Готский историк запишет: «Пришло то племя на европейскую землю, вырвавшись, подобно пчелиному рою, из недр острова Скандза, что лежит против реки Вистулы. С этого острова Скандза, как из плавильного котла, вышли некогда готы... В поисках удобных областей и подходящих мест пришли они в землю Скифии. Далее как победители, двигаются они в крайнюю часть Скифии, что у самого Понтийского моря»...

Скоро стемнело. Уже не Германарих, а Юрка включил свой «полицейский» фонарь, и мы стали неслышно продвигаться вдоль камышей там, где Буг убавил ход и течёт шире. Было темно и тихо. Луч света поглощался мраком, и от этого ещё темнее казалась ночь, охватившая нас со всех сторон. Мы плавно продвигались вперёд, стараясь грести, не плеская вёслами. За кормчего был Юрка; он зорко всматривался в глубину, посылая луч по ходу лодки. Мы двигались, будто зачарованные, и такое гипнотическое скольжение по чёрной маслянистой воде невероятно нравилось мне: так бы и скользил всю ночь по Бугу, по воде, по эфиру, по звёздному небу...

Наконец выплыли из протоки и только стали выходить на широкое пространство реки, как Юрка весь напрягся: он узрел-таки щуку, стоящую меж двух затопленных кочек – там, где сплошная гряда тростника расслоилась на отдельные камышинки. Мы тихо наплыли на спящую рыбу. Юрка завёл руку с острогой за спину, долго водил шестом – метился, и...

...и снова передо мной возник Германарих. Великое переселение народов, начавшись с готов, готами и завершилось. В своей новой стране они освоились так, что построили флот, с которым, пройдя Проливы, стали шантажировать Рим. Тогда он будет вынужден бросить большие силы, чтобы нейтрализовать зарвавшихся варваров. Из «державы Германариха», призрачной тенью накрывшей Причерноморье, воинственные готы, символом власти у которых служил триденс (тризуб), совершали набеги на Балканы, Азию и Кавказ. Выбитые затем гуннами, бежали – кто на Балканы, кто в Подунавье. На западе захватили север Италии, юг Франции и – уже как визиготы – создали там свои королевства. Другие готы – остrogоты – ушли в Крым, чтобы надолго осесть там в горах. Маленькое, но крепкое государство Теодоро – это их наследие. Пройдёт много лет, и последних из готов царица Екатерина переселит в Мариуполь – на Азовское море.

...и, наконец, ударил изо всех сил, приподнялся, придавил острогу что есть мочи и оттолкнул от себя, намотав бечёвку на руку. Вода закипела под нами, лодка шатнулась и двинулась, ускоряясь, вслед за воткнутым в воду шестом. Щука то шла в глубь реки, металась, всплывала наверх, то бросалась в камыши, чтобы вырвать из себя острогу, но в борьбе изнемогала. Полчаса мы тянули страшную на вид рыбину за бечеву, гребя в протоку, и там её, изнемогшую, затащили в лодку...

Хищники вне воды быстро теряют силы, наша щука была ещё жива, разевала рот, полный двойных острых зубов, но не шевелилась. Дед Хрышко на всякий случай оглушил её черпаком, сноровисто взял за жабры и бросил в крапиву рядом с хатой. Собака облаяла щучью пасть и успокоилась...

...Щука «тянула» килограммов на восемь, а может, и больше, а длиной была в тридцать два спичечных коробка. Юрка Рабцевич, выпотрошив щуку, набил ей брюхо травой и сунул в погреб: «Завтра обработаю...» – и ушёл спать – победителем.

IV

– Альберт Иванович, так ведь съели уже шуку, а остальное... сами знаете... куда – нет у нас холодильника.

– Хорошо... давай чаю, – вспомнил, о чём начинали разговор – о названиях рек, о гидронимах, и продолжил: – ...во-вторых, гидронимы – самые древние из всех имён собственных, – глуховатый вначале тембр голоса Альберта Ивановича стал звонче, а что было «во-первых» – я пропустил, занятый долгой раскачкой примуса. – Поэтому им присущи наслоения языковых стихий. А под ними – истинный смысл. Факт сохранения этого смысла подобен пласту незастывшей лавы внутри вулканической породы. Расшифровать код и добраться до смысла – наша задача.

– Итак, нас интересует главное – происхождение названия реки Южный Буг...

– Я предлагаю начать не с Буга, а... с Гипаниса. Это хоть и одно и то же, но – одновременно – и... не одно!.. Геродот в той части своей «Истории», которую позже назовут «Мельпоменой», впервые знакомит «читателя» с названиями рек Северного Причерноморья. Он считает, что «третья река Скифии Гипанис выплывает из большого озера. Около этого озера пасутся дикие кони белой масти. Это озеро целиком правильно называют «матерью Гипаниса».

– Значит, Геродот был уверен, что река, знаковой сущностью которой выступает конь, белый конь – мифический символ добра, чистоты, свободы, – берёт своё начало из озера где-то далеко на севере – в загадочной Гиперборее, а потому он называл Южный Буг Конской Рекой, – я решил блеснуть эрудицией. – Скорее всего, Гипанис – от греческого корня «иппо» – конь, не так ли?..

– Не совсем так. Хотя, соглашусь, символ очень хороший... однако такое объяснение может удовлетворить разве что поэтов и школьников – но не нас! Все античные имена рек Северного Причерноморья тоже обязаны богам!.. Днепр-Борисфен, Днестр-Танаис, Буг-Гипанис, Дон-Танаис названы так по именам богов их водных сред. Это боги, по глубокому убеждению эллинов, давали всяческое благополучие своим рекам. Другое дело – какие лица имели образы этих богов... Возможно, что бог Гипаниса был с конским ликом...

– Та-а-а-к... Попытаюсь осмыслить вами сказанное. Значит, великий эллинский герой Геракл, совершая свой ...надцатый подвиг, был обязан богу реки по имени Борисфен тем, что со стадом герионовых быков заблудился в Гилее, лесной стране в дельте Днепра?

– Выходит, так... А всё для того, чтобы обязать его жениться на своей дочери – змееподобной Ехидне. Кстати, принадлежность к змеиному роду означает признак благородства – божественного происхождения. Блистательная Афина в ранних греческих мифах имела тело змеи. Это код всепорождающего начала. И каждый народ имел свой, мифом отражённый, топос – место, а также точку отсчёта и какое-то порождающее действие...

– ...и дочь бога Борисфена в лесистой Гилее, – предположительно, на территории Кинбурнской косы...

– Не обязательно!.. Гилеей могла быть территория всего нижнего Днепра, с его невероятно разветвлённой дельтой с наличием лугово-болотных саг... И даже – Тендровская коса, которая совместно с Кинбурнским полуостровом, а тогда – островами, с дельтой и лиманом составляла единый мифореал.

– ...родила от Геракла трёх сыновей, младшего из которых звали Скиф и от которого, согласно Геродоту, «пошли царские скифы»?..

– Да.

– А при чём здесь наш Буг?

– А при том, что это и есть первая известная нам генерализация гидронимов – от чего можно плясать, подбираясь к первопричине названий рек... Она зиждилась на мифическом отображении действительности – на мифореалах!.. Гипанис – это мифореал античного времени...

V

Дождь перестал барабанить по палатке, и мы выкарабкались наружу. Сырая трава... Залитая водой поляна... И это – август?.. Наверное, лето уже закончилось, а мы сгниём здесь, как листья прошлогодние... Сколько раз я оглядывался вокруг, примечая в окружающем геопространстве лишь то, что оно – сплошь река и байрачный прибугский лес. И вдруг мне представилось, что я Геродот, и я описываю лес, который сам назвал Гилеей.

...Гилея выросла вдруг, как стая богатырских птиц, шелкострунными своими островами, как острова-странники, что, выскользнув из серебристых облаков за горизонтом, плывут и плывут, и все в направлении на запад, где, достигнув снова горизонта, теряются из виду. Отдельные деревья и группы их несутся небесами, как будто рваные клочья туч под штормовым ветром. Но ещё большее движение катилось низом, где весь простор земли как будто бы роился: впереди, направо и налево леса передвигались... В долинах, выгибая удлинённые тела, подобно змеям, заползали на равнину, на пригорки, чтобы исчезнуть и растаять – в далёкостях зовущих... Величественная Гилея покидала землю – я пришёл на эту землю! И никто меня не ожидал!..

– Вячеслав, а не пройтись ли нам к речке?

Альберту Ивановичу явно захотелось размять свои затёкшие мышцы. И мы, натянув сапоги аж до самых до... почваланали к урезу Буга. Там, на уступе брылы, уже маячили фигуры Мовчана и Юрки.

– Такое впечатление, что мы находимся в Гилее, – начал смело я.

– А я скажу так: Гилея – это не Амазония и даже не устье Днепра; Гилея – это когда много воды, зелени, птиц и... воздуха! Однажды мне довелось испытать на себе «образ Гилеи». Хотите, и вам его открою?

– Хотим, хотим...

– Было это в советское время, когда я был... ну, словом, – помоложе. Нас послали в Мали, чтобы помочь «социалистическим» малийцам определять рыбные запасы во Внутренней дельте Нигера. Вы знаете, это самое большое половодье на планете. Многие племена: фульбе, бамбара, сонгай – только рыбой и живут. Но ведь сезон дождей длится всего три месяца... Как бы экологически обосновывающей экспедиция наша была. Ну так вот... Богом устроена Внутренняя Дельта так, что всё смешалось на её широченных просторах: и вода, и земля, и песок и растительность – густая и сочная, и хрупкая, и жёсткая, непролазная и утопная. Несмотря на пустынный характер прилегающей с севера Сахары, край долины, плавно перетекающей в море жёлтого тростника, серой воды и чёрной земли, вследствие благотворного влияния тропических муссонов по местам укрепляют почву травянистой и кустарниковой растительностью, иногда возвышаясь островами с купами деревьев. Название «водной страны» она заслуживает в сезон дождей, когда масса вод в колоссальном бассейне становится несравненно обильнее, а потому и сила прозябания вокруг гораздо могущественнее. А если продвинуться в глубь Дельты и оглядеть вокруг огромные стаи птиц, гнездящихся на множестве кочек и маленьких островков, сплошь покрытых растительностью, а если представить себе огромные стаи рыб, больших и маленьких, имеющих здесь замечательный нагул, то станет перед глазами картина настоящего озера-болота в умоглядной «лесной стороне» – дремучей Гилее, возбудившей когда-то фантазию Геродота. Та часть Дельты, которую следовало пересечь, состоит из непрерывной сети так называемых плавней или островов, образуемых бесчисленными ответвлениями речной трубы, которые, слава Богу, не все сплошь заросли камышом и любящими влагу деревьями. В безотрадном мареве лихорадочной болезни, которая, несмотря на прививки, не обошла нас, желанный приток Нигера, где мы глотнули бы, наконец, свежей водицы, отливался на горизонте сизой полосой, въяве невольню возбуждая идею мрачного утопленного леса.

Нет, для меня Гилея – это...

«...гилея на холм где содрогнувшись я стоял и потрясённый смотрел как надвигался массив древесный очень шумный словно ковёр из сказки он поднялся с побережья вырванным из грунта могучим останцом плато и мимо медленно поплыл а в нём стояли путники высоколобые дубы спокойные

берёзы осины женственные и буки стальнокорые а к их стопам по-детски прижались кусты зинувати колокольчики ритмично кивали цветом как будто в знак прощания беспрестанно колыхались кроны катилась песня в ней звучала хвала свободе освобождённое достоинство конкретность новых пристаней и сожаление к покинутому миру и грусть от вечного прощания с землей той почвой на которой они деревья причал нашли уже когда-то и где увидевший их геродот сказал гилея...»

Мы уже знали, что ужинать будем у костра. Облив сырые дрова бензином, мы сможем славно подкормиться сомом, оставшимся у нас с погожих рыбацких дней. Сом был живой; надёжно закуканенный толстой бечевою, он болтался поодаль в крохотной заводи. Как ни странно, Альберт Иванович откликнулся мне помогать в моём дежурстве по очагу. И я понял: так же, как и я, он хотел продолжить нашу беседу...

Ветки охватил быстрый – от политого бензина – огонь, но дым ел глаза: хотелось – чтобы побыстрее... разгорелось, чтобы подбросить порубленный сухостой и навесить на жердину между двух рогатин котёл. Вода у нас была про запас – из джерельца неподалёку. Сейчас в речке не возьмёшь, она мутная от дождей. Да и не брали мы её оттуда – в солнце она загрязнена поливами, сносящими с полей коричневую жижу. А потом, после того, как уха будет готова, Юрка – никому другому он не доверял – на углях, на веточках дикой груши, поджарит филе сома. Тушку его он тоже пошёл сам разделявать.

...Я начал первый:

– Дон, Днепр, Днестр, Дунай – все они одного корня: ДОН, что означает «большая вода». Предполагают, что этот корень – и в названии древнего народа дануна. Этот «народ междуречий» Северного Причерноморья когда-то покинул степные просторы и ринулся на юго-восток – на Балканы. Пересёк Босфор и очутился в стране Аххиява – в Малой Азии. Там люди этого этноса назвали себя ахейцами, но заселили снова Пелопоннес и вспомнили, что они – дануна, или данайцы. Эти данайцы, или ахейцы, согласно Гомеру, и разрушили Трою, вставшую на когда-то им принадлежащих землях, на пути в Геллеспонт. «Бойтесь данайцев, дары приносящих...» – этот их подарок, деревянный конь, предрёк поражение троянцев и стал символом победы ахейцев-данайцев.

– Всё правильно. Но – мы должны углубиться в историю... если река Буг не от санскритского «бхага» – наделяющий добром, приносящий счастье, то что тогда означает её имя?

VI

...Уха на костре готовится быстро, главное, чтобы было побольше рыбы и поменьше воды; она пропахивается дымком и становится объедением. Надо дать ей немного устояться, чтобы набралась аромата... Поставлю чайник с чебрецом на пылающие головешки, пока Юрка не пришёл рыбу жарить...

– Я снова прошу вашего терпения, – ощутив запах ухи, Альберт Иванович заурчал, как кот перед сметаной. – Речные названия, повторяю, очень древние, к тому же – корни украинского языка лингвисты относят к IV тысячелетию до Христа. Сравнив его и древний санскрит, нашли массу схожих лексем – более чем в шестистах словах. А это много, если вспомнить, что лексикон Элочки Людоедки состоит из 33 слов... Словом, на территории от Атлантики до Гималаев многие народы говорят на языках, которые относят к индоевропейским, и корни у них – общие. А теперь, пожалуйста, фантази-

руйте, сколько хотите: о жизни древних народов, например. Но помните, что я недаром... протягиваю вам эту познавательную нить... чтобы образ жизни населения... на берегах Буга и сопредельных стран стал понятнее. Давайте вместе!

– Допустим, что я, Альберт Иванович, очутился в среде этих самых трипольцев – машина времени меня туда перенесла. Я не могу вмешиваться в ход истории, поэтому моя фантазия делает меня невидимым и неслышимым, сам же я – всё вижу и слышу... Я вижу людей в одежде из

грубых светло-серых тканей... одежда – ладная, особенно на женщинах... Мужчины в просторных рубахах, почти до пят, волосы у них собраны пучком на затылке и не мешают работе. Лица молодые, почти безбородые, глаза светлые – голубые... волосы тоже светлые... впрочем, есть и тёмные – смоляные... У темноволосых... большой нос... как бы выдвинутый и – с горбинкой... лоб – покатый. Они небольшого роста, все такие... плотные – коренастые... У людей со светлыми волосами нос небольшой, а лоб – прямой и высокий... Подбородок мощный, череп головы – крепкий, крупный; мужчины – высокорослы, более... э-э-э... массивны, что ли... Русоволосые женщины – широкой кости, угловатые; смуглые – изящные, грациозные...

– Bravo, Вячеслав!... У вас хорошее внутреннее зрение, оно помогает вам фантазировать... правильно...

VI

Вода из моего чайника давно бы испарилась, если бы у костра не копошился Юрка. Запах жареной рыбы чувственно приблизил нас к ужину. Всё готово – и вся экспедиция, прихватив из палаток походные стульчики – на мокрой траве не комфортно! – расселась вокруг тлеющего костра на привычных для себя местах. Занять чужую сторону – табу! Мы привыкли быть каждый на своём, с первого раза выбранном, месте – и нам было удобно. Это самое лучшее время суток в экспедиции – общий ужин. Это время тихих разговоров и метких шуток, подтрунивания друг над другом и сокровенных интуиций. Это время я любил больше всего.

Молчаливый Мовчан неожиданно начал первым:

– Ты знаешь, Юрий, что наши друзья целый день, как сямские близнецы, нет... как тяни-толкай, – всё друг другу что-то доказывают... Может, они втихомолку, пока мы спали, вырезуба под дождём «взяли» и никак не поделят, чью фамилию на бирку занести?..

Юрка из тех людей – всегда собранных, аккуратных и ответственных, которые шутки понимают, но отвечают на них серьёзно, а тут и он поддержал шуточный тон:

– Альберт Иванович нашёл в Славке «длинные уши» и уже лапши пол-ящика на них навесил...

– Напрасно вы иронизируете, мы с Вячеславом очень даже близко подошли к разгадке одной тайны, которая будоражит всех, кто по-настоящему сталкивается с феноменом Южного Буга, – спокойно отреагировал на «закиды» коллег Альберт Иванович. – Владимир Михайлович, – обратился он в сторону Мовчана, – мы так долго говорили о трипольцах... а ведь вы когда-то тут, на Буге, работали вместе с... «трипольцами»... Да нет же – не с привидениями!.. С археологами!.. которые благодаря находкам и создают для нас образ трипольцев...

– Вы, наверное, знаете остров на Южном Буге, что выше Мигеи... ну тот, что Компанейский?..

– Знаем, знаем...

– Лет пять назад его облюбовали археологи. Копали там трипольскую культуру... У нас своя работа... Они приветствовали нас с радостью и даже пытались приютить, мол, одним лагерем удобнее жить. Мы вежливо не согласились, однако... рыбки им подкидывали всякий раз, да и на костёр вечерком... хаживали.

С южного берега, где мы расположились, к ним вела тропинка... сквозь редкий лес. Пройдёшь немного и – видны: и сам лагерь, и хозяйство вокруг. Ящики с крупами и мешки с овощами накрыты брезентом, под старой ольхой сложены вёдра, лопаты, носилки и всякие пожитки. Раскоп, в котором снят верхний слой, оконтурен флажками и поделен на квадраты натянутой бечёвкой.

Когда появлялось желание, мы заглядывали сюда, чтобы перебрать вместе с ними фрагменты и отщепы, оценить находки и... пофантазировать. Сейчас, по истечении времени, я, некоторым образом, горжусь, что был свидетелем того, как, углубляясь в толщи породы действиями, на наш взгляд – ритуально-магическими, археологи прочитывали, словно книгу, тексты жизни древнего племени.

Вечером же, когда вкусно запахнет кашей, а на краснеющих углях забулькает чайник, все собирались у одного костра – и «наши» и «ваши»... И день плавно угасал отблесками костра в кружках с чебрецом и чаем и в рассказах о том, что было найдено интересного.

Нашли, например, в отвалах много рыбьих костей – они нам их показывают: мол, вы – ихтиологи, вам и определять!.. На что, помню,отреагировали весьма абстрактно: «Южный Буг всегда был богат рыбой...», – однако, взявшись за дело, быстро определили, которые косточки от сома, а которые – от вырезуба, ну и так далее... по убывающей, в смысле – размеров.

...Мы слушали Мовчана, не проронив ни звука. Воображение соотнесло меня с описываемым в рассказе. Я представил себе картину, уже обогащённую пейзажными штрихами: какая была синевато-ночная мгла, и какими зыбкими были тени от костра, и лунный свет, меркнувший в облаках, и крик неясности в роще. Следы прошлого расставили акценты... Вот они такие – у трипольских предков... а вот они – в Мовчановской ночи.

– Так вот, коллеги, я продолжу... – голос шефа вернул нас к действительности. – Летним утром, когда свежесть гонит из палатки и хочется ступить босыми ногами по росистой траве, меня тянет к реке, где ещё не развеялись клубы тумана, где полной грудью ощутишь... эфирность и ядреность воздуха!.. Вот так!

Там, у реки, я увидел: на другом берегу, где шиповник редок и по каменным кручам можно спуститься к воде, минуя колючий боярышник, – там, на заросшей мхом гранитной брыле, стоял... мальчик. В его руках дрожало и прыгало удилище. Оно – гибкое, упругое – так и хотело вырваться из рук, а он изо всех сил наматывал на катушку леску и отпускал... снова наматывал и снова отпускал...

Да!.. На крючке сидела рыба и рвалась уйти, а мальчик – то давая слабину, то выбирая лесу – мешал ей это сделать... Как вам сюжет для небольшого рассказа: мальчик и река?.. Аналогичный, кстати, получил Нобелевскую премию... Сколько ещё времени пройдёт, пока кто-то из них сдастся – рыба или человек!..

«Мальчи-и-и-к!.. Эй, ма-а-альчик!.. Тебе помочь?..» – эхом вернулся мой крик; я мог бы переплыть вмиг. «Нет...» – головой показал рыбачок.

Азарт борьбы захватил. Незнакомый пацан стал частью меня самого. Ему было тяжело, и я уставал, рыба уходила в сторону, и я вместе с рыбаком накручивал катушку спиннинга. В его действиях проступала уверенность, которая не выносит советов. В камышах я заметил лодку, притороченную цепью. Значит, и место выбрано не случайно.

Время бежало, и день набирал силу. Солнце забралось высоко и нещадно палило. Пот струился по лицу мальчика, ручейки его рождались прямо из слипшихся волос и стекали на живот. Рубашка скомкалась, едва прикрывая спину. Он стоял почти на одном месте, потому что брыла имела свои границы... с неприкрытой от солнца головой, с горячей потной грудью, с дрожащими утомлёнными ногами... Он упорно пытался одолеть, понятно, что немалую рыбину. Я был восхищён мальчуганом, я, помню, вслух пробормотал: «Ветер ершистую голову лижет, а он смеётся – парнишка рыжий!..»

...Мовчан говорил, а я представил, как пять тысяч лет назад на том же месте мог стоять трипольский мальчик, выживая добычу. Дети природы – они с детства боролись и побеждали. Казалось бы, пять тысяч лет... прошло!.. но вот оно – вечное: и мальчик, и рыба, и борьба...

...Я снова «включился», когда Мовчан, рассказывая, спрашивал у самого себя:

– Что же у него на крючке?.. В древности, судя по костям, здесь ели сомов. Наверное, там сом... «Не крокодил же у него, в самом деле», – иронично подумал я и ушёл исполнять свой служебный долг. А ближе к обеду мы вернулись – уже гурьбой; к острову, среди бурунов, скользила по волнам ветхая плоскодонка. На вёслах сидел знакомый мальчик. Он грёб против течения, преодолевая очевидную усталость...

Осока под натиском хрустнула, и лодка завязла в прибрежной грязи. К нам повернулось загорелое лицо. Усталое, оно светилось гордо. На дне просмоленной лодки лежал свёрнутый калачом сом. Величиной он был средних трипольских размеров – метр двадцать.

«Хлопці, візьміть собі цю рибину, будь ласка... я ще спіймаю, а мені дозволять... на розкопки приходити, га?..»

...Передо мной, точно в кино, вырос этот пацан... во весь свой рост и вырос: «Ветер ершистую голову лижет, а он смеётся – мальчишка рыжий!..»

– ...про себя мы звали его – «трипольский мальчик», – закончил свой рассказ Мовчан, – и всегда рады были видеть на острове.

– Ну вот!.. Я же говорил!.. Я же обещал вам встречу с трипольцами!..

– А что с пацаном дальше было – вы не знаете, Владимир Михайлович?..

– Знаю, Юрий!.. Он вырос и сейчас в Киеве.

– ?..

– Учится в военном училище, и я приложил к этому... некоторые усилия.

– Вы помогли ему... вы всё это время помогали ему...

– Да... Коля часто гостил у меня, а потом... когда остался один... стал у меня жить. И закончил школу, а потом поступил в военное училище. Теперь он курсант – Николай Иванович... Мовчан.

– Вы... его усыновили!..

– Нет, но Коля настоял... когда пришло время выбирать... получать паспорт и всё такое...

– Ну, вы даёте, шеф!.. и ни разу... ни гу-гу!.. А я помню его – как-то я видел вас вдвоём в нашем Институте. Так это и есть Коля... ваш приёмный сын!

...Я душа. Я требую к себе уважения, ибо в каждой точке тела я чувствую. Или, может быть, скажут, что событиями человеческой жизни управляет промысел Божий? А как же я? Я рпеута – дух, и представляю собой нечто бесконечно высшее. Ради чего я, и в чём моя сущность? Яснее всего, руководствуясь разумом, проследить природу живых существ, которые, без помощи душевных мук и не имея искусства, производят всё необходимое для жизни и в итоге – самих себя. Так что если по природе и ради чего-нибудь ласточка строит гнездо, а паук ткёт паутину, и корни растений растут не вверх, а вниз ради питания, то ясно, что имеется подобная причина в вещах и явлениях, возникающих и существующих по природе. Но природа двояка: она создала человека, имеющего душу, – а это от Бога. Может возникнуть сомнение: будет ли в отсутствии души существовать время и человек в нём или нет? Ведь во времени человек возникает, растёт, качественно меняется. И вот если он меняется *качественно*, то в нём присутствует душа, и всё знают, что она в нём присутствует, потому что она отражается, словно в зеркале, в его поступках...

– Да не приёмный сын!.. оставим это! Лучше давайте, раз уж мы затронули тему Буга, продолжим разговор о нём... Так в чём, вы полагаете, заключается его феномен?.. Юрий... а? Вячеслав?..

И я решил задать для себя «алгоритм умника», за который ты, читатель, можешь простить меня и продолжать читать – тогда что-нибудь интересное для себя ты обязательно найдёшь, если даже пропустишь несколько последовательно идущих абзацев, условно разделяемых «красной строкой», с помощью которой в литературном пространстве принято акцентировать мысли и структурировать тексты; и если ты продолжишь чтение без пропуска, на первый взгляд, наукообразного, а значит, скучного

и нудного повествования, то в результате твоих читательских усилий ты будешь вознаграждён и наверняка поймёшь, что текст и ткань – одного корня понятия, это и есть переплетение мыслей (ниток), которое всегда упорядоченное, а не хаотичное, что автор и есть тот, кто сплетает из мыслей для тебя одёжку: можешь примерить – а вдруг подойдёт... а можешь и не читать уже, совсем не читать то, что ты не считаешь чтивом, удобоваримым, как сериал, и даже не пробовать совершать эти... рекомендованные автором... прыжки – через абзацы, через страницы, но если ты всё-таки решился читать этот текст, и – уже без предубеждения – хочешь знать, что же будет дальше, я тебе скажу: я не буду ничего убирать из последующих абзацев, я не буду их «причёсывать» и редактировать, а оставляю их такими, какими они являются функционально, – познавательными и литературно-художественными, даже, с моей точки зрения и в некоторой степени, эстетически обоснованными, но по секрету тебе скажу, раз ты уже дочитал до этой части повести, до этой самой страницы, что ты так упорно мусолишь, стараясь понять, что же автор от тебя, грешного, хочет, что так долго мучает тебя одним бесконечным предложением, а это и есть, друг мой, одно из внутренних побуждений автора – так писать, потому что литературе свойственно, оказывается, обращать внимание читателя на такие «мелочи», которые в английском языке означены одним понятием: *education*, а у нас это понятие дифференцировано: отдельно – *образование* и отдельно – *воспитание*; а это, оказывается, одно и то же: я тебя образовываю, а значит, и воспитываю.

– Изучая различные материалы по истории Прибужья, я нашёл некую закономерность: юридически, в разные эпохи, Южный Буг оказывался как бы завершающим звеном в цепи развития людских сообществ, что населяли территории вокруг Чёрного моря, которые учёные выделили как циркумпонтийскую зону, или провинцию, учитывая, что всплески ранних цивилизаций отмечены на Среднем и Ближнем Востоке...

Я извлёк из рюкзака атлас.

– Вот, посмотрите... Через степной коридор с Кавказа были привнесены сюда виды мягкой пшеницы, а также просо, а из животных – то, что мы называем «мелким рогатым скотом», преимущественно коз, а с Балкан к нам пожаловали одомашненные тур (бык) и кабан (свинья). Просо сеем до сих пор, а пшеницу-эммер, или полбу, ели вплоть до девятнадцатого века. Пушкинский «поп – толоконный лоб» кормил своего работника Балду исключительно полбой – зерном грубого помола на воде... Между прочим, еду такую, а не мясную, он сам себе заказал... Каша на ключевой, заряженной энергетическими полями, воде, из полбы, насыщенной микроэлементами, создавала необходимый для организма набор витаминов, который надолго обеспечивал ему здоровую трудоспособность... На берегах Южного Буга и частично Днепра выделяют один из первых – после балканского – очаг воспроизводящего хозяйства, который и назван – буго-днепровским. Здесь произошло соединение двух ветвей развития. Круг замкнулся. Уже отсюда, с буго-днепровского очага, дальнейший вектор развития тянется в Центральную Европу. Началась эра людей «самих себя кормящих»... И это только первое звено пространственно-временной цепочки, вобравшей в себя Прибужье!..

VIII

– А ты молодец, Вячеслав, недаром Альберт Иванович тебя называет – «книжный червь». Я бы к этому хотел добавить, что... – Мовчан снял очки и задумчиво посмотрел на нас, протирая стёкла штормовкой. – ...все древние цивилизации располагались или в междуречье, или в низовье великих рек: Тигра и Евфрата, Янцзы и Хуанхэ, Инда и Ганга, наконец, Нила. Это были густо населённые территории... благодаря плодородным долинам, где-то – обширным междуречьям, ну и... сносному климату, что тоже немаловажно. Земля давала обильный урожай после разлива рек. Чтобы регулировать режим водных русловых комплексов, благоприятный для природного плодородия, необходимы были сплочённые усилия миллионов людей. Сплотить людей могло одно – созданная в обществе структура абсолютной власти. Власти царя, фараона, словом – живого бога... С разветвленной сетью чиновников-учётчиков и жрецов-грамотеев... Так создавались восточные деспотии: человек – ничто; общество – всё!.. Основная масса – выживали, но были лишены собственности и всяческих прав. Только так можно было согласованно строить дамбы и каналы – и не единожды, а ежегодно. И

так же дружно и согласованно чтить своих благодетелей, непрерывно воздвигая для них вместилища внеземной жизни – пирамидальные возвышения: каменные и земляные, разного объёма, высоты и формы... Некоторые из них служили и прикладным целям: для ориентации... на земле и... на небе – для счисления по светилам космических – годовых и климатических – сезонных циклов...

Потихоньку вечерело... Кто-то незаметно подбросил в костёр дров, и тот вспыхнул с новой силой. Чувствовалось: никто не собирался расходиться, и вечер обещал быть необычайно интересным. Кусочки жареного сома, которые Юрка аппетитно сгрудил в большой сковородке, ждали своего часа – успеется... Мовчан плеснул себе в кружку чебрецового чая и продолжил:

– Ландшафтно организованная природа сущностью рек обеспечивала в этих очагах цивилизаций более-менее сносную жизнь... для множества людей, а духовное развитие – для единиц... Но не так было в той части Ойкумены, которую определяют как... «северная циркумпонтийская провинция», то есть то, что лежит на север от Чёрного моря... Что есть земледелие?.. В лесостепной ландшафтной зоне... в степной... – на западе Евразии?.. Это возможность получить урожай без дополнительных мелиоративных усилий. На чернозёмных почвах урожай не такой обильный, как, скажем, на желтозёмах высокотравных саванн... или на красноземах переменено-влажных лесов... или такой, каким его собирали на заиленных равнинах Междуречья и Египта, на лёссовых – Китая... но и людей здесь – поменьше... Обработка земли – дело рук индивидуальных... семейных... иногда её обрабатывали общинным способом. Человек чувствовал себя владельцем земли... собственником!.. а не инструментом для её обработки. На этой – собственной – территории он имел собственный дом; достаток в доме зависел от него, а не от чиновника-распределителя. При неблагоприятных обстоятельствах он мог рассчитывать на помощь соплеменников, потому что и сам рад был помочь, если у соседа беда. На случай неурожая... при том климате, что зависит от атлантических циклонов, а не сезонных муссонов... или таяния ледников... или разливов Нила, Евфрата и других рек... земледелец имел запас зерна с прошлого года. Сочная трава, впитавшая талый снег, политая весенними дождями и насыщенная летними ливнями... шла на корм скоту, а на зиму ему заготавливали сено. А это значит, что каждый... из данного сообщества, включая стариков, детей и даже... рабов, которых не так много, но – были... круглый год имел и молоко, и мясо... Все члены общины, племени, этноса – как угодно! – имели приблизительно одинаковые права, а главное – имели время уделить себе и своим детям – своей семье... а это есть желание, а главное – возможность... как бы это сказать, чтобы правильно и чтобы никого не обидеть... «шевелить мозгами», духовно обогащаться... Боги у них – легкие, воздушные, беззлобные!.. Они только ставили стопор несбалансированным действиям человека по отношению к природе, они уберегали человека от непродуманных поступков.. Вот почему у нас не было каналов, дамб и городов, которые были НЕ НУЖНЫ!.. Как не нужны были и... курганы, занесённые сюда гораздо позже культурой кочевников-скотоводов, где общество было иерархически структурировано, рождая ту самую восточную деспотию.

Мовчан задумался, он давал нам возможность «переварить» услышанное.

– Я вижу: вы не верите или не поняли... Давайте проведём небольшое исследование...

И Владимир Михайлович исчез в темноте. Скоро он появился со стороны реки, неся в раскрытой ладони несколько раковин речных моллюсков – дрейссен. С помощью нехитрой наглядности он доказал нам, что лучше всего жили люди трипольской культуры, которые не знали, что такое курганы.

– Мне запомнился аналитический взгляд одного зарубежного автора: «Не жалели времени и сил для искусства, строили регулярно, поселения радиально спланированы, хорошо защищены. Жили семьями в трёхуровневых коттеджах с печным отоплением... Пропитания имели в избытке». Кладём под первую палочку раковину... Дальше у нас идёт треугольник; курганы есть, люди живут бедно...

Владимир Михайлович разложил раковины там, где, по его мнению, население жило в достатке.

Вырисовывалась такая картина. Когда воздвигали курганы – люди жили бедно, даже убого. Когда курганов не насыпали – материальный расцвет налицо. Деспотии, привнесённые с востока, облекали людей на жалкое существование, на власть идеи, которая регламентировала всю их жизнь. А в чём же тогда причина благосостояния трипольцев?..

Очевидно, в том, что основной ячейкой общества, материальной и идеальной сущностью жизни было то, что в санскрите обозначено понятием «кула» – *семья*. Отсюда и «кулак» – сжатые воедино пять пальцев на одной руке.

Как ни странно, но монолог Мовчана убрал скованность, и мы сразу почувствовали себя голодными. Чтобы не переживать относительно своих знаний и умения их преподнести, оказывается, нужно СТАТЬ ГОЛОДНЫМ. Оживлённо шутя и перебивая друг друга короткими фразами, мы руками надламывали куски жареного сома – сочные, жирные, пропахшие дымом дикой груши, и чавкали помидорами, без которых летом, в августе, немисливо ни одно блюдо, а уж в наших... скромных, не хочу, но приbedняюсь... условиях – не с кетчупом же – да сома кушать!... и подавно... и я уже знал, что этим вечером, этой ночью, до утра, никто не уйдёт спать, пока мы все вместе не разгадаем ТАЙНУ ГИДРОНИМА «БУГ».

IX

Знаете, что такое – чай из чебреца?.. Это самый энергетический напиток в степи. Я уверен, что его пили наши предки – для восстановления сил и для бодрости. Степная трава чебрец бодрит и просветляет ум. Но – берегитесь: она может бередить мозг, и тогда личность претерпевает изменения, что и случилось однажды со мной.

...Я мозг. Я пронизан извилинами серого вещества и белого. Они отвечают за познание, ум и здоровье. А ещё во мне есть *substantia nigra* – чёрная субстанция. Нейроны в ней вырабатывают белок дофамин, который вызывает внутреннее желание делать так, чтобы организму было комфортно, совершать действия, направленные на достижение гармонии тела и духа. Но вот тело посетил недуг – и нейроны чёрной субстанции по причинам, пока неизвестным, вырабатывают меньше дофамина. Серое вещество и белое покрывается сетью хаосостремительных белков, которые могут привести организм в состояние недоумства. Я борюсь с этим всеми силами извилин, ответственных за *cogito*. Но на карте молекулярных механизмов объёмно проявляется Подсознание. Участки мозга, где активны эти гены, имеют свой, выверенный *кем-то*, генетический ландшафт. Поэтому конкретные комбинации *этих* генов выполняют свои задания в соответственных местах. И я начинаю бредить... Воспоминаниями, откровениями, высказываниями...

Красовский, он же Скиталец, – это я, а может – и не я. Это было со мной и не со мной одновременно. Но – это было... Потому что через много лет Красовский встретит Сафию, и она станет его женой. Или это я встречу свою жену?..

ТУПИК ДУШ

Сафия встала и сделала несколько шагов из тени навеса. В глазах Красовского абрис тела девушки стал туманнее, от него повеяло завлекающей сексуальностью. К нему хотелось протянуть руку и дотронуться – до живой пульсирующей плоти – и ощутить бархатную прелесть кожи. Он почувствовал, как прилила кровь к его вискам, щекам, груди и... Навеялось, словно это сон, воспоминание, которое отодвинуло от действительности и дало волю подсознанию, его страсти и мужскому эго...

Скиталец и в юности не был обделён девичьим вниманием. Круг общения составляли его друзья-однокурсники, друзья однокурсников и те, кто прильнул к ним случайно в ежевечерних посиделках на скамейках очень заросшего всеми кустарниками сквера над рекой. Не забываем, что юность – это смех и песни, и поцелуи, прежде всего. Они называли себя «Клуб «Тупик душ», и им самим смешно было от такого названия, потому что ни о каком тупике в их настоящей, да и будущей жизни и речи не могло идти; они заканчивали лучшую в городе школу и вскоре рассосались бы в институтах огромной страны студенческим «пофигизмом», а будущий «Афган» они пролетели по возрасту, а девушки вокруг них тоже были умные. Кроме одной. Которую Николас привёл и «ввёл в общество». Однажды, скучной осенней порой, когда последние листья так оголили кроны деревьев, что даже вечером пространство сквера и прилегающей улицы хорошо просматривается, и далеко видны

силуэты людей на тротуаре, особенно девушек, если они идут по освещённой стороне улицы, проходя мимо кафе «Космос», что на первом этаже громоздкой сталинской пятиэтажки – дома партийных работников и военных представителей; в этом доме жители были такие «чемные» и спокойные, а подъезды в нём такие просторные, тёплые и тёмные, что зимой «тупичники» иногда перемещались в них, но не все, а поочерёдно и по парам: парень и девушка – чтобы всласть нацеловаться, потому что «в наше время» целоваться на улице было признаком дурного тона, моветоном считалось... так вот однажды фигура девушки на освещённом тротуаре привлекла внимание находящихся в осенней депрессии их, оставшихся без девушек, которые долгими вечерами уже готовились к вступительным экзаменам, а не шаркали подошвами осенних ботинок по «Тупику душ». И Красовский, скуки ради, поспорил (на какую-то безделицу, так... хохмы ради), что ту девушку, что они видят, он приведёт к ним через двадцать минут: она будет держать его под руку и называть по имени; он даже имя себе придумал – Стас. С юниорской скоростью помчал Красовский вслед за одинокой вечерней фигурой. Он догнал девушку и... Через двадцать минут друзья с удивлением встречали пару: Красовского под руку вела девушка, называя его Стасиком. «Таня», – сказала она и почему-то рассмеялась. Она стала приходить к ним почти каждый вечер. Она была для них всегда просто Таня – не Танька, но и не Татьяна или Танюша. Её никто не звал и никто не провожал, но – она стала «своей». Она была глупа как пень. Обыкновенная девчонка-пустышка. И смеялась от всего, что кто-нибудь из них говорил, даже если это был не анекдот или анекдотический случай... Но так заразительно она это делала, что мы тоже смеялись – уже от неё. Кроме того, она была очень симпатичная. Вся такая кругленькая, плотненькая, но не толстая, совсем не толстая, сладенькая конфетка, в общем, а груди у неё были... что надо. А Николас вроде как имел на неё права, потому что он её привёл, она и держалась всегда ближе к нему. И они «стали ходить в подъезд». Побудут вместе со всеми часок-другой и – в подъезд. Таня, смеясь, намазывала своему Стасу губы бесцветной помадой и безумно отдавалась целованию. Ну и целовалась же она! Без идиотских «засосов», без томного лизания, а язык у нее был не жалом внутри горла, а теплым комочком счастья, вбирающим страсть из твоего подсознания. Рука молодого жеребца Красовского невольно тянулась к девичьей груди – всё равно какой, правой или левой, – лишь бы объять упругость, невероятно приятную, ладонью и уже не выпускать её из лифчика, а только млеть, когда набухает оконечность холмика твёрдым соском. Иногда рука скользила ниже, касаясь полупопицы. Тогда совсем бросало в жар Красовского. Но *далее* она не пускала никогда. Ни-ни! Целомудренна она была в этом отношении до предела. Поэтому целованием-прижиманием всё и заканчивалось, и любви никакой и быть не могло. Это и хорошо, понял Красовский, когда стал гораздо старше. Потому как если бы случилось то, что требовала, искренне хотела страсть, и случилось бы и дальше, а иначе не могло и быть, если бы начало Этому было положено, то и Ответственность своего потребовала бы... И как тогда – без любви, с одной страстью...

Летом в «Тупике» стал появляться – он же для всех открыт! – старший брат одного из тех, кто вправе считать себя «отцом-основателем» «Клуба». Он был интерном одного из медвузов и готовил себя к самостоятельной жизни в провинции, намечая себе карьеру что-то вроде земского лекаря. У него – умного, ироничного, привлекательного мужчины – был один минус: дефект речи. Он заикался. Этот комплекс так давил на него, что в общении с девушками он проявлялся довольно сильно. «Пы-ы-па-а-знакомьте меня с-ы-ы-скем-нибудь, у вас де-е-е-вушек, что ли зы-ы-знакомых нету?..» И они познакомили его с... Таней. И оба исчезли с горизонта до конца лета. А когда появились – почти что в сентябре – Таню было не узнать. Это была взрослая, знающая себе цену женщина – Татьяна. Красивая и недоступная. И молчаливая. Она ни разу не то чтобы рассмеялась – не улыбнулась даже. Гранит, а не лицо. И своего Виталика держала под руку всегда. А когда Красовский неудачно пошутил в её адрес – он всегда шутил в её адрес, беззлобно шутил, и все давно привыкли к этому, – то получил болезненный тычок в переносицу от её кавалера. И кавалер увёз её, свою Таню, в Ижевск, где получил диплом врача, а потом в Касимов – навсегда. Молодой, только поступивший в институт Красовский ни на грамм не испытал сожаления от этого факта. Остался только опыт – юношеский сексуальный опыт.

...Подкрепившись после ужина чаем (чебрецовым!) со сгущённым молоком... мы, действительно, с удовольствием снова собрались вместе с желанием говорить... говорить, чтобы найти ту истину, которую Альберт Иванович уже будто бы постиг.

– Мы тут неплохо очертили сущность трипольской культуры, – важно заметил шеф. – Ещё мы вспомнили о Даниленко, много сделавшего в изучении феномена ТК. Так вот... Я хорошо знаком с Валентином Николаевичем... Однажды он принёс в наш институт, ко мне в отдел, кости рыб, найденных в Гарде-на-Буге, в трипольских слоях, – для определения. Самые крупные из них принадлежали, согласно нашему выводу, сому и... вырезубу. Это его особенно заинтересовало, и он попросил дополнительных консультаций... Словом, объединённые научными интересами, вскорости мы подружились... В то время Институт археологии находился на территории Выдубического монастыря, а я живу в Выдубичах, иногда люблю прогуляться по ботаническому саду, который прилегает к монастырю и к Институту. Валентин Николаевич, узнав об этом, предложил совершать прогулки совместно, совмещая приятное и полезное. Он был – уже, к сожалению, был – необыкновенной личностью. Пройдя всю войну, закончив её майором СМЕРШа, он и в науке боролся со всевозможными «прохиндеями от науки» так же решительно. Став доктором исторических наук, он хоть и был авторитетом в своей области знаний, но, легко улавливая новое, открывая поисковые темы, не совпадающие с общепринятой методологией, был неудобен консервативному начальству. Поэтому некоторые из своих невероятных открытий он не спешил опубликовывать... припрятывал... ждал чего-то... В один из выходных дней, когда в Институте, естественно, пусто, он пригласил меня к себе – в одну из монашеских келий, где находился его рабочий кабинет. Должен сказать, что мне, как человеку иного научного направления, он многое доверял, чего не всегда мог доверить коллегам – по известным причинам... Из старого шкафа в нише кельи он вынул несколько плоских глиняных табличек и папку с бумагами – чертежами и аккуратными записями каких-то вычислений. «Здесь, – сказал мне Даниленко, – доказательства самой древней на Земле письменности – трипольской... Я расшифровал петроглифы Каменной Могилы, святилища близ Мелитополя, я знаю трипольский алфавит... шумеры были позже...» Помню, что я, мельком пройдясь взглядом по вышкребам табличек, перелистал бумаги. Учёный ссылался на родственные Триполью балканские археологические культуры, на шумерские божества, которые появляются на Балканах и здесь намного раньше Шумера: «знания близнецов Инанны... бог Энлиль... бог Анну» и что-то другое – я же не специалист... Я не могу передать всё содержание нашей долгой беседы – это исключено, на этом настаивал Валентин Николаевич, это останется навсегда со мной, – но в итоге он сказал следующее: «Скоро мне предстоит сделать исключительно важный шаг, я предчувствую неладное, поэтому прошу: возьми ключи и... если что, воспользуйся ими как... ты считаешь нужным, я тебя очень прошу...»

Мовчан замолк, перевёл дух, очевидно, воспоминания дались ему не просто...

– Прошло некоторое время, дела отдалили нас... А вскоре стало известно, что у Даниленко, после закрытого заседания Учёного совета, случился инсульт, он долгое время не приходил в себя, а когда появился на работе – немощный, с палочкой в одной руке и конвульсивно дрожащей другой, – многих уже не узнавал, а с другими говорил об одном... о войне... Вскоре его не стало... После похорон я должен был выполнить своё обещание... В ближайший выходной... открыл одним ключом келью Даниленко... второго мне не понадобилось... Шкаф в нише был вскрыт, и он был пуст... И где же сейчас эти древние письмена, украденные у покойного Даниленко?! Не ведомо... Я помню один немногословный тезис из чётких записей учёного: «Триполье – Аратта-Оратания – «Страна хлебопашцев» – прародина славян, др. индоевроп. нар. – Шумер».

Долгое молчание – как долгое прощание – тягостно... Мы прониклись рассказом шефа, как будто сами окунулись в тайну... Знания уже одной этой тайны «пуще неволи», её с лихвой... на оставшееся время экспедиции... Набравший силу жар костра доставал лица, заставив невольно убрать головы и – в темноте – отвести взгляды...

– Мистика... – сказал Юрка.

– Нет, определённо что-то мистическое в этом есть, – продолжил Альберт Иванович.

– Мистика, скажу я вам, это день 26 апреля, наступивший через 26 лет после Чернобыля; тогда над южной окраиной Москвы температура воздуха достигнет 26 градусов и вдруг для всех станет заметно проступившее из утренней дымки ЗЕЛЁНОЕ облако, – хмуро заметил Мовчан.

– Это уже пророчество, а не мистика, – заметил Альберт Иванович.

– Мистика?.. Вы сказали: мистика? Я тоже столкнулся с явлением, о котором можно сказать: «из разряда мистических»... Я до сих пор нахожусь в неясности... по прошествии времени... относительно этого явления. Можно сколько угодно рационально объяснять то, с чем я столкнулся, а если точнее, то с аналогичным явлением может столкнуться каждый и, возможно, ежегодно...

– Ну ладно, не тяни резину... – нетерпеливо отозвался Юрка Рабцевич.

Я собрался с мыслями:

– ...когда в дельте бурно расцветает жизнь... В наши планы входило измерить скорости и направления течений на всех уровнях и во всех протоках вокруг острова Великого. Этот остров омывается, конечно же, Днепром, но там все говорят «Бакаем», или «рукавом Бакай». Словом, это часть заповедной акватории, которая находится в стороне от судоходных каналов. «Вот где, наверное, рыбы! – завлекал меня внутренний голос, когда до седьмого пота рубили камыш на протоках. «За хорошим клёвом и до утра посидеть можно», – таилась мысль, когда рука уставала крутить лебёдку с двумя-тремя батометрами на тресе... Вечер наступил внезапно: предзакатная тишина вдруг резко нарушилась многоголосым ква-ква-ква-а-а. В одночасье на беззвёздном небе появилась Луна – она вошла как большая красная тыква... А на реке вдруг началось НЕЧТО, доселе не виданное мною ни на лиманской воде, ни на море: вся поверхность темно-вязкой, будто маслянистой, воды, куда ни глянь, покрылась «оспинами» кругов – больших и малых. «Заиграла рыба, – оценил обстановку помощник капитана, – то ли ещё будет». Усталость как рукой сняло. «Значит, это она, РЫБА, всплывает, похоже, для вдоха, а может, для другой какой, неизвестной, цели», – утвердилось в моём сознании. Архетип древнего охотника проявился во мне, неуёмное желание добычи подвинуло меня к борту. Насколько хватало взгляда, на чёрной воде творился хоровод из кружений и разводов. Как будто ночной дождь проистекал из безоблачного неба и – весь низвергался в реку, не затрагивая нисколько палубы. Адреналин сделал своё дело, лихорадка прекратилась. Я забросил свои спиннинги и стал ждать. Я надеялся на самую крупную рыбу. Но – клёва не было. Я менял наживку и удочки, забрасывал далеко и не очень, переходил с борта на борт – всё напрасно. Рыба не клевала. С первым лучом солнца круги на воде исчезли. Меня сморило, и я провалился в сон на пару часов. Отработал нормально, но с нетерпением ждал вечера. На закате лягушачий хор набрал силу, а свистопляска на воде повторилась, как только ночь вступила в права.

Смутная догадка пронзила моё сознание. Я решил проверить её тем, что обязал себя не ложиться спать до утра, до самого рассвета. Я понял, что трогать удочки бесполезно, однако всё равно проделал до конца рыбацкую работу. На душе не убыло оттого, что ночью на деревянный настил палубы не плюхнулось ничего из добычи. Наступила третья ночь – точная копия двух предыдущих. Разве что азартное желание клёва заменилось томительным ожиданием утра. Всё так же расходились круги на воде от рыбьих игрищ, глухо отзывались хлопки от ударов хвостов. Однообразное «пение» прибрежных квакш уже не досаждало. Досаждали комары, их липуче-жгучий вой пронзал нервы.

Закутавшись в тулуп вахтенного, я ждал рассвета. Холодное небо – стальное от лунного света – было ни темным, ни звёздным. Лишь горсть крупных звёзд над полной луной слабо мерцала в зените. Луна – она одна царствовала в двух стихиях: светлым пятном на небе и дрожащим отражением в воде. Цвет её изменился до иссиня-серебристого. Стало прохладно, пусто и сонно. Лунный свет проникал всюду, он волнами нисходил сверху, завораживал и гипнотизировал, казалось, всё живое. Мое тело стало как студень; оно дрожало и требовало движения. Я встал, скинул тулуп – мне не было холодно!.. И до утра уже не присел. Я кружил по нашему небольшому кораблику с желанием броситься в воду и включиться в этот магический хоровод, стать с рекой одним целым, быть живым бульоном реки... Слабые порывы ветра приблизили утро – на востоке зардело. Луна таяла на глазах. Я весь напрягся в ожидании – должно же случиться ЭТО!.. Когда первый луч восходящего солнца тронул водную гладь вблизи судна – в мгновение ока круги на воде ИСЧЕЗЛИ! Рыба ушла вглубь. Вся и внезапно! И я понял: ей нужна была ЛУНА. Вместе с ночным воздухом она поглощала лунный свет, она проникалась им. Перед этим мистическим действием притупилось у рыбы чувство голода, и она отвергала любую приманку. Луна-магнит заряжает магической силой рыбы стаи накануне нереста. Ровный холодный свет луны ввергает рыбу в неистовый танец ради жизненной мощи будущих поколений...

Я посмотрел на Юрку – и был полностью вознаграждён! Иронию с его лица как корова языком слизала.

– Так ты говоришь: «рыбий танец ради будущих поколений»?.. Забавно... Но по-моему, что-то здесь есть. Что-то такое, что в программах и планах учёных, увы, отсутствует, – стало понятно, что Мовчан серьёзно воспринял моё... скажем так... воспоминание.

– Всё. На том вопрос о мистическом в природе прошу считать закрытым!..

Юрка, оценив настроение шефа, вернул нас к той изначальной проблеме, ради решения которой мы, собственно, чебрецом обпились и не спим:

– Интересно, а сколько лет нашему Южному Бугу?

– Миллион... Приблизительно миллион лет!.. – уверенно заявил Мовчан.

Его круглое лицо с массивным подбородком – без очков и в отсветах костра – напомнило мне профили римских мыслителей, таких же безбородых. О реках и рыбном населении в них он знал всё... или почти всё.

– Ого-о!.. Старенький...

– В самом начале антропогена – последней фазы формирования строения земной коры – Украинский кристаллический щит, в отрогах которого мы с вами находимся, начал быстро подниматься, а Причерноморская низменность – опускаться. Изменение базиса эрозии заставило воды суши искать выход – в Черноморскую котловину. И река ускорила свой бег через граниты и гнейсы древней платформы. Периодически суши накрывал ледник, а в межледниковое время потоки воды становились реками. Самое крупное оледенение – Днепровское – 50 тысяч лет назад дошло до нынешней Хмельницкой области, где и берёт начало Южный Буг. Отступая, он надолго обеспечил питание многих рек, в том числе и Буга. Однако Южный Буг ещё не был самостоятельной рекой – он вливался в... Днепр, был его притоком.

– Вот как...

– Да, река наша стала полноправной рекой только с образованием... Чёрного моря.

– И когда же это случилось? – Юрка, видимо, решил забросать вопросами шефа, дав возможность уйти тому из личного прошлого. – Чёрное море, значит, дитя по сравнению с Южным Бугом?..

– Котловина моря – древняя, и в ней было... озеро. А рождение моря, как и человека, было мгновенное. Случилось это ровно семь с половиной тысяч лет назад – прорывом плотины из доломитовых холмов на Босфоре. Великий Потоп, известный из Библии.

Костёр, чтобы долгое время сохранял жар и свет, нужно поддерживать так: заранее подготовить толстое бревно и после того, как и ужин приготовлен, и угли раскалились, подбросить его «в топку» и постепенно придвигать к центру. Будет и тепло, и светло...

До сих пор Альберт Иванович находился как бы в тени – а ведь это он затеял эту интеллектуальную игру!.. Ему стало немножко обидно, что уходим, как ему показалось, в сторону от... того, что таилось в нём сокровенно... И он вернул нас к основному предмету разговора:

– Я предлагаю ещё раз пофантазировать; нам нужно представить себе образ жизни этих трипольцев, в том числе и бугских... Их поселение, раскопанное Даниленко, километрах в пятнадцати ниже нас по течению...

– Можно мне?.. – Юрку Рабцевича, видимо, тоже захватила аура открытия. – Я же киевский, и в Триполье был не раз, я могу... представить тот ландшафт, людей тех.

– Ну что ж, пожалуйста...

– ...Я вижу двухэтажные дома, их много... Они расположены по кругу, оконтуривая огромную площадь с вытоптанной травой. На ней играют дети и суетятся женщины, некоторые из них заняты ткачеством около своих домов, около других домов мужчины мехами из бычьих шкур раздувают полукруглые глиняные печи – метр-полтора высотой – и вкладывают в них гончарные изделия, вначале большие сосуды, а потом поменьше – непонятные биноклевидные то ли кувшины, то ли мелкие сосуды, и глиняные фигурки людей, очевидно, женские, судя по выпуклостям... Вдали виднеется густо засеянное поле, очевидно, это просо... или ячмень, а может, и пшеница. Ещё я вижу много домашних животных. Свиной, коз и... волов, много белых волов с большими загибающимися один к одному рогами...

– Очень важная деталь быта – ВОЛ! – Альберт Иванович от волнения больше не вымолвил ни слова, а ему так хотелось сказать что-то важное... Пусть Юрка выговорится, такое не часто случается...

Но Юркина фантазия, кажется, вычерпалась, и он умолк, жестом показывая, мол, сами продолжайте фантазировать... о климатических особенностях и так далее. Вы это можете.

Х

Да. Это я могу. И без фантазий, я просто знаю. Оно само сидит во мне устоявшимся знанием. Я знаю, как может изменяться Лиман, и если к нему не относиться с уважением, беды не оберёшься. И я вспомнил, как несколько лет назад он подверг меня нешуточным испытаниям.

...Мотор не заводился. Чихнул дважды, заурчал было и – заглох... Лодку развернуло кормой, покачивая на волне, что набирала силы. Дрейфом понесло её, бедную, к самой оконечности косы... А дальше – море, с барашками пены на гребнях малахитовых дюн.

Плоский берег медленно приближался: абрисом чаек, ступающих по песку... сыто и вальяжно. Пернатая колония на земле иногда редела: «к-э-е-к-е-э-у-у-у» – это черноголовые мартыны, борясь с грубым карканьем «квя-у-у – квя-квяу» крупнотелых хохотунов, оставляли в небе размытые силуэты.

– Далеко не унесёт, – уверял меня напарник, ярко-рыжий, как вечернее солнце, матрос Миша, любитель рыбной ловли и острых ощущений, – ветер сменился: дует «широколиван» с юго-востока, а течение сгонное, отнесёт, самое дальнее, к Березани, в море не уйдём – ветер не пустит. Давай-ка лучше попробуем на стыке двух течений, там, где кончается коса, «взять баламута».

Так называют здесь скумбрию – баламут, но мне почему-то нравится другое название: «кинбурнская селёдка».

– А как же с острова мы назад вернёмся?..

– Да не дрейфь ты!.. Это я о крайнем случае... вдруг... Ты же сам видишь – тарани нет сегодня, а баламут – он не каждый день случается, а в наше время – и не каждый год... Давай попробуем!

– Нет, Миша, поворачивай – мы и так еле выгробаем...

– Ну хорошо, мы только попробуем – и назад... Ладно?..

Мишина жадность в рыбалке известна; не всегда удаётся противостоять его напору... где-то в глубине души скорее азарт, чем романтика, накладывает вето на принятие разумных решений. И я согласился...

«На Кинбурнском полуострове со стороны моря для ловли баламута употребляются также невода длиною от 200 до 400 сажений. Стоимость среднего невода 400 рублей, 300 – на нитки (сетки), а 100 – на наряд: кадолы и галаганы. К неводу нужен один дуб в 100 рублей или шаланда в 60 рублей. При таком неводе необходима артель, состоящая из 15 человек, в том числе один атаман и кухарь. Невод тянут лямками, выпускают около Кинбурна на 3–5 кадол. Ловят днём и ночью, пока идёт косяк, пока рыба кормится лиманом».

...Мы настроили нашу снасть таким образом, чтобы поплавки от удочек на длинной леске болтались на воде далеко от лодки, но чтобы их можно было различать среди волн. Течение же продвигало нас вперёд одновременно: поплавки и лодку, которая сама, как поплавок. При начавшемся клёве мы быстро бы перестроились и тогда пустили в ход и спиннинги, другими словами, началась бы «работа», когда одну за другой придётся, не мешкая, вытаскивать «баламутов» и с помощью катушки, и не длинной поплавочной лесой.

«Искусный удильщик в хороший ход скумбрии в один день может наловить до пятисот штук, в среднем штук 150–200».

По мере нашего продвижения к самому острию песчаного полуострова волнение лимана возрастало; лодка то вздымалась вверх, накрываясь, то проваливалась вниз, и тогда очередная волна разбивалась о борт и таяла на глазах, оставляя мельчайшие капельки, водяную пыль, и та озаряла воздух в лодке мгновенной радугой.

Лучшая наживка для «кинбурнской селёдки», считал Миша, – водяной червь. Но он очень хрупкий, его надо часто менять, болтанка в лодке этому мешала и вызывала раздражение. Хотелось в этих экстремальных условиях только одного – беспрестанного клёва, но его не было... И вдруг Миша, резко подсекнув и выбрав леску, вытащил сразу две скумбрии!.. Надо ловить...

«Случается, буря застигнет рыбака в море, не позволяя ему вовремя остановить рыбалку и добраться до берега. Выходя, таким образом, на своей утлой лодчонке в открытое море, он ежечасно рискует погибнуть. Самыми смелыми и отчаянными считаются рыбаки из Станислава и Очакова. Недаром их уподобляют морским чайкам, которые туда летят, где рыбу чувят. Очаковские рыбаки, в плоскодонных шаландах, на которых и в лимане-то плавать рискованно, смело выходят в море, в места, где есть лучшие рыбные ловли».

Серповидный клин косы, загнутый к северу, обозначился шумом прибоя с морской стороны. Чайки парили недвижимо, наслаждаясь ветром, свежие струи обтекали тела, дрожали хохолки на чёрных головках, и широко открывался красный клюв, когда падала камнем птица за хрупким анчоусом в толщу воды.

– Вот видишь!.. Попали на косяк... Я ж говорил! Полчасика – и всё, мы успеем – не унесёт!..

«Случается нередко, что «хутом» – порывом ветра – их лодку опрокидывало, и тогда эти отчаянные головы в волнах неприветливого моря находили свою преждевременную смерть».

– Как бы эти полчаса не вылезли нам боком... Сматывай удочки, Миша, и выгребай!.. Рыбалку закончено!

Обычно течение морское и течение из лимана, сталкиваясь у Кинбурнской оконечности, образуют видимую глазу границу между ними: прозрачней вода морская, еще бы! – две реки, Днепр и Буг, несут такую массу твёрдого стока, что из него и формируются мощные песчаные косы, и Кинбурнская – главная из них. На поверхности грязно-белая пенка («вихри Ленгмюра» – называют её гидрологи; не изучена природа этих вихрей) извилистой полосой разделяет воду различной плотности, пока вся вода не перемешается, не сольётся воедино, пока новый приток речной воды не определит новой границы.

Но шторм, грызя песок косы, брал её в клещи, надвигался стремительно, и стало ясно, что он размоет грань двух водных потоков и вместе с ней надежду на богатый улов. Не до рыбалки... Водные вихри вокруг косы непредсказуемы, они как щепку унесут лодку в море – волнам и ветру в плен, и названия не спросят. Какое уж тут самовозвращение!..

«На отчай божий» пускаются в это опасное предприятие рыбаки на шаландах и станиславских дубках. В нашу бытность в Очакове несколько таких смельчаков, застигнутые бурей, пустились по ветру к Одессе».

...Мы бились в лодке, а лодка – среди волн была, как зверь в клетке, море побеждало землю, отдаляя нас от неё. Уже лазоревые – волны захлестывали нас, мокрые – мы работали черпаком и вёслами, снова черпаком и снова вёслами, в тесноте удочки мешали маневрам, и мы выбросили их за борт, все до одной. За борт пошла и канистра с бензином, одежду смыло раньше. Усталости не было, и страха не было. Мы боролись, отдаваясь борьбе без остатка, у нас не было выхода, а время потеряло свой смысл. И всё остальное потеряло смысл. Потому что... коса отдалялась. Нас поднимало волной – и мы видели, как на горизонте темнеет узкая полоска растительности, прилегающей к морю. Казалось: это мираж – так она далека...

«Кек-кек-криааа...» – хохотали над нами чайки. Они привязаны к нам нитями – паутинками судьбы, и будут парить над нами, пока волны не захлестнут лодку, и та, оставив волнам паёлы, грузно не пойдёт ко дну. И тогда чайки, всё также хохоча, у нас, немощных, а может, уже не живых, выключают глаза, и наши души поднимутся в небо и станут сами чайками, потому что души всех утонувших рыбаков превращаются в чаек, и сами начнут преследовать несчастных рыбаков по всему Чёрному морю... «Киррик – керрек – кэе – кэе – клу – киууу...»

Я тело... Я Совершенный Роман Бога. Сердце, печень, глаза сами по себе не являются чем-то в превосходной степени, и рука, отделённая от тела, разлагается. Но как только они принимают форму тела, все мои органы, все мои конечности становятся многообразным единством – высшей ступенью, до которой природа поднимается в своём наличном бытии: жизнью. Я сама Жизнь, потому что каждый раз я репродуцирую самое себя. Я сама Смерть, потому что в каждом проявлении жизни содержится момент свободного всеобщего отношения с самим собой; потому что живая субстанция обязательно станет костной материей – таков закон Универсума.

...Катер пограничников подобрал нас, очумелых, после того, как мы миновали траверз Березани, и лазурная пустыня моря уже сливалась на горизонте с контуром неба – тёмно-голубой, а может, уже – синей, или чёрной, бездной. В кубрике нас вдруг обуял страх, но согретые чаем, мы быстро уснули.

«Лов скумбрии начинается с Петра и Павла и продолжается до октября. Лучшее время – в августе. В хорошую погоду всё взморье у Очакова, там, где воды лимана вливаются в море, покрыто бывает сотнями шаланд. Нередко на шаланде сидит вся семья рыбака, старые и малые, душ до пяти. У каждого из них по удочке, а то и две. И то и дело там-здесь поднимаются сверху удилица с короткой лесой и бьющейся на крючке рыбой...»

Устремлённые в мою сторону глаза моих коллег вернули меня в действительность:

– Время трипольской культуры, 6–5 тысяч лет назад, – это так называемый атлантический период, тёплый и влажный. Благодаря этому широколиственные леса продвинулись на север, и территория превратилась в цветущую лесостепь, плавно переходящую в травянистую степь. Уже сформировался слой чернозёма, и условия для земледелия были просто замечательными. Как ни странно, но погоду прошлого в нашем крае можно ретроспективно представить, исходя из сегодняшних условий её формирования...

Я перевёл дух и приготовился к длинному монологу. Но его не последовало... О погоде писать и говорить не интересно, если нет штормов, катаклизмов, внезапных лавин, вулканических извержений, наводнений, землетрясений, бурь, оползней, тайфунов, цунами, пятен на Солнце, космических циклов, ледниковых периодов... А на Южном Буге ничего такого не было.

XI

Вечер окончательно растворился в ночи... Августовская ночь, да ещё в плотных облаках, темна. Юрка молча принёс чайник с водой и поставил его рядом с горячей частью бревна. А потом, так же молча, разложил перед всеми нарезанное тонкими ломтиками сало, галеты, помидоры. А потом ещё раз сгонял в палатку и вернулся с банкой домашнего варенья – кизилового...

– Ну что ж, подведём итоги... – и прислушиваться не надо: это шеф. Командиры всегда подводят итоги. – Как всеми нами убедительно доказано, в трипольское время хозяйственному люду можно было жить и духовно развиваться. И вот это духовное развитие нам сейчас, как я понял, попытается показать – на примере присвоения имени природным объектам – уважаемый Альберт Иванович, так?..

– Попытаюсь. Но вы мне поможете!.. Вы все здорово подходите к сущности того, что скрыто в имени: БУГ. И я вернусь к индоевропейской языковой основе – бу-/бо-. Бык, или вол, что одно и то же, одно из самых древних слов. Одна и та же мифологическая фигура могла быть и небом, и землёй, и воздухом, и морем, и подземным царством, и быком, и волком, и бараном, и орлом, и змеем, и человеком, и ещё большим количеством всяких существ. Такая же многозначность касается и вещей абстрактных, например, потока воды в реке. Что такое поток?..

– Это... э... это энергия!

– Да, но также – сила, воля, разум, вечность. Движение. Реальность, которая усвоена в образе. Бык – это та же энергия. Недаром энергия быка воплощена в богов. А мы знаем, что у трипольцев священные места были, так сказать, личного пользования – находились в каждом доме, и в каждом доме размещали и фигурки быков, и рога быков.

Мы могли всё переводить в шуточный тон, и это было хорошо. Я тоже подключился:

– Зато, Альберт Иванович, я вычитал у Овидия, который, описывая свой запоздалый гнев по поводу измен возлюбленной, восклицает: «Поздние рога появились на моей голове».

Альберт Иванович, как только я заговорил об Овидии, сразу как-то сжался, мне показалось – побледнел, внезапно потерял интерес к происходящему. Он сказал: «Сейчас...», повернулся и... ушёл... в сторону реки. Мы переглянулись, но ничего не сказали... я расшевелил кострище, перевернул головешки... Юрка поставил на них две кружки – свою и мою... С полчаса прошло, мы попили чаю – и появился Альберт Иванович... Он был прежний, даже больше – отдохнувший... Он купался – он плавал в ночном Буге... чтобы, наверное, избавиться от каких-то неприятных воспоминаний – не иначе.

– Альберт Иванович!.. Вы в порядке?..

– Всё хорошо, ребята... извините... Так, знаете, вспомнилось...

– Альберт Иванович!.. У нас уже у каждого было то самое: «вспомнилось». Может... вы и для... ну, вспомните ещё раз – как рассказ... Пожалуйста. Мы вас очень просим – поделитесь.

– Ну хорошо... Это – из молодости... Воспоминания...

Альберт Иванович присел у костра на своё место, и мы тоже сразу оказались на своих местах, чтобы, уже больше не отвлекаясь на разные там проблемы Южного Буга, послушать нашего коллегу о том, что... мы как-то сразу догадались про это самое «о том, что...»...

– Свою первую практику я проходил среди... гидрологов. У рыбаков мне не хватило места... Надо же: такой флот рыбный был и – «нет мест»! Абсурд!.. Ну да ладно, я не в обиде; потому что... Потому что встретил я на том судёнышке, что качало нас на северо-западе Чёрного моря целый месяц, хорошую девушку, которая... ну об этом я не буду... словом, стала надолго моим самым-самым... в общем... другом.

«Вот это да! Альберт Иванович Смирнов-Сиверский, оказывается, были когда-то «не лыком шиты» и женские чары они ощутили-с!.. А я думал, что он и молодым-то не был – сразу учёным заделался...»

Но это были такие мои мысли, интимное содержание которых обнародованию не подлежит; я предназначаю их для личного пользования, ибо они представляют здесь некоторые черты *моего* образа жизни и душевного склада.

И рассказ Альберта Ивановича я подаю так, как он рассказал, но оставляю за собой право резко оборвать этот его рассказ в том самом окончательном месте, когда обычно говорят об эмоциях самого рассказчика, завершившего своё повествование, или о впечатлениях внимавших этому повествованию слушателей; я резко обрываю его таким образом, чтобы читатель вспомнил, что лирическое сие отступление было спровоцировано именем Овидия как любвеобильного античного героя, а на самом

деле его имя было поводом для привнесения ещё одного маленького штриха в уже давно сложившийся в моём сознании геообраз реки, но не переданный ещё читателю, как зеркалу моего отражения уже в нём – моего видения земных реалий, в полном своём объёме, а для меня – великолепии. Поэтому я подвожу графическую черту – по окончании его рассказа – и сразу приступаю к тому, что было прервано, а именно: подвожу читателя к главной мысли, ради которой, собственно, и написана эта повесть.

Итак, Альберт Иванович о сокровенном:

– Сутки Очаков не давал «добро», и первый шторм я, то есть все мы – наша команда на нашем... забыл уже – какое название этого... судна, потому что «морские» не называют свой... корАбль! «корытом» – а зря... этот «корабль» заслужил то имя: его палубу постоянно поливали водой – или люди, или волны... мы, значит, шторм пережидали за Березанью.

Наконец, как это бывает летом, внезапно стих юго-западный ветер, и «погранцы», как вы, молодые, говорите, дали «добро». Когда мы пришли на место, где должны были, согласно плановой работе, торчать на одном месте трое суток, море успокоилось. Но долго ещё при полном безветрии и ясном небе качало: туда-сюда... борщ на коленях; туда-сюда – каша на палубе; туда-сюда – синяк на лбу. «Мёртвая зыбь»... мертвее не бывает...

Когда ты молод... когда вокруг – бесконечный морской простор, когда сливаешься с небом и чайкой паришь среди волн, когда ни тебе узкой полоски земли, ни даже облака на горизонте, а только изумруд воды да лазурь неба... душу невольно щемит одиночество. Мыслями ты – дома: огорчаешься за свои проделки, за обиды, которые нанёс своим близким и внутренне просишь за это прощения. Все, кто есть на твоём корабле, который – твоё вынужденное, посреди моря, пристанище... может, и последнее... в этой, земной, жизни пристанище – сколько их таких, тихоходов и малюток... по ним колокол Ллойда не звенит... тоже становятся для тебя близкими, они для тебя сейчас опора и надежда в этом безмерном океане воды и неба.

На судне нас всего-то было – десять человек!.. И среди них одна девушка – химик-лаборант. Мы доставляли ей пробы воды со всех уровней, а она определяла в них содержание элементов. Звали эту девушку Марийка. Хитрая такая была эта Марийка: как ни посмотришь в её сторону – обернётся внезапно или поднимет голову, глядя на тебя из своей лаборантской, и – зальётся смехом, и тебя тем – хоть стой хоть падай – в краску вгоняет... А команда – та души не чаяла в Марийке!.. холили её и лелеяли и никого из нас, «метателей батометров», к ней на пушечный выстрел не подпускали. А мне так хотелось... подпустить...

Но Марийка первой со мной заговорила... когда... ходит себе судёнышко по северо-западу Чёрного моря, одинокое среди солнца и волн, снимает показания с приборов о течениях, о погоде, и кажется, что само время забыло о нас, остановилось, только меняется размеренно длинный день на короткую ночь, снова на день и снова на ночь... Она первой со мной заговорила, и с того момента я не умолкал ни на минуту. А она слушала и смеялась, слушала и – смеялась... и я совсем не уверен был в том, что ей действительно интересно, что я ей говорю... А может, она – просто дурашка, каких много, думал иногда я.

Но она оказалась отнюдь не дурочкой. Она жалела меня, и ей просто хорошо было слушать меня... что я там нёс... чушь несусветную, но ей было интересно, а сама говорить глупости она не хотела, или то, что считала глупостями.

Возникшая на горизонте тонкая полоска суши, даже если она без единого деревца, вызывает необъяснимый прилив радости. Тендра – меняющая конфигурацию суша. В течение столетий вытянутая в море песчаная коса превращалась в остров, потом снова становилась частью большого полуострова – Кинбурна, и снова – изогнутой песчаной саблей, длиной в 40 километров. Растёт за счёт моря и морем поглощается. Тендровская коса – одна из трёх точек на морском берегу, куда нам надо пойти и взять пробы, накопленные за месяц. За их отбор отвечали не мы, а кто-то... ну из... прибрежного люда, словом.

На Тендре таковым был смотритель маяка Евсеич. А вот и баркас тарыхтит – нам пробы везёт... Евсеич – кражистый и загорелый вневозрастный мужчина – поднимается на борт сияя: видно, что рад

людскому общению. Заперлись с капитаном в рубке: какое-то дело. После обеда погружаем в баркас горючее, это означает, что мы вступим, наконец, на долгожданный берег, может даже и переночуем там!.. Смотритель маяка – дай ему Бог здоровья – забирает нас с собой и... предлагает рыбалку. Не простую, а катранью. «Катран, черноморская акула, в мелководье у Тендры промышляет частенько», – уверяет нас Евсеич, хотя понятно, что с капитаном обо всём договорился. В общем, до завтра мы свободны... Свобода-а!..

Альберт Иванович замолчал... посчитал, наверное, что много эмоций выплеснул на нас... Мол, вредно это... Напрасно он так думал! Я – весь внимание, Юрка Рабцевич и Владимир Михайлович (Мовчан который) тоже... Альберт Иванович понял и продолжил:

– Ступили мы на косу, слегка пошатываясь от непрерывной качки. Откатили бочку на маяк, и пока готовился Евсеич к рыбалке, полегли на песке, раскинув руки. Хорошо-то как!.. И чего нас в море тянет?.. Живи себе на земле и радуйся, и ступай по пляжной кромке моря эдак раз в год... в отпуске. Степные травы пахучи по-особенному; остро-душистые, они перехватывали дух, магически зачаровывали, потому что захотелось вот так – приземлившись, остаться, и в море уже ни шагу. А оно рядом – мерно накатывало волны: ш-шш-шух, ш-шш-шух-х, отходило и вновь заполняло...

Я задремал, убаюканный прибором, заснул... и увидел сон:

«Тендровская коса времён войны... Кругом разрывы бомб и снарядов... Артиллерийская обслуга грузит пушки на баржу... баржа спешно отплывает... без лошадей, своих помощников, которые на себе тягали пушки по песку, по бездорожью... Но – лошади выжили! Они разбрелись по всей безлюдной Тендре. Они научились есть жёсткую траву и пить солёную воду. Они одичали... дали потомство. Они, свободные и влекомые природой кони, стали сильными и независимыми от людей. Они забыли, что когда-то служили человеку. Через сколько-то лет... десять-пятнадцать... люди вернулись на остров-пустыню, но кони и близко их к себе не подпустили. Так и живут донине – табуном диких лошадей».

Их, бегущих рысью морским побережьем, я увидел во сне. А может, вовсе и не сон это?..

Я услышал смех... я открыл глаза... я медленно пробуждался, обласканный травами, и...

...девичий стан возник, как возникают среди дюн миражи: дрожь и колеблясь... гибкое тело балансирует, сохраняя равновесие в моих глазах... ветер с моря усиливается, но сюда не доходят его порывы. Она очень стройна – это видно по абрису её бёдер и маленьких грудей. Её джинсы, закатанные до икр, обтягивают ягодицы так... запредельно... привлекательно, что я уверяю себя: ангел, если он ангел, должен выглядеть именно так. Волосы скреплены у моего ангела на затылке – рыжий конский хвост качается в такт её смеху; она замечает, что я проснулся, поэтому и смеётся. На ней большие тёмные очки, и глаза не видны – но я знаю, что они излучают... когда она стоит, как сейчас, рядом, кажется: в мире – только нас двое.

– Вставай, соня... Рыбалку проспий!..

Три больших поплавка с намотанной капроновой нитью были сложены неподалёку от баркаса – для охоты за морским хищником. Рядом стояла канистра с бензином.

– Чего стоишь – руки в брюки... грузи на баркас... сейчас мотор дед проверит, и мы отчалим.

– Мы?..

– Ну да... Ты и я... мы и будем вдвоём рыбалить – так дед сказал...

– Дед?..

– Ну да... дед!.. Евсеич, дорогой, это мой дедушка!..

– ???

– Здесь прошло моё детство, Бертик... И все каникулы – я тоже здесь, с дедом. Это и есть моя родина. Мы с дедом греки... А греки называли эту местность Ахиллов Бег... Когда-то здесь, согласно мифу, кентавр Хирон учил юного Ахилла стрельбе из лука и быстрому бегу. А меня здесь дед учил, как рыбу ловить, какие травы собирать, как жить в природе, словно во-о-о-н те кони...

И правда – я увидел! увидел бегущих коней!.. Они бежали, одинаково отбрасывая вперёд копыта, по направлению... нет, не к нам, они бежали... куда-то в сторону, и Марийка показала мне рукой, куда они её звали...

Только Евсеичу и Марийке дикие кони позволяли себя потчевать... мёдом! Для этого дед специально развёл пчёл – держал пасеку среди душистых трав. Обычно копытным и травоядным нужна соль, а этим коням, единственным в мире, которые пьют солёную воду и едят галофиты, хочется... сладкого. Наверное, это результат эволюции: от переизбытка солёного.

Моя Марийка, мой ангел, побежала на встречу с... диким миром за кучугуры, куда и указывала мне. Видимо, там она подкармливала этих потомков греческих кентавров. Вот она останавливается, закатывает рукава блузки, пахнувшей ароматом цветения, и протягивает ладони, полные сот, чтобы лошадиные морды уткнулись в ладонки и набрали бы из них сколько хотели... нектарных капель.

...На Альберта Ивановича мы старались не смотреть. Мы понимали, что делается у него внутри от воспоминаний, тёплых и, может быть, самых пронзительных в его жизни. И мы прочитали бы это на его лице, чего нам совсем не хотелось...

А он продолжал говорить:

– Незаметно подошёл Евсеич с мотором и, набив трубку чем-то душистым, задымил ею. Аромат, словно катализатор, повернул меня к реалиям.

– Чебрец, – сказал Евсеич, – комар терпеть его не может... а я привык. Ты вот что... Бертик... не балуй с внучкой, лады?.. Она одна у меня осталась, мой ангел. Если что, я тебя в порошок сотру и, как эту траву, выкурю, чтоб и следа твоего не осталось, понял?!

Что мне было сказать... ничего я не сказал Евсеичу, у меня сила какая-то появилась, и ничего я уже не боялся. Я всё сложил в лодку, как Марийка сказала, вместе с Евсеичем оттолкнул от берега баркас, бросив якорь на песок, и стал ждать. Марийкин кровный родственник ещё раз бросил на меня суровый взгляд – для острастки – и отправился отгонять от внучки табун.

Мы отдали якорь в трёх кабельтовых от берега, как распорядилась Марийка; морской лексикон она знала хорошо. Она так и сказала мне: «Курс держи – на зюйд-вест, кабельтова три-три с половиной; отдашь якорь и – концы в воду». Я ошарашенно так на неё посмотрел: после разговора с дедом я представил, как меня перетирают в порошок сразу за маяком, а теперь я увидел, как мне на голову надевают мешок, вкладывают туда якорь и кидают за борт. Оказалось – всё проще...

От каждого поплавок отходил надёжный поводок-конец (который и нужно было кинуть в воду) с тройным крюком и подпорченным мясом на нём. А швартовый канат надёжно соединял поплавок с просмоленной лодкой. На несколько часов мы остались вдвоём, как я и мечтал, с моим ангелом... хотя... теперь я знал, что Марийка скорее ангел Евсеича, чем мой... И впервые я видел её такой серьёзной: она не улыбалась и не смеялась, но и от меня не требовала, чтобы я что-то молчал языком... я и молчал и только смотрел на её сноровистое тело, а она смотрела на воду – не задергается ли поплавок...

Часы напряжённого ожидания результата не дали: поплавки шелохались только от волн.. Но мне было всё равно: я сидел бы в этом баркасе и весь день, и вечер, и всю ночь – лишь бы Марийка была рядом, пусть бы и смотрела не на меня, а на тот... щий поплавок и разговаривала не со мной, а с теми... щими конями.

И надо же! Пенопластовый поплавок вдруг затанцевал, завращался стремительно вокруг собственной оси... Акула взяла наживку! И – началось!..

Бешено завертелся волчок, отматывая капрон. Еще немного – и линь, что соединяет поплавок с шаландой, натянется и нас понесёт в открытое море!..

Когда запас капроновой нити весь вышел, акула повела крепкий баркас против волн... Страху не было, пловец-то я хороший, и без комплексов, однако адреналин в крови я почувствовал... а как там Марийка?..

Марийка, пытаясь «успокоить слабонервных», как сама потом выразилась, приказала мне поднять якорь и тут же сесть на вёсла, а сама переместилась на носовой рундук. Но у меня появилась твёрдая уверенность, что не потянет долго так акула, если это она (а кто же еще; неужели другие чудища у косы водятся, о которых известно из античных периплов?..).

Черноморская акула редко бывает больше метра и на людей не нападает... если её не трогать... А если трогать?..

Неизвестно, сколько бы ещё времени баркас тянула акула, но и другой поплавок затанцевал!

Эта – уже вторая! – акула потянула его вместе с баркасом... к берегу. Мы сделали фортевинд, раздираемые катранами, и даже прекратили дрейф. Акула должна находиться постоянно в движении, иначе она быстро выдыхается, так уж устроен её организм. Обездвижив друг друга, акулы сами помогли нам справиться с ними. Мы подтащили к борту их поочередно, а Марийка, предупредив, чтобы я не лез к острой пасти, деревянной колотушкой, похожей на киянок, ударом между глаз успокоила каждую. Рыбалка закончилась...

...Но не рассказал Альберт Иванович – и не мог рассказать! – того, что было потом... А потом была ночь... самая... в его жизни, которая и была-то на то время не столь длинна... ночь, в которой его обоняние и его осязание, слившись воедино, стали одним чувством – заместо других чувств, потому что он уже ничего не видел и ничего не слышал, а только помнил аромат сена и запах Марийкиной кожи, и дыхание её помнил – горяче-влажное и тоже с запахом недавно скошенной травы. Однажды коснувшись блеклых – в свете далёких звёзд – округлостей с упругим бугорком-пятном на каждой, он не помнил, как долго, наверное, это была вечность, и как нежно – а иначе он не мог и не хотел – затаив дыхание, играл свою партию на нежнейшем из дозволенных мужчине инструменте, пока не наступил тот миг, когда рука сама проникает в... и пальцы касаются ещё одного бугорка, и наступает время взрыва, после которого подвластно всё... но после которого уже *она* берёт это всё под свой контроль и ведёт свою партию – до взрыва твоего... чтобы начать сначала... и так – по кругу... до рассвета. Кто мог сказать Альберту Ивановичу, выросшему в преподавательской среде, что такое страсть? Не желание любви, а – страсть... всепоглощающая страсть. А Марийка, выросшая с дедом, без отца... без любви отца... жаждала страсти! Ей нужен был мужчина, а не нежный мальчик, только открывающий книгу любви. Она вела себя как главарь шайки разбойников, и ей хотелось, чтобы разбойники тоже раздирали её тело и рвали его по частям, а... его ладони только гладили припухшие соски, и губы, а не зубы, искали её губ. И она, не скрывая от него своего желания наслаждения, снова и снова находила то, что, по-детски уязвимое, станет стержнем, обезоруживающим плоть. Снова и снова она обвивала его торс руками и сжимала так, чтобы чувствовать крепость мышц и силу плоти – и ей так хотелось кричать от счастья. Но... она, как настоящая предводительница разбойников, не собиралась давать ему повод гордиться одержанной над нею победой. Она не скрывала от него своё наслаждение, но и своё... разочарование не скрывала тоже. Оно сказалось потом, когда утро застало их в утомлённом молчании.

* * *

– Долго, несколько дней подряд, меняя воду, мы выводили мочу из акульею мяса. Затем, посолив нарезанные ломти, завялили балык на солнце. – Шершавая кожа катрана сродни мелкой тёрке на ощупь. Янтарного ж цвета мясо напоминает осетрину. – На память мне остался акулий оскал – острые, как бритва, челюсти, мною отполированные и уже не опасные.

– Это та пасть, что у тебя на шкафу в кабинете, Альберт? – спросил Мовчан.

– Она самая – пасть катрана...

И тут Юрка осмелился спросить то, что хотели бы узнать все мы...

– Альберт Иванович, а... Марийка? – на большее многословие у него не хватило мужества.

– Марийка... – было бы, наверное, и при тусклом свете луны видно, как посерел Альберт Иванович. – ...А Марийка... она уехала... на этническую родину, в Грецию. Была весть от неё – «вышла замуж». Слышал от одного «моремана», что удачно, за сына судовладельца вышла...

Во мне смешалось: и то, что я знаю о женщинах из того, что дали мне книги, и то, что я сам имею как опыт; это сложное смешение и составляет мою экзистенцию, моё оправданное самомнение о себе и о своём опыте. Я знаю... нет, не я – Красовский, обладая определённым, достойным внимания жизненным опытом, высказывается; я же, обладая равноценным интеллектуальным потенциалом Красовского, возможно, разделяю его сердечные откровения, а возможно, и нет... Что тоже способен любить, что уже, как ему кажется, любил и познал страсть, или, по крайней мере, знает, что точно испытал её; но сколько таких любвеобильных страстей выпадет на его долю – он не знает, и никто не знает. Бифуркация любви – это самая мистическая тайна, которую дано испытать человеку в жизни; каким путём будет развиваться любовь, не дано знать, однако закон энтропии, или постулат о рассеивании энергии в открытых системах, гласит, что система может вернуться к изначальному варианту, в точку бифуркации, и заново начать развитие. Вы поняли – как это важно! Можно заново начать жизнь сначала! И любовь возникнет сначала. И с тем же человеком возникнет сначала, но пойдёт уже по другому пути.

Вот такие мысли колотили мою душу, пока длился рассказ, и не акулы зубы – награда за удачу – побуждали меня к ним, а «ангел мой, Марийка» – непреходящий Альбертов образ единственной и неповторимой.

Нарушил тишину Владимир Михайлович:

– Мне порой кажется, что мы любим наших жён... как бы это сказать, чтобы их не обидеть... потому что они – продолжение, но не воплощение наших идеалов юности. Потому что, если бы, представим на секунду, идеалы наши воплотились, то... на том бы они и закончились!.. Идея умирает, когда она воплощается, а идея, если это, действительно, идея, живёт, потому что недостижима – конкретно для меня как субъекта бытия, для моей экзистенции. А любовь... это, увы, идея. А можем сказать и так: любовь, к величайшему счастью, – это идея.

– Значит, с женитьбой, с возникновением семьи любовь умирает? Даже если она была?..

– Любовь не умирает... как может умереть то, что тебе близко и дорого?.. Умирает не идеал, а идея – воображение, навеянное желанием, дуновение счастья – от трепетного прикосновения, обожание, застигнувшее врасплох... Ему на смену приходит ratio – ум, рефлекс; instinct – то, что заставляет захотеть; и необходимость: действовать определённым образом. Всё было бы совсем никуда, скажите вы, но – остаются чувства!.. безграничная гамма чувств... она и движет любовью, которая с годами может крепнуть и усиливаться, а может и – сгасать. В диапазоне от рационального мышления до чувственного восприятия и протекает ваша совместная жизнь, дорогой товарищ Юра...

– А моя экзистенция, моё неповторимое «я» – оно пропадает, да?.. нивелируется? исчезает?.. Что с ним-то, моим драгоценным «я» делается? – возмутился я.

– Никуда ваше драгоценное «я» не исчезает. Оно трансформируется... не сразу, постепенно... как должно быть у каждого нормального, подчеркиваю, нормального человека – и в этом состоит его гуманистическая сущность как продолжателя рода, как Homo sapiens, каким-то чудом изменяется, увеличивает свою идеальную мощь и становится... «мы!», охватное двумя, которое, в дальнейшем – через совместные гены – отложится в детях... любимых детях... или нелюбимых, что неестественно и встречается редко – это уже другой вопрос, это патология и не наша проблема... Вот такая, мой друг, экзистенция жизни, по большому счёту. Твоё «я» – лишь трепетный вздох перед глубоким дыханием «мы». Понял?..

– Не совсем, но как-то... где-то...

– Выходит, «наставить рога» мужу было не зазорно? И у трипольцев тоже?..

– Возможно... Я не могу в деталях представить их «моральный облик», но думаю: и у греков античных, и у наших трипольцев всё было в порядке в семейных отношениях. Культы Матери-Земли и Деметры у них одинаково развиты. А всё остальное – балачки о «гневливых, у которых за их грехи растут рога».

XII

Чувствовалось, что такое расслабление было только на пользу общей беседе. Я понял! Я понял основную идею Альберта Ивановича:

– Что такое река? Точнее, ИДЕЯ реки?.. Это – организм, где двигателем есть вода, поток энергии, поток вечный, мощный. Замирает зимой, бурлит в половодье, но всегда – поток... Бык, или тур, а также одомашненный вол – это та же энергия, что и молния в небе, что и поток реки, – она дана богами. А уже имя собственное реке давали, исходя из этого. Она не называлась Щучьей, Свинячьей, Бычьей. Её называли словом, в котором есть это: Бу-/Бо-... Вот так я понимаю...

Альберт Иванович сделал длительную паузу, чтобы дать нам усвоить урок:

– Пиши... Бык, Бычок, Тур, Турья, Зубра, Стырь, Стрый, Стрыпа, Днестр – ага, вот ещё два рукава: Турлы и Турунчук, – Сирет, Серет, Смотрич, Быстрица, Теремля, Тересва, Тротуш, Латорица, Тетерев, Тростяница, Уборть, Рось, Роська, Росавица, Роставица, Тясмин... Достаточно... Ну что?.. Ясно?.. Этот список бесконечно можно продолжать, почти все реки, имена которых остались с древности, имеют сочетания с', т', р'.

А соловьи поют не только в мае!.. Они и в августе поют свои песни. Разве что трели у них... какие-то не такие... не такие залиvistые. Они обрывистые, и обрушились на нас внезапно, с разных сторон – скоро утро...

Владимир Михайлович Мовчан умно поставил точку:

– *Iucundi acti labores* – приятен завершённый труд, как говорили римляне... Спасибо вам, друзья!.. Это было интересное исследование. Очень интересное...

Не зря меня называли «книжным червем»:

– *Labor est etiam ipse voluptas* – ...и в радость!..

Все засмеялись...

Колесо, осью которого был гидроним Буг, сделало свой оборот. Звенья цепи подогнаны. Круг замкнулся.

– У меня есть предложение... – Мовчан как наш руководитель имел право на любое предложение. – Так как исследованное нами название реки Южный Буг оказалось эвристическим – оно привело к возникновению новой идеи, то логично будет завершить его научным выводом.

Несколько неожиданно для нас... Надо подумать...

– Буг – это бык, который стал богом, а его имя перенесено на название реки, а отголоски – слышатся в названиях других рек... – это Юра Рабцевич высказался первым.

Я подытожил так:

– Гидронимы как самые древние из географических названий, благодаря своей идеальной сущности, указывают нам на очень сложные взаимосвязи между людьми и окружающей природной средой, корнями уходящими во времена существования сообщества людей, которое мы сегодня называем трипольцами.

Альберт Иванович как вдохновитель идеи сказал следующее:

– Лексико-этимологические связи в происхождении названия Южного Буга показали, что вмещающий ландшафт этноса, в котором исключительно важную роль играли реки, и мифическое мышление древних земледельцев Триполья составляли единый взаимосвязанный комплекс. Гидронимы как одни из самых древних названий составных частей ландшафтно организованной природы указывают нам на конкретный топос – его геопространственное место. Но – благодаря понятию нами принципу генерализации названия рек своими именами открывают для нас эти связи, которые сохранились с очень древних – энеолитических – времён.

Мовчан – после такого вывода – высказался коротко:

– Значение гидронима Южный Буг состоит в том, что, несмотря на колебания в языковых стихиях, на все этнокультурные изменения, он сохранил своё первоначальное название, свой АРХЕТИП.

...Это было хорошее утро. Оно начиналось, как и положено летом, – с солнечного неба... Мы разгадали тайну названия реки, и мы были счастливы. Я думал, что наш совместный интеллектуальный прорыв на этом и завершится. Но я ошибся...

ХІІІ

Мовчан, дав нам насладиться и ранним утром, и собственной гордостью, сказал:

– А теперь, Юрий, напомните всем цель нашей экспедиции...

– Определить видовой состав реофильного ихтиокомплекса на порожистых участках реки Южный Буг, – выстрелил как из пушки Рабцевич.

– И что мы определили?

– Мы определили, что... – и Юрка сбегал за экспедиционным дневником, – ...что в этом русловом водном комплексе есть следующие виды рыб...

И начал перечислять: сом, судак, окунь, несколько видов бычков, звёздчатая пуголовка, далее – виды карповых рыб: тарань, густера, лещ, подуст, жерех, голавль, быстрянка, шемая... Я перебил:

– Мы можем также с уверенностью сказать, что на этом участке реки в изобилии водился вырезуб – самый крупный представитель карповых. Судя по костям этой рыбы, найденным археологом Даниленко, его размеры в трипольское время достигали полутора метров...

– Полутора метров?... Это какой же был его вес?

– Килограммов тридцать – не меньше...

И тут вступил Мовчан:

– А теперь вернитесь на пять тысяч лет назад... Какую бы рыбу вы ловили, если бы жили на этих берегах?...

– Вырезуба...

– А какой определяющий его признак, которого нет у других карповых рыб?..

– Наличие двух острых глоточных зубов, торчащих, как... рога...

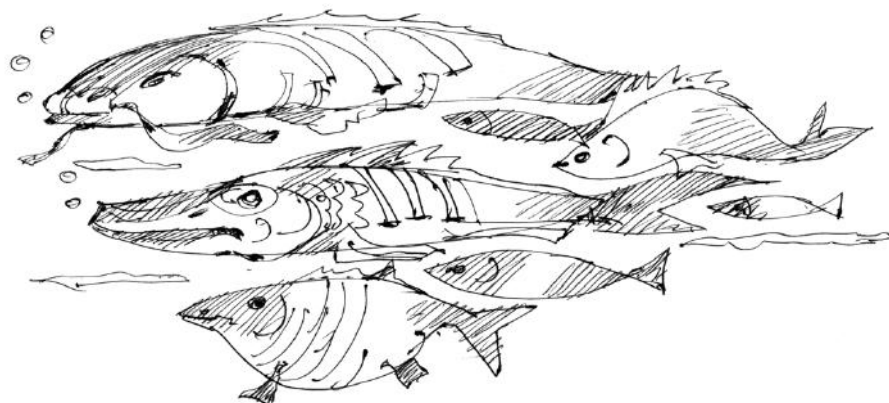
– А какое его латинское название?..

– *Rutilus frisii*...

– А ну-ка, запишите по-русски...

– Рутилус... постойте, постойте... могла произойти перестановка, такое часто случается... Турилус... ТУРилус!.. Это БЫК!!.. Тур – это дикая форма быка. Это – речной БЫК!!!

– Вот видите, насколько правильными были наши выводы. Древние трипольцы чтили эту рыбу сакрально... Как чтили известное нам животное... а потому ценили её больше всех других. В земных реалиях вырезуб для них был «речным быком». В идеальной сущности жизни его образ являл звено в цепочке мироощущений, столь важных для совместного с природой бытия... А остальное мы уже выяснили...

Через несколько дней за нами приехал Коля. Экспедиция завершилась. Собрать пожитки всегда быстрее, чем раскладывать, и... грустнее. Мы подошли к воде проститься с рекой... Наша брыла снова была тёплой и сухой.

Альберт Иванович громко попросил у реки удачи – за всех нас:

– Ярым быком нахлынь на меня, Бык достохвальный! Бык дерзновенный! Рыбой великой ринь меня в морскую глыбь!.. В глыбь моей жизни... И принеси мне Удачу...

А потом сказал:

– Мне кажется, я знаю, что такое река... Это и есть мифореал, это реальность, которая, изменяясь формой, будет жить сущностью!.. Это миф, созданный людьми о воде, которая вечно куда-то стремится...

А Мовчан продолжил:

– Это книга, которую можно читать бесконечно долго.

А Юрка Рабцевич сказал:

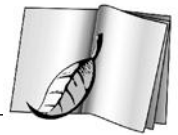
– Книга, которая ни начинается, ни заканчивается...

А я решил на заключительный дескрипт:

– ...она только делает вид, что начинается и заканчивается...

Рисунки художника Сергея ЧИГИНЦЕВА

Елена РАСКИНА

ГОРЬКИЙ ВКУС ПОТЕРЯННОГО РАЯ

РОДИНЕ – УКРАИНЕ

Я была к тебе несправедлива,
Мало говорила о тебе,
Но струишься ты неторопливо,
Как Ингул и Буг, в моей судьбе.

Я бродить готова у лимана
Целый день, заботам вопреки.
Я, как зверь, зализываю раны,
У судьбы прошусь в ученики.

Стало сердце строже и мудрее:
Вижу море Чёрное во сне.
И по кипарисовой аллее
В сотый раз блуждаю при луне.

Родина – нечаянное слово!
С губ сорвалось, словно в первый раз.
Я была к своей земле сурова –
На чужой земле живу сейчас.

Если можешь, то прости, родная,
Южная и ширая страна.
Горький вкус потерянного рая
Я на все запомню времена.

МОИМ КИЕВСКИМ ДРУЗЬЯМ

Когда я поняла, как страшно жить,
Как страшно жить в России, вопреки
Признаниям в любви к её поэтам,
Мы снова оказались у реки,
Что памятью зовётся, а не Летой.

Да, памятью, ведь слишком тяжкий груз
Моей былой надежды и свободы
На мне лежит – не час, не день, а годы,
И прошлое я знаю наизусть.

Раскина Елена Юрьевна. Доктор филологических наук, доцент, писатель, журналист, преподаватель. Родилась в 1975 году в Николаеве. Окончила филологический факультет Киевского университета (1996) и аспирантуру ИРЛИ РАН. Автор исторических романов «Час Елизаветы», «Под знаком Софии» (в соавторстве с Владимиром Никольским), сборника стихов «К земле обетованной», сборника пьес «Елабуга, отдай Марину!». В соавторстве с Михаилом Кожемякиным написаны: романы «Красная валькирия», «Жена Петра Великого» (в двух частях); исторические путеводители «Франция – страна королей и пяти республик», «Черногория: горы в зеркале Адриатики»; сборник пьес «Встречи в «Бродячей собаке». Постоянный автор газеты «Зеркало недели» (Киев). Художественный руководитель Молодёжной театральной лаборатории «Блуждающие звёзды».

Теперь же моё прошлое горит,
Как Киев, полыхая от пожаров,
Там души подставляют под удары,
Тела под выстрелы – и всё же нужно жить.

Моих друзей я слышу голоса,
И снова я помочь им не сумею.
В одном костре свобода наша тлеет,
И новая скатилась, как слеза.

Как слёзы те, на веках у живых,
Что будут литься, мёртвым помогая,
Достичь им уготованного рая
От площадей растерзанных своих.

МАРШ МИРА

Опять, проваливаясь в сон,
Я вижу, словно на экране,
Бредёт штрафной наш батальон
В непроницаемом тумане.

На митинг или на парад,
И вертолёты смотрят с неба,
Как будто испугать хотят,
Но страха от меня не требуй.

Мой враг из сталинских когорт,
Мой враг из лагерной охраны!
Пускай Россией правит чёрт,
Господь нас видит сквозь туманы!

Вокруг себя очертим круг,
Молитвы истово читая.
Не вечен мрак, земля большая,
И на земле найдётся друг.

ХОЛМЫ НАД БУГОМ

Стали мы скифской медью и глиной,
Растворились в ковыльных полях.
Но ведёт наши души богиня
В свой далёкий серебряный град.

Артемиде, алтарь твой отныне
Свят и грозен для нищей души.
Дай мне сумрак, беззвёздный и синий,
Но свой суд надо мной не верши!

Наше прошлое стёртой монетой
Пусть лежит на ладони твоей.
Ничего нет прекрасней на свете,
Ничего нет на свете нежней,

Чем твоя белокрылая сила,
Чем твоя белоснежная стать...
Ты мне грешную плоть подарила,
Но поверь, я умею летать!

ФРАНЦИИ

Каприз, судьба, дыханье, дуновенье...
Благоухает плоть стихотворенья,
И пахнет обольщением страна,
Что доброй и прекрасной названа.

О, Франция Расина и Вийона!
Ты от меня не требуешь поклона,
А только несколько случайных строк,
В которых отражается поток,
Струящийся в заоблачной отчизне,
Куда уходят имена и жизни.

Но я хочу колени преклонить
Перед тобой... Связующая нить,
Словно канат, натянута меж нами.
О, Франция, весёлая, как пламя!
Ты белым хороводом королев
По саду кружишь, смерть преодолев.

РОДИНА

Как ритм, которому причастен
Лишь потому, что им рождён,
Она врывается в твой сон
И ждёт, и требует участия.

Ей невозможно отказать,
Как собственному отражению.
Ты, словно Гамлет перед тенью,
Пред ней не в силах устоять.

Одежды отчие тесны
И пересчитаны заплаты.
Но сладким таинством утраты
Мы от рождения пьяны.

Родство не добродило в нас,
Не воплотилось, не созрело.
Как контур храма, встроено в тело
Его таинственный каркас.

Мы ждём признаний и намёков,
Мы родословной смущены.
Душа, как в прожитые сны,
В свои вживается истоки.

Мой дух бессонница томит –
Пора беседовать с тенями.
Родство не выстрадано нами,
Оно нам только предстоит.

КИЕВУ

Прошлое, ты стало мне отравой,
Сном печальным и худою славой,
Но твою я не открою дверь,
Я свои потери подсчитаю,
К тем, кого любила, опоздаю.
И откроется дорога к раю –
Памяти нечаянная смерть.

Только город с белыми церквами,
С княжескими дивными садами,
Там, где вод днепровских тишина,
Мне твоим останется подарком,
Боль моя, сиявшая так ярко,
Боль моя, пылавшая так жарко,
Сердце истомившая луна.

До свиданья, я теперь далече!
В новом храме зажигаю свечи,
О покое недругов молюсь.
Господи, открой дорогу к счастью,
Слишком долго тянется ненастье,
Но душа готова к новой страсти,
И её я знаю наизусть.

Марія БАНЬКО

Банько Марія Вікторівна. Народилася в Миколаєві 15 жовтня 1989 року. Закінчила Національний авіаційний університет (2012). Публікувалася в ряді «фестивальних збірників» («Поетична пристань», «Каштановий дім», «Багатобарвність імен» та ін.). Автор порталу ЛІТФЕСТ (<http://litfest.ru/index/8-2446>) і ряду інших фестивалів: «Ліга нових поетів» (Донецьк, 2012), «Вітер поезії» (Київ, 2012), «Одна маленька свічка» (Київ, 2012), «Підкова Пегаса» (Вінниця, 2013), фіналіст фестивалів «ШОРОХ» (Сімферополь, 2012) і «Каштановий дім» (Київ, 2012). Бере активну участь у літературному житті Києва.

ЩОСЬ ДУХМЯНЕ З ДИТИНСТВА

ПЕРСОНАЛЬНА ЦУСИМА

Знаю тепер – для мене він став Цусімою.
Йшла на війну без розуму та спорядження.
Я не сумую, просто збираюся з силами.
Кожне побачення – драма така небачена –
Маю за щастя право його п(р)обачити.
Дякую потім – мов
професійна жебрачка.

Знаю напевно – ця лотерея програшна,
Всі хепі-енди – в ліжку, в житті – три крапочки...
Важко піти, коли ти стоїш навколішках.
Міряєш метри по кухні в рожевих тапочках,
Мрієш про те, як купиш новенькі лампочки.
Зиму зустрінеш – снігом
по телебаченню.

Жінка в Ніхоні вмє кохати правильно –
Бути, мов тінь, лагідною примарою.
Тільки якщо Каїн пробачить Авеля,
Тільки якщо дощ знову стане хмарою,
Буду вважати тебе вересневим маревом
І замість тисячі слів –
скажу «Сайонара».

Не вимагаю квітів, часу і простору,
Не пропоную щастя, права, обов'язки.
Я так хотіла стати для тебе посміхом,
А не вмирати в'язнем чистісенької совісті.

Тож забронюй місця в цій кумедній повісті!
Боже, навчи мене,
як вмирати НЕповністю!
Він ховає дітей/цвяхи,
Я – не Рахіль,
Мене
Він
Просто
Вбиває
Пострілом!

ГЕРНІКА

За вікнами блукає Герніка – і чавить яблука та сливи,
І зазирає під повіки твоїх кімнат.
А у кутку собі хропить старий *armario amarillo**.
Дитя складає до шухляд хмаринки, гудзики і мрії.
Хмаринки, гудзики і мрії дитя складає до шухляд.

І розквітає барбарис, читає казку Барбаросса –
Десь біля гойдалки чатує руденький кіт.
Та знову Герніка – вона біжить розпатлана і боса,
Та ще не час – (дитина спить!) – її чекати на порозі
Біду чекати на порозі іще не час – дитина спить.

У шкіряному портмоне – портретне портативне диво:
Родинне фото, на якому дитина й тигр.
Це гра у герць. А за вікном – гарцюють Герніка та злива,
І є один пророк – це ти, і є один порок – безсилля,
Лише один порок – безсилля, коли пророк – це тільки ти.

Ти залишаєшся сама. Забулось те, що не збулося, –
Вже років п'ять як Барбаросса знов на війні.
І все що є – маленький світ, ці очі, це руде волосся,
Ти – на натягнутій струні, бо ж Герніка – вже на порозі.
Ти чуєш? Чуєш? На порозі! Ти – на натягнутій струні.

Вона заходить і стоїть – теля, скривавлене і кволе –
Ніс, роги, пасма, чорний німб із мертвих мух,
Страшний сморід. А дитя без остраху проходить поряд
І олов'яного солдата вкладає до безсилих рук.
І непохитного солдата до маминих вкладає рук.

ПОЖИВНА ЮШКА

Порцелянове місто. Церква. Дерева-щогли.
Корабель серед льоду – занедбаний та хоробрий.
Від Різдвяних цілунків квітнуть червоним щоки.
Кольорові льодяники: півничок, павич, обрій.

Щось духмяне з дитинства – навариста добра юшка.
Ще ковточок – за маму, за тата, сестру та братика.
Любий Оле-Лукойе, цілуй мене ще дужче
За всіх тих, кого я кохала та потім втратила,

За всіх тих, хто не витримав, радше – хто й не тримався,
За себе, що зі мною і без. Подивися – вавка.
Поцілуй, де болить, – у розхристане серце. Маузер
Не поцілить у хрестик, допоки ти віриш батькові.

* *armario amarillo* – жовта шафа.

Але ж ти вже не віриш. Віршуєш. Мовчиш. Журишся.
Відпускаєш на волю з грудей білооких вершників.
І в очах твоїх – найчорніші з гравюр Дюрера,
А за вікнами – найдивніші з картин Брейгеля.

Я беру у плацкарті колючу картату ковдру,
Як-не-як затуляю дірки у вагоннім череві.
Любий Оле-Лукойє, ти чуєш – малюк десь стогне.
Поспішай до дітей. Хай насниться й мені первісток.

Прибуваю о п'ятій – нуль-нуль. Мої сни кволюють.
І об'ява дзвенить – пенопласт, бите скло, застуда.
«Поезд номер дванадцять прибудет на третей колії».
І вже не розумію, прокинулась я чи заснула.

АФРОДИТА ФОН ТІЗ

Я не те щоби Афро – не те щоби – Діта фон Тіз,
Але серце все б'ється в задушливій міці корсету.
Мої вірші відвертіші за найдорожчий стриптиз,
Ти не віриш і йдеш, і в обличчя жбурляєш монети.

Я не те щоби Мері, не те щоби Поппінс, зажди!
Адже знову для щастя не вистачить нам парасолі...
І в галантній манері закохують мене вітри,
Але всі не такі ясноокі та високочолі.

Я ще навіть не мати, не те що Агнеса свята,
Але перше залежить принаймні від збігу обставин.
Омивай мене сонцем, неначе то чиста вода,
Я тебе запрошу на всі наші сімейні вистави.

Я не те щоби Афро – не те щоби – Діта фон Тіз,
Але, Боже, як часто благаю про крихточку волі,
А так хочеться жити, хтось нас покликав «на біс»,
Під завісу вистави з банальною назвою «доля».

Дмитро КРЕМІНЬ

НЕ ПЕРЕРВЕТЬСЯ НИТЬ АРІАДНИ

У добу планетарної глобалізації, інтернетизації та інших див міняється не тільки світ і всесвітнє сприйняття однієї з магічних технологій людства – писемності. Міняється час і міняється простір. Простір країни і територія людини, котра пройшла незбагнений шлях од печерних рисунків до комп'ютерної магії, від еллінського письма до багатовимірності мережевої літератури. Та чи поменшало таємниць у координатах самої людини – хто скаже? Пантеїзм і монотеїзм, релігії та вірування, від яких почалися мистецькі пориви первісної людини, і тепер не втратили свого чару, а літера – графічної магії. Навіть у добу глобальної мономовності, коли щороку гинуть сотні мов і їх носіїв, однаходимо то румейські сувої, то клинописні таблиці, то позначені ієрогліфами нерозгадані шедеври проминулих епох і цілих цивілізацій. А що стосується територій, де завжди бував конгломерат етносів, релігій і культур, то вони й тепер складають основу теперішнього суспільно-політичного і культурного надбання людства. Історичну основу етно-ідентету, культурного прогресу, цивілізаційного просування.

Як праісторична територія сучасної України, великим надбанням людства давно стало Північне Причорномор'я, де подосі збереглися не тільки величні скіфські та половецькі, хетські кургани з золотими прикрасами та пектораліями царів і цариць, а й загадкові писемні пам'ятки, код яких – це й відгадка наших прапервнів і наших витоків. У тому числі – таїни сучасного нашого літературного буття, конструйованого зі смальти древності та магічного мозаїчного письма планетарної павутини. На помежів'ї XX і XXI століть перед нами постає все те ж питання питань, що й тисячоліття тому: хто ми є? чийх батьків діти? вистоїмо перед викликами модерного часу чи впадемо до ніг сильнішого? Саме тут, у Північному Причорномор'ї, задовго до християнської ери відбулося те, про що говоримо й нині: впали міста-поліси, і навіть Велике Боспорське царство, коли на зміну героям Трої та Еллади прийшов народ Ромула і Рема, когорті імперського Риму, а цезар Юлій, уже автор «Записок про Галльську війну», записав у своїх анналах безсмертну максиму: «Прийшов, побачив, переміг». Ольвія, легендарне місто-поліс на березі лиману та з виходом у Чорне море – Понт Евксинський, подосі чарує мандрівників-елліноманів руїнами древніх фортець і культових споруд, залишками (діючими!) старогрецького водогону, але вона уславилася ще до того, як стала римською залогою вже на початку християнської ери. Ольвія заснована греками-колоністами з Мілету ще в 5501 році до н.е., на початку територій Великої Скіфії, про що написав «батько історії» Геродот із Галікарнасу; щойно книга Геродота з ілюстраціями заслуженого художника України і жителя Ольвії-Парутиного, біля однойменного Національного заповідника «Ольвія», Володимира Бахтова вийшла друком у Москві й готується до презентації в «Українському домі» в Києві, попри чергову революційну бурю...

Парадоксально, але факт: і за століття, ба навіть тисячоліття в багатотисячному натовпі просинається геном древніх племен і древніх людей, а конструкти технологій відкинуто як непотріб. І мовби знову на еллінські вілли та амфітеатри й гімнасії суне темна орда невідомих завойовників, полчища варварів. А між тим елліни й скіфи саме тут створили дивовижний конгломерат і жили століття в мирі! Про що є писемні пам'ятки – і Геродота, і скіфського царевича-поета Анахарсиса, одного з десяти мудреців Афіні!

Давньоминулі епохи поєднуються з сучасністю в одному річищі, коли мовимо про спроби наукового узагальнення фактів літературної творчості в межах нинішньої Миколаївщини, – фактом стало і 40-річчя заснування в Миколаєві (1974) обласної організації тодішньої Спілки письменників України (СП УРСР – СП СРСР). Цьогоріч і відзначаємо цю непроминальну дату, адже й засновано було письменницьку організацію за 40 років од часу створення Спілки письменників СРСР у 1934 році. Головою її став легендарний пролетарський письменник Максим Горький, біографічно пов'язаний із Миколаївщиною, ще будучи босяком Альошею Пешковим. Із Миколаївщиною пов'язано багато

імен письменників-класиків як українських, так і російських та осетинських, як-от Коста Хетагуров, який був на засланні в Очакові. Болгарин Іван Вазов у Миколаєві не тільки готувався до визвольних змагань на Балканах, а й створив осередок болгарської культури на теренах Північного Причорномор'я, в самому Миколаєві тощо. Нині, коли історичне краєзнавство, зокрема краєзнавство літературне, досить розвинене, можна стверджувати, що ця земля справді унікальна в дотичності до великих духовних здобутків. Оскільки територія нинішньої Миколаївщини, за словами сучасного дослідника, давній терен становлення й розвитку потужної Скіфської держави, еллінських держав, однозначно можна стверджувати наступне. Ці епохи залишили велику й неповторну культурну спадщину, в ній сяють яскраві імена та події тих часів, про це є свідчення античних істориків та письменників. Але фактом залишається й те, що з V ст. н.е. аж до кінця XVIII ст. у цих дикопільських краях про писемність говорити не доводилося. А в XIX–XX ст. Миколаїв просяяв багатьма іменами, хоча конкретної письменницької структури до 1974 р. в нас не було. Проте було б несправедливим звужувати літературну карту Миколаївщини до параметрів радянського часу, а в радянську епоху – до 1974 р. Тим не менше, саме постановня обласної філії НСПУ (СП СРСР) стало історико-літературним надбанням області, краю корабелів і хліборобів, але й ойкумени далеких епох, колискою багатьох імен і явищ літературного та культурно-мистецького значення. Скажімо, вже літературно-бібліографічний покажчик «Літературна Миколаївщина» (2001) Юрія Тонкошкура налічує понад 300 імен відомих і не дуже персоналій, письменників із місцевою пропискою та таких, які лише біографічно пов'язані з цим романтичним краєм і конкретно – містом на Інгулі та Південному Бузі. У 2-х випусках підручника-хрестоматії «Література рідного краю» (1994, 2001) вміщено десятки імен поетів, прозаїків, драматургів тощо, які народилися на Миколаївщині або належали до Миколаївської організації СП СРСР – НСПУ. Сотні імен містить універсальна поетична антологія «Миколаївський оберіг» (2003), яка вийшла у видавництві «Можливості Кіммерії» з нагоди 30-ліття Миколаївської організації НСПУ. Читачів, щиро сподіваюся, зацікавить і наш Інтернет-сайт litnik.org – Миколаїв Літературний / Николаев Литературный, де можна прочитати твори миколаївських письменників і прочитати статті про них, відеорозповіді про корифеїв кожного жанру літератури, наших земляків. Підкреслю таку обставину: сайт уже читають майже у 100 країнах світу колишні миколаївці, але й інші культурні люди, зокрема, читачі Бібліотеки слов'янської літератури в Сан-Франциско, де директором – наш земляк Григорій Голодницький, україномовні громадяни Ізраїлю, Польщі, Канади, США, Франції тощо.

Заснована в 1974 році, Миколаївська обласна організація СП (СРСР, УРСР, України) завжди мала на своєму чолі справді обдарованих письменників, патріотів краю корабелів, хліборобів, але й коліски корифеїв українського театру, міста Володимира Даля і Миколи Аркаса.

Першим відповідальним секретарем обласної письменницької філії став прозаїк Леонід Куліченко (1918–1978), другим – уславлений письменник-мариніст Михайло Божаткін (1920–2009), а далі МОО НСПУ очолювали поет і перекладач Валерій Бойченко (1941–2011), поет і прозаїк Юрій Миرون (1940–2002), поет В'ячеслав Качурін (1942). З 2011 р. Миколаївську організацію НСПУ очолює поет Дмитро Кремін (1953).

Уже в першому складі новоствореної Миколаївської організації Спілки письменників були яскраві, незабутні майстри слова – згадувані прозаїки Леонід Куліченко та Михайло Божаткін, Іван Григурко та Віктор Подольський, Борис Слободянюк і Віктор Тимчук, Олександр Зима і Борис Янчук, Антон Морговський, літературний критик Іван Луценко. Славу Миколаєва склали його поети – Еміль Январьов і В'ячеслав Качурін, Валер'ян Юр'єв і Анатолій Ластовецький, Леонід Воронін і Кирило Курашкевич, Іван Царинний та Анатолій Харланович. При обласному відділенні СПУ діяв Кабінет молодого автора, яким у різні роки керували досвідчені члени СПУ Валер'ян Юр'єв і Валерій Бойченко, Катерина Голубкова. Працювали популярні літературні об'єднання «Стапель», «Джерела», імені Павла Ходченка. Частими в області були всесоюзні та республіканські дні літератури, поїздки в Москву та Київ, на Кавказ і БАМ. У різні роки в Миколаєві жили і працювали талановиті поети і прозаїки, для яких це стало лише фактом їх біографії, проте для теперішніх співців «степової

Геллади» (Є. Маланюк) цей край став ойкуменою, землею обітованою «на стику моря і лиману», за крилатим висловом лауреата літературної премії імені Анахарсіса поета Володимира Пучкова, знаного в Україні і за її межами майстра слова.

У цих нотатках, бодай пунктиром, означено всіх миколаївських майстрів поезії, прози, драматургії, хоча Миколаївська організація НСПУ належить до нечисленних письменницьких філій. Але й нині тут діють літоб'єднання та літстудії «Стапель» і «Пегас», філіали НСПУ та АУП, спілки письменників Росії та ВТС «Конгрес літераторів України», засновано літературний фестиваль «Ватерлінія» (з 2011 р.), та конкурси «Золота арфа» (з 1993 р.), «Паперове дерево» (2011) тощо. Проте основу літературного процесу складають поети, прозаїки, драматурги – члени НСПУ.

Вони й нещодавно дебютували на сторінках міжнародного літературно-публіцистичного часопису українських письменників «Соборність» (жовтень – грудень, 2013, Ізраїль).

Назву всіх поіменно.

Це – Дарина Березіна, Наталія Білецька, Альберт Вербець, Катерина Голубкова, Світлана Іщенко-Торнтон (Канада), В'ячеслав Качурін, Дмитро Кремінь, Анатолій Малярів, Віра Марущак, Лариса Матвеева, Олена Поманська, Володимир Пучков, Людмила Чижова, Вікторія Чорноброва. В цьому році членом НСПУ став і поет Аркадій Суров.

* * *

Представляючи вимогливому читачеві миколаївських майстрів слова, щиро шкодую, що в корпус проекту не можуть увійти прозові та поетичні твори антологічних авторів, починаючи від легендарних часів Ольвії, Анахарсіса, Гомера й Гесіода. Проте дихання вічності відчують і нині суші в степовому та морському безмежжі творці й представники наймолодшої генерації, котрих представимо в майбутньому. Не перерветься золота нить Аріадни, не помаліє поетичне слово в глобальному тектонічному вирі. На всіх мовах. Ольвіополіти заповіли нам на віки й любов до слова рідного і близького: «Скільки мов ти знаєш, стільки разів ти людина». Про це й полум'яні слова нашого великого Тараса Шевченка, під омофором його 200-літнього ювілею бачимо і наш письменницький ювілей. І віримо в майбутнє рідного красного письменства.

Колектив Миколаївської обласної організації НСПУ, 2013 р.

Александр МАКАРЕНКО

«СОВЕТУЕМ ПОСЛУШАТЬ ОРКЕСТР ЗАВОДА...»

История музыкального наследия Николаевщины богата важными событиями, яркими судьбами талантливых личностей и коллективов. Сегодня хочется вспомнить о творческом пути оркестра народных инструментов рабочих-металлистов Черноморского завода.

НА ВОЛНЕ ПРОЛЕТАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Не только в сельской местности, своей традиционной среде обитания, но и в городской культуре музицирование на фольклорных инструментах издавна занимает важное место. К примеру, в музыкальном быту г. Николаева конца XIX – первой половины XX вв. игра на гармонике, мандолине, балалайке, бандуре, а также участие в народно-инструментальных ансамблях было обычным культурно-бытовым явлением. Среди любительских коллективов (позже названных самодеятельными) в нашем крае выделялись своей активностью ансамбли, которыми руководили знатоки этого музыкального жанра Ф. Боков, К. Красников, П. Устинов и братья С. и Г. Коноводовы.

Все они были в центре событий культуры региона: участвовали в открытиях рабочих клубов, играли в составе военных оркестров, опекали отдельных исполнителей на народных инструментах, деятельно способствовали известности народных коллективов. Популяризируя исполнительское искусство, они расширяли репертуар в основном песенно-танцевального содержания, дополняли его доступными образцами музыки классического направления, обращались к цифровой, нотно-цифровой и нотно-музыкальной системам.

Решение намеченных творческих задач могло осуществиться только при помощи музыканта-профессионала, обладающего достаточным опытом. К такому единому мнению пришли участники народно-инструментальных ансамблей, где руководителями были Ф. Боков и Красниковы. Объединившись в один оркестровый коллектив, они пригласили для художественного руководства Григория Феофановича Манилова – хорошо знакомого николаевцам опытного музыканта-педагога и дирижёра.

Г. Ф. Манилов переехал из г. Нежина в г. Николаев в 1903 году и сразу же был доброжелательно принят местными музыкантами, взялся формировать духовой оркестр и хоровой коллектив. Не оставил он и учительскую работу, ибо невозможно подготовить грамотного исполнителя без хорошей школы. В местном ремесленном и железнодорожном училищах теперь после традиционных занятий звучал хор, духовые инструменты, слышались ставшие привычными для самодеятельных оркестрантов замечания наставника. В период 1917–1921 гг. он уже был дирижёром симфонического оркестра местного отделения бывшего российского императорского филармонического общества, а также руководил профсоюзным симфоническим оркестром рабочих-металлистов заводских культурно-просветительских комиссий, создававших организации Пролеткульта. Волна октябрьского переворота вызвала к жизни новые формы массового искусства.

Как член всеукраинского общества «Просвита», он принимал непосредственное участие в многочисленных художественных событиях: митингах и концертах, различных творческих вечерах, как дирижёр обеспечивал музыкальное сопровождение отдельных спектаклей, оркестровых пьес, включал в репертуар исполнителей фрагменты из оперы Н. Аркаса на текст Т. Г. Шевченко «Катерина», произведений классика украинской музыки Н. В. Лысенко, в частности его кантаты «Б'ють пороги» на слова Т. Г. Шевченка, «Жалібний марш» и кантату «Памяти Тараса Шевченко» К. Стеценко, другие сочинения. Творческая активность, безусловно, выдвигала Г. Ф. Манилова в число заметных фигур культуры нашего края. К тому же скромность, трудолюбие и другие положительные

личностные качества способствовали укреплению его авторитета. Это в основном и послужило мотивом для приглашения Г. Ф. Манилова в 1925 году на должность художественного руководителя и дирижёра оркестра народных инструментов Черноморского судостроительного завода (в тот период завод носил имя А. Марти).

Приход Г. Ф. Манилова в коллектив положил начало внедрению совершенно нового метода профессиональной работы, а именно – перехода на игру только по нотам, замену мандолин и гитар, ранее использующихся в оркестре, домрово-балалаечным составом. Основу репертуара теперь составили произведения современных композиторов и популярные образцы классической музыки. Немалое внимание Манилов уделял исполнению оркестровых обработок народной музыки, прежде всего украинских песен.

Прошло всего два года работы – и оркестранты достигли серьёзных творческих результатов. На праздновании двухлетия коллектива были исполнены такие крупные сочинения, как увертюра Л. Бетховена «Эгмонт», сюита из балета П. Чайковского «Лебединое озеро», отдельные части «Кавказских эскизов» композитора М. Ипполитова-Иванова, со временем ставшего почётным шефом этого рабочего коллектива. Играли попури Г. Манилова на украинские темы и другие произведения. «Никогда не забуду наше первое выступление, – вспоминал Григорий Феофанович. – В заводском клубе им. Свердлова собрались рабочие, их жёны, молодёжь. С волнением шли на концерт 12 оркестрантов, которые днём стояли у станков и верстаков, а вечером изучали ноты. Приняли нас хорошо, и это вдохновило молодёжь. Работал коллектив дружно, слаженно. ... Иван Студенко, братья Красниковы, Дмитрий Леонтенко, Иван Белов – все они жадно стремились к знаниям, горячо отдавались музыке» (Из воспоминаний Г. Ф. Манилова. Архив оркестра. Копия хранится у автора статьи).

Творческие успехи оркестра постоянно возрастали. В 1928 г. ему присваивается почётное звание «Первого окружного образцово-показательного оркестра». Коллектив активно пропагандировал музыкальное искусство на концертах, выступая перед трудящимися города и сельской местности. «Мы, граждане села Новая Одесса, выражаем глубокую благодарность рабочим музыкантам и их руководителю Г. Ф. Манилову. Своими концертами вы на деле осуществляете лозунг нашего времени – «смычку города с деревней и лозунг продвижения искусства в народные массы» («Красный Николаев»). И таких отзывов было много. В одной из статей 1929 года музыкальный критик писал: «Существует мысль, что балалайка и домра бездарные инструменты. Кто так думает, тому советуем послушать оркестр завода...»

ВСЕУКРАИНСКИЙ ОРКЕСТР

В 1930 году, отмечая большие заслуги оркестра в деле развития народного самодеятельного творчества и принимая во внимание его художественные достижения, по решению президиума всеукраинского комитета профессионального союза рабочих-металлистов от 24 апреля 1930 г. коллективу было присвоено почётное звание Всеукраинского оркестра рабочих-металлистов (ВУОРМ). На тот период им было проведено более 400 концертов как в Николаеве, Николаевском округе, так и в других городах Украины. Манилов активно устанавливал творческие связи с профессиональными музыкантами, коллективами, известными композиторами, среди которых были Ф. Козицкий, К. Данькевич, Г. Борисов и другие. На Всесоюзной олимпиаде музыкального творчества, проходившей в 1932 году, ВУОРМ стал победителем среди оркестров народных инструментов. Коллектив был награждён знаменем ВЦСПС и творческой поездкой по Советскому Союзу. В прессе отмечалось высокое профессиональное мастерство николаевского оркестра рабочих-судостроителей. Состоялись встречи со многими любителями народного искусства, художественными руководителями известных оркестров народных инструментов.

В 1934 году коллектив заводских музыкантов узнал совершенно неожиданную новость: постановлением Министерства просвещения Украины оркестр в полном составе был рекомендован на

учёбу в Одесской государственной консерватории. Г. Ф. Манилов был приглашён в качестве преподавателя. Со временем ему было присвоено научно-педагогическое звание доцента. Не все музыканты рабочего оркестра тогда смогли выехать на учёбу. Многие остались работать на родном заводе, положив начало второму составу оркестра. В июле 1937 г. в Одесской областной филармонии состоялся отчётный концерт оркестра по случаю окончания учёбы его участников. Все они были зачислены в состав творческих коллективов Одесской филармонии.

Уже в первые послевоенные годы оркестр Г. Ф. Манилова возобновил свою работу, теперь уже на базе культотдела завода имени 61 Коммунара. В марте 1950 года власти г. Николаева приняли специальное постановление о проведении 25-летнего юбилея знаменитого заводского оркестра народных инструментов. На юбилейном вечере, состоявшемся 10 апреля в областном театре (ныне Николаевский художественный академический русский драматический театр), были зачитаны многочисленные письма от официальных учреждений, местных органов власти, творческих, прежде всего музыкальных, коллективов страны, композиторов, тех деятелей искусства, кто длительный период поддерживал дружеские связи с николаевским самодеятельным коллективом: К. Данькевича, Ф. Козицкого, Г. Верёвки, Н. Будашкина и др. Одновременно с 25-летием оркестра отмечалось и 75-летие со дня рождения его бессменного художественного руководителя и дирижёра Г. Ф. Манилова. В приветствии Союза композиторов СССР отмечалось: «Неиссякаемый творческий энтузиазм участников и руководителей оркестра, освоение лучших образцов советской классической музыки, высокий художественный уровень их исполнения, воспитание... группы талантливых музыкантов, широкая общественная инициатива – все эти замечательные черты Вашего коллектива снискали заслуженную любовь широких масс».

В адрес маэстро поступили многочисленные поздравления творческих организаций, композиторов, любителей народно-оркестрового искусства. Г. Ф. Манилову одному из первых руководителей художественной самодеятельности в республике было присвоено почётное звание заслуженного деятеля искусств Украины.

В последующие годы оркестр неизменно подтверждал высокую оценку своего труда. Он был победителем проходивших в то время областных, республиканских и всесоюзных конкурсов, смотров, фестивалей народного музыкального искусства. 29 мая 1954 года оркестранты играли траурный марш: музыкальная общественность Николаева, области и всей нашей республики простиалась с известным дирижёром и замечательным человеком Григорием Феофановичем Маниловым – он был бессменным руководителем заводского оркестра с 1925 года. После смерти любимого руководителя во главе оркестра становится его воспитанник – Евгений Иосифович Енин, имевший к тому времени большой опыт работы в профессиональных и самодеятельных коллективах. Наиболее характерным в его работе становится увеличение количества новых произведений композиторов, особенно украинских. Это явилось дальнейшим развитием традиций, заложенных ещё в 20-е годы и проходивших красной нитью через всю историю коллектива.

В 1956 году оркестр заводских работников стал участником 2-го пленума Союза композиторов Украины, на котором ему было доверено первое исполнение пьес украинских авторов. Пребывание в Киеве значительно расширило творческое общение композиторов-современников с николаевскими музыкантами. Они получили в подарок новые произведения из числа тех, что прозвучали на пленуме. Вся дальнейшая музыкально-исполнительская деятельность оркестра основывалась на успешном развитии его творческого сотрудничества со многими композиторами страны, это неизменно сказалось на формировании репертуара, концертной деятельности. Учитывая особые заслуги коллектива, Президиум Верховного Совета УССР своим указом от 5 января 1957 года присвоил самодеятельному оркестру народных инструментов г. Николаева звание заслуженного оркестра Украинской ССР. Самоотверженный труд, новаторские приёмы в работе, расширение исполнительского диапазона – вот краткая характеристика деятельности художественного руководителя и дирижёра – Е. И. Енина. В 1960 году он был удостоен звания заслуженного деятеля искусств УССР.

«РУССКАЯ ФАНТАЗИЯ», ФУГА, «ЛУННАЯ СОНАТА»

В связи с переходом Е. И. Енина на преподавательскую работу в Николаевское музыкальное училище, с сентября 1963 года художественным руководителем и главным дирижёром оркестра стал В. М. Подопригора, в то время молодой музыкант, выпускник Одесской государственной консерватории им. А. В. Неждановой. Имея предыдущий опыт работы дирижёра камерного оркестра, а также второго дирижёра оркестра народных инструментов, он использовал свой профессионализм, эрудицию, личную культуру для формирования и развития новых творческих подходов прежде всего в репертуарной направленности. Как художественный руководитель и дирижёр, Подопригора добивался в музыкальных произведениях ясности и конкретности исполнения авторского замысла. В репертуар оркестра была включена «Русская фантазия» А. Глазунова, fuga из «Мессы си-минор» И. Баха, 1-я часть «Лунной сонаты» и увертюра «Кориолан» Л. Бетховена, другие сочинения западноевропейских композиторов. Пропагандируя классические произведения, коллектив оставался верен своей основной задаче – образцовому исполнению оригинальных произведений и народных мелодий в обработке народных инструментов. Он продолжал успешно выступать на конкурсах и фестивалях самодеятельного искусства областного, республиканского и всесоюзного уровней, завоевывал почётные дипломы, был награждаем золотыми медалями. Успехи оркестра народных инструментов получили высокую оценку. За творческие успехи он вторично награждается Почётной грамотой Президиума Верховного Совета УССР, а его художественный руководитель и главный дирижёр В. М. Подопригора был удостоен почётного звания заслуженного артиста Украины (12 сентября 1973 г.).

Усилилась связь оркестра с другими самодеятельными и учебными хорами, оркестрами, ансамблями. Он выступал с народной хоровой капеллой Черноморского судостроительного завода, народной хоровой капеллой учителей г. Николаева, оркестром народных инструментов культурно-просветительного факультета Киевского государственного института культуры и др. Ещё одной характерной чертой работы оркестра стала его связь с творческими коллективами музыкальных учебных заведений города. Заводские оркестранты посещали репетиции, участвовали в концертных выступлениях, получали большие возможности применить на практике полученные на занятиях знания по игре на музыкальных инструментах, дирижированию.

Что же было основополагающим в плодотворной творческой работе заслуженного оркестра?

У музыкантов появился коллективный орган управления – художественный совет. В его составе – наиболее активные, энергичные оркестранты. Перед тем как выносить тот или иной вопрос на обсуждение, он рассматривался худсоветом. Круг вопросов, решаемых советом, самый разнообразный. Прежде всего, творческая активность всех участников. Здесь и непосредственно решение задач – учебно-репетиционных, концертных; формирование репертуара, многочисленных организационно-хозяйственных вопросов, качественное проведение общих коллективных мероприятий самых различных направлений. Активная роль каждого оркестранта определяла успех всего коллектива, что и было главным в столь плодотворной его работе на протяжении более чем полувекового периода. Немаловажное значение для достижения целей, решения разнообразных задач имела традиция сочетания требовательности к участникам оркестра с одновременно проявляемой заботой. Примером может служить тот факт, что многие оркестранты получили достаточно высокую профессиональную характеристику и были рекомендованы на учёбу в музыкальные учебные заведения.

Объективные общественные условия, прежде всего смена материального и социокультурного содержания, способствовали тому, что в последние годы народно-оркестровое исполнительство более всего сосредоточилось в музыкальных, культурно-просветительных, музыкально-педагогических учебных заведениях, а также во внешкольных детских центрах и Домах детского творчества. Далеко за пределами Николаевской области известно сегодня исполнительское мастерство оркестров и ансамблей народных инструментов Высшего музыкального училища, колледжа культуры и искусств, Николаевского филиала Киевского национального университета культуры и искусств. Их выступ-

ления тепло воспринимаются почитателями народных музыкальных инструментов не только на Николаевщине, но и во многих городах Украины, России, Македонии, Болгарии. Наши народные коллективы отмечены многочисленными дипломами лауреатов, медалями, почётными грамотами, другими высокими наградами.

Среди таких коллективов – оркестр народных инструментов Высшего музыкального училища (художественный руководитель и дирижёр – преподаватель В. Луук), колледжа культуры и искусств (художественный руководитель и дирижёр – ст. преподаватель Коминарец О. В.), городского Дворца творчества учащихся (художественный руководитель и дирижёр И. Близниченко), Дома художественного творчества Заводского района (руководитель – доцент Шевченко Ю. А.), Ленинского района (руководитель Сыроежко О.). Широко известны своим творческо-исполнительскими достижениями народно-инструментальные коллективы Южноукраинска, Первомайска. Все они достойно продолжают славу оркестра народных инструментов николаевских рабочих-судостроителей, энтузиаста народного искусства Г. Ф. Манилова.

Макаренко Александр Петрович. Доцент, кандидат искусствоведения. Окончил Одесскую консерваторию (ныне Одесская музыкальная академия им. А. В. Неждановой), исследователь народной музыкальной культуры полиэтнического юга Украины, автор научных статей, учебных пособий, книг.

Сергій РОСЛЯКОВ

ВІН ХОЧЕ ЙТИ ДАЛІ

Живопис Леоніда Ященка

Леонід Ященко у майстерні

Нечасто зі мною таке буває, коли після відвідування чергової виставки художніх творів виникає бажання висловити власні думки про те, що бачив і що думаю про митця, або митців.

Проте на виставці творів миколаївського живописця Леоніда Ященка подібне бажання виникло водночас. Може, це була важлива особисто для мене урбаністична тема, яка займає у творчості художника ключове місце. А може, яскраве і талановите поєднання на полотнах декоративного та живописного начал притягує глядача до творів незалежно від їх змісту. Важко сказати, що переважило. Скоріш за все, і перше і друге у поєднанні в одне ціле.

Відразу зауважу, що це було далеко не перше знайомство з художником та його творами. І тут з'являється ще один чинник інтересу: суттєве творче зростання митця відповідно до більш ранніх його творів. Зростання потужне і суто в технічному відношенні і, що, на мій погляд, також важливо, в образному.

Шлях Леоніда Ященка до мистецтва аж ніяк не можна назвати традиційним. Він дійсно з дитинства захоплювався малюванням, але... не закінчував жодного мистецького закладу – ані дитячої художньої школи, ані художнього училища, ані художнього вишу. А закінчив він кораблебудівний, тобто суто технічний, інститут. Дозволю собі перефразування відомого вислову: художниками не становляться, а народжуються. Схоже, і цей вислів має сенс. Приклад цьому – миколаївський митець.

Його життєвий досвід складний і дуже різний, його праця в 1980-х роках у заводських відділах художнього конструювання, або в художньо-виробничому комбінаті обласного відділення Спілки художників, так само як і наполегливе самовдосконалювання, у тому числі в художніх студіях або на курсах, – це його важлива духовна валіза. Це кроки його становлення. Так само як і всі непрості життєві колізії. І це важливо розуміти: художників без цього також не буває.

До речі, його декоративність іде саме від тих часів і від його декоративних скульптур, інтер'єрів та вітражів, які він залишив за спиною, наприклад, у дитячому містечку «Казка» біля Вознесенська (с. Таборівка, 1988–1989 рр.) або Палацу культури в самому Вознесенську. Його живопис також відштовхнувся від давніх занять ще студентом кораблебудівного інституту в чудовій художній студії колишнього Будинку офіцерів флоту, що був на вулиці Адміральській...

Його рідне місто є свідком його творчості. І водночас головним об'єктом його творчості.

Пригадую перші роботи Леоніда з образами міста. Це й лютеранська кірха на вул. Адміральській, і собор Різдва Богородиці на вул. Потьомкінській, і колишній бар «Садко» (колишня трамвайна підстанція), і собор Касперовської Богоматері на вул. Садовій...

Усі ці роботи вже мали власні образи. Вони начебто вийшли з міста і відокремились у рамах для полотен. Вони вже несли в собі харизму автора. Саму харизму можна розуміти по-різному. На мій погляд, харизму художника слід розуміти як повну впевненість у необхідності власної творчості як для себе, так і для глядачів. Художник настільки в цьому впевнений, що йому навіть не треба пе-

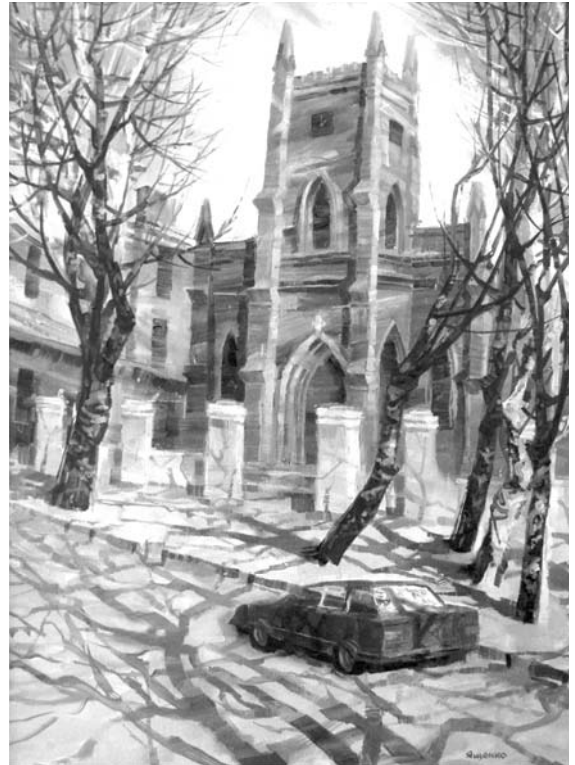
реконувати в цьому весь навколишній світ. Він, художник, знає щось більше за нас і він нам це впевнено демонструє. Його твори не були скопійовані з конкретних архітектурних об'єктів міста. В цьому Яценко йде за порадами Куїнджі: не копіювати світ, а перетворювати його згідно з власними уявленнями. Можна впевнено говорити про власний Миколаїв у творчості митця.

Відразу стає помітним, що художнику до вподоби і кольорові ефекти, і своєрідність композиційних рішень. Він із задоволенням може трансформувати простір або конфігурацію будівель, вулиць. Митець милується красою кольору, розмаїттям форми і внутрішнім змістом образів. І це є його природний стан. Він за натурою – естет.

Якщо уважно придивитися до творів більш пізніх, то можна побачити певні композиційні зміни. В більш ранніх творах лінія горизонту розташована доволі низько. Але на роботах 2012 та 2013 років лінія горизонту стає суттєво вище. Такий прийом добре відомий із полотен художників старого нідерландського живопису. Художники тієї доби обирали такий високий горизонт для того, щоб показати значні плани і значну кількість подій на них. Цікаво, що старі нідерландські майстри жили за доби становлення їхньої молоді держави. Може, це і збіг обставин, але доволі гучний...

Певним чином подібний, суто технічний прийом розширення поля зору спонукає перехід до більш масштабного художнього мислення. Саме таке мислення відділяє художника-спостерігача і фіксатора того, що він бачить, від художника-аналітика, того самого, що спостерігає і робить власні висновки. І ще одне зауваження: високий горизонт у художників старих Нідерландів є свідченням їхнього нескінченного дивування красі навколишнього світу, який вони відкривали для себе і для земляків. Світ набирив ознаки свята в їх полотнах. Фактом є і святковий настрій у більшості робіт Леоніда Яценка, присвячених Миколаєву. Таким чином, знайдена ще одна точка дотику між такими, на перший погляд, далекими майстрами минулого і сучасного...

В цьому місці важливо пригадати життєвий досвід художника. Він доволі багато працював у галузі дизайну. Притому і суто технічно-

«Холодна весна. Кірха»

«Яхт-клуб»

му, якщо пригадати його досвід роботи в бюро технічної естетики заводу «Екватор» на початку 1980-х років. До речі, саме тоді там склався цікавий творчий колектив, на чолі якого був А. Т. Бедаков. Саме з цього колективу вийшли потім відомі миколаївські художники С. Лук'яненко, Ю. Корольов, Д. Боляков... Вихованець кораблебудівного інституту, який завжди прагнув до мистецтва, Леонід Яценко прийшовся там до двору. Потім були майже вісім років роботи в миколаївському художньо-виробничому комбінаті, що був створений при обласному відділенні Співки художників, де робота також була пов'язана переважно з дизайном, тобто художнім конструюванням. І до всього цього можна додати його досвід роботи свого часу і в бюро нової техніки та роботизації на модерновому заводі «Кристал». Мабуть, саме від цього йде легкість, із якою він може трансформувати простір та змінювати ракурси планів. А змінювати їх необхідно для вирішення внутрішніх завдань. Живописець сприймає місто як власне житло. Для нього неважко змінювати міське середовище так само, як переміщувати меблі в кімнатах.

Професійне зростання живописця Леоніда Яценка за останні три роки вражає. На перший погляд, воно нагадує набір висоти на аероплані під час стрімкого зльоту. Якщо вище йшося про суттєвий підйом лінії горизонту в роботах 2011–2012 років, то в 2013 році на деяких роботах («Миколаївський польський костюм» або «Собор Різдва Богородиці на розі вулиць Лягіна та Потьомкінської») лінія горизонту взагалі виходить за верхню раму картини, а погляд художника перетворюється на пташиний. Він начебто злітає над містом і роздивляється на події, що відбуваються на землі.

За зовсім невеликий відрізок часу художник встигає взяти участь у 7 загальноукраїнських виставках, 25 обласних та провести 8 персональних виставок і «видати на-гора» більш ніж триста живописних полотен. Це фантастична працездатність і фантастичний вибух творчого натхнення! Щось я не пригадую подібного концентрованого результату ні в кого з наших художників, враховуючи високу якість доведення всіх без виключення робіт у миколаївського митця.

Цікавою особливістю творів Леоніда Яценка є співвідношення між людиною і містом. Людина в місті у художника на перший погляд виглядає як стафаж. Вона або непомітна, навіть якщо зображена ціла юрба, або взагалі відсутня. При цьому ані у першому випадку, ані коли зображення людини відсутні, не виникає враження, що в місті немає людей. Навпаки, їхня присутність відчувається через світло в будинках, через каміння споруд, через ліхтарі на вулицях... Дивне враження, але воно нагадує досвід імпресіоністів у Франції або робіт Глушенка, Утрілло... Творчість миколаївського художника якимось чином успадкувало цю якість.

Швидкоплинний час та життєві турботи не зуміли відібрати у художника його романтичний настрій у душі, який так чи інакше супроводжує більшість його творів. І за межами країни він залишається тим самим Леонідом Яценком. Чудові краєвиди Чорногорії, що були написані в 2013 році,

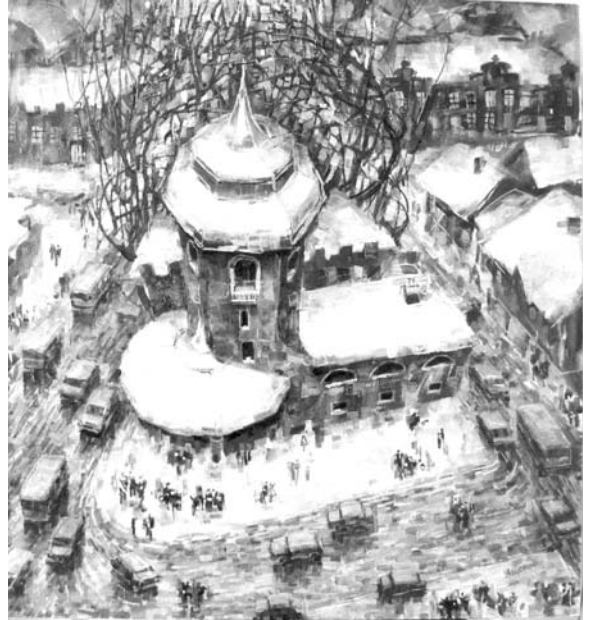
«Старий дім»

«Зимовий день у старому місті»

«Зима. Католицький костел»

«Кафе «Ассоль». Вид зверху»

є найкращим цьому свідком. У «Морському краєвиді» з Чорногорії в легкому тумані між морем і вершинами гір, в якомусь казковому мареві, проглядають силуети дивовижних споруд... Романтизм притаманний природі митця.

У мистецтві, в цілому, закладений суттєвий заряд протесту. Можливо, взагалі мистецтво народилось із протесту. В минулому, 2013-му, році мені довелося звернутись до художника з проханням взяти участь в акції «стрит-арту» у внутрішньому дворі музею імені В. В. Верещагіна. Акція була присвячена 99-й річниці музею і пройшла під гаслом «Музей і місто».

Темою фрески митець обрав старовинний, овіяний романтикою куточок міста із зображенням старого трамвая, що неквапливо рухається уздовж одноповерхових будиночків, за якими як непорушна стіна стоїть монументальний християнський собор. Він показаний таким чином, що виглядає як фортеця нашої віри, надії, любові, яка все переможе. Відразу зрозумілі позиції митця як містянина, громадянина, чоловіка. Фреска написана в сонячних вохристих фарбах, і багато хто з людей, які перебували в музеї, відзначали її мажорність і красу. Мистецтво повинно, на думку художника, бути красивим та мажорним. Нагадаю: він естет і філософ одночасно.

Техніка живопису Леоніда Ященка відрізняється широтою мазків, які він здебільшого наносить за допомогою мастихину. В чомусь це нагадує мозаїчну манеру, яка, можливо, була народжена через досвід декоративних творів попереднього часу, особливо досвід вітражів та дерев'яної скульптури, під час роботи над якими важко обійтись без подібного художнього мислення. Але, скоріш за все, це є результатом його подальшої еволюції як живописця. Його прагнення до поєднання ідеї творів з їхньою зрозумілістю для глядачів, а також високою естетикою і красою обов'язково приведе художника до спроб відображення ідеї через більш складні колір та форму. Поєднати легкість ідеї з важкістю матеріального буття – що може бути більш цікавим? Завдання це є дуже важким, тому що історичний досвід привів шукачів цього до абстрактного, тобто безпредметного, мистецтва. А митець обожає матеріальний світ. Але мрія у художника така є, і він хоче йти далі. Впевнений, ми будемо спостерігати майбутні трансформації його творчості з величезним інтересом.

Ященко Леонід Григорович. Народився 13 грудня 1952 року в Миколаєві. Закінчив Миколаївський кораблебудівний інститут ім. Макарова (1975). Працював у відділі художнього конструювання ВО «Екватор», художньо-виробничому комбінаті. Член Національної спілки художників України (2013).

Маркитан Елена Николаевна. Родилась 8 января 1961 года в Казахстане. Среднюю школу закончила в Ильичёвске Одесской области. Окончила Одесский педагогический институт им. Ушинского, художественно-графический факультет (1982). Живёт в Николаеве, с 1996 года работает преподавателем в детской художественной школе. Всего несколько лет занимается авторской куклой. Выставочную деятельность начала с 2009 г. Участвовала в выставках: «День ангела» (Николаев, галерея на Спасской, 2009); «Стильная кукла» (Одесса, Морской вокзал, 2011, 2012, 2014); «Волшебная сила искусства» (Одесса, Галерея «Вернисаж», 2012); «Олицетворения» (Николаев, Летний двор Русского театра, 2014).

Зоя БУРЛАКА

ОЛИЦЕТВОРЕНИЯ

Рассмотрим каждого из нас – одушевлённое как куклу, изготовленную богами. Что бы ни побудило их на это – желание избавиться от нас или серьёзное приложение своим силам, мы об этом никогда не узнаем правду!

Платон

Кукла – воплощение мира детства, когда всё вокруг кажется живым, волшебным и обещающим чудо. Человек взрослеет, но кукла – игрушка, образ, аллегория – продолжает жить вместе с ним. На всю жизнь мы сохраняем к куклам особое, не всегда осознанное отношение из-за их действенной и притягательной магической силы.

Кукол существует большое множество, их типология чрезвычайно велика и разнообразна: кукла-игрушка, обрядовая, кукла мистерий и таинств, театральные куклы всевозможных видов – марионетки, перчаточные, тростевые и другие. Но есть куклы, которые создаются художниками не для детской игры и не для обрядов, а просто для созерцания, – это авторская коллекционная кукла, кукла-произведение.

Авторская кукла чаще всего выполняется в единственном экземпляре, представляет собой плод длительного кропотливого труда. Куклы рождаются на стыке всех видов искусства – здесь задействованы объём и пространство, как в скульптуре, цвет и фактура, как в живописи, а также образ и характер. В свою очередь, авторские куклы подразделяются на множество жанров (например, характерная реалистичная кукла, фантазийная кукла, «кукла без куклы» и т.д.), техник исполнения (например, горячий и холодный пластик, фарфор, текстильные куклы) и по назначению (коллекционные, интерьерные и т.д.). В последние годы современное искусство авторской куклы породило спрос не только среди коллекционеров, но и искусствоведов, дизайнеров интерьеров, одежды и даже архитекторов. Присутствие авторской куклы в интерьере стало уже давно хорошим тоном и показателем изысканного вкуса обладателей. Во всём мире ежегодно проводятся сотни крупных выставок, посвящённых искусству куклы. Кукольный бум, захлестнувший весь мир, коснулся и Украины, в том числе и нашего города.

В Николаевской художественной школе уже много лет работает Елена Николаевна Маркитан, человек разнообразных дарований. Она умеет всё. Просмотры работ в её классах проходят на высоком уровне. Например, работы учащихся в технике «вытынанки» на тему «Украинские пословицы» получились такими, что не стыдно их показать на профессиональной выставке. Ещё Е. Маркитан делает украшения в технике валяния, может сшить пальто для своей дочери Саши, расписать антикварный шкаф у себя дома и многое другое.

Но речь о куклах. Будучи маленькой, как все девочки, шила куклам платья, а в самом раннем детстве была свидетелем изготовления кукол из папье-маше старшим братом и сестрой для кукольного театра. Но толчком к изготовлению первой куклы была необходимость попробовать самой, чтобы преподавать ученикам. Интересовала только технология. Потом была сувенирная кукла – для подарка. А потом просто назрела неукротимая потребность творить и – начался творческий процесс.

То, что доступно выразить куклами, недоступно ни одному другому виду искусства. Прежде всего, это возможности кукольного искусства в создании образности и характера. Каждая кукла Елены – особенный характер и настроение. Мастер вкладывает в неё всё лучшее, что есть у него в душе, и это находит отклик в наших душах.

Типологически кукол Е. Маркитан можно разделить на несколько направлений: Ангелы, Королевы, куклы-образы («Детство», «Судьба», «Ночь», «Времена года»), куклы, не поддающиеся наклеиванию ярлыков. В общей сложности их пока около тридцати, но процесс идёт.

В нашей беседе Елена подчеркнула, что осознанно не делает красивых кукол. «Понятие «красивая кукла» мне претит. Для меня важно выразить идею». Но здесь автор, по-моему, немного лукавит – куклы у неё получаются и красивыми, и с идеей, и тянут за собой целые нити ассоциаций. Елена не наряжает своих кукол в бархат, кружева, рюши и оборки, кринолины и украшения, имитирующие драгоценные камни, – словом, барокко-рококо отсутствуют как таковые. Так что тем, кто любит таких кукол, не сюда. Еленины куклы могут показаться слишком простыми, аскетами в ирреальном пространстве кукольного мира. Но нужно уметь смотреть, точнее, всматриваться, и – отворится вам...

Еленины ангелы... В религиозной мифологии ангел – сверхъестественное существо, посланец Бога, покровительствующий человеку. Она сделала их немало. «Грустящий ангел» – первая её кукла, от которой идёт отсчёт всех остальных. Он действительно очень грустен, воплощение мировых скорбей, результат познания человека со всеми его несовершенствами, склонностью к пороку. Это грусть

«Ангел с птицей», 2012

«Невеста», 2012

«Грусть», 2012

«Судьба», 2014

о человеке, не умеющем быть, а не казаться счастливым. Глядя в небо своими потусторонними глазами, он, наверное, думает, «с кем придется работать». Он сидит в позе обиженного ребёнка, подтянув колени к подбородку, сложив свои изящные ручки. Голова склонена к плечу, волосы немного растрепались. Его белое одеянье легло красивыми складками.

Грусть, печаль, многое знание вообще присущи всем, за немногими исключениями, куклам Елены, как, впрочем, и ей самой. Я, зритель, ценитель Лениных кукол, а также счастливый обладатель ещё одного ангела, который живёт у меня дома. Я назвала его «Ангел предполётный». Он родной брат «Грустящего», лица у них почти идентичны, а может, это он же, но только собирающийся взлететь. Есть ещё «Ангел мечтающий», но это уже юная девушка с лёгкими, прозрачными волосами, стрекозиными крылышками, в платье цвета бледной бирюзы. Она мечтает, думаю, о нас, о том, чтобы мы стали добрее, умнее, благодарнее, больше любили, меньше ненавидели. Дай Бог исполниться её мечтам.

«Зима», 2014

Однако в этом ангельском семействе всё не так печально. В нём присутствуют и вполне позитивные персонажи: «Солнечный ангел», «Летающий ангел» и совершенно особенный «Ангел Благовещения». Он несёт в себе тайну, радость, и даже лукавую гордость: дескать, никто ещё ничего не знает, а мне известно, что ты скоро станешь мамой. Поскольку у автора этих кукол трое своих детей, то «Ангел Благовещения» ей очень дорог.

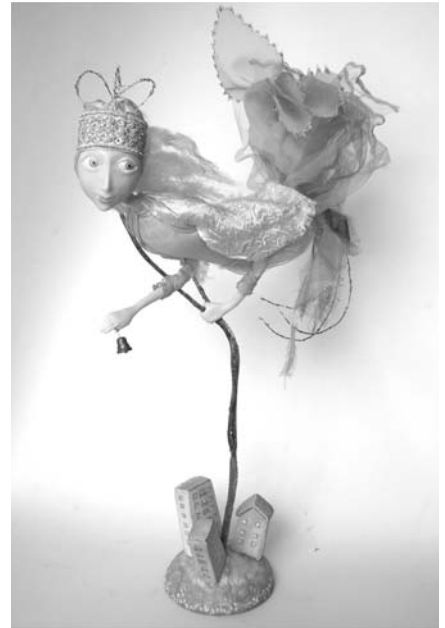
Никогда зритель не сможет догадаться, что именно послужило отправной точкой для создания того или иного произведения: картины, скульптуры или куклы – это знает только сам автор. А захочет ли он сказать об этом нам? У Е. Маркитан есть серия кукол «Королевы». Так вот, про одну из них, «Ситцевую королеву», я знаю. Толчком к её возникновению послужило стихотворение В. Ходасевича «Ситцевое царство». «Ситцевую королеву» она увидела как строгую, спокойно-утончённую даму, одетую в костюм из ситца в холодной сине-бирюзовой гамме, которая

«Бабочка», 2013

«Весна», 2014

«Птица-счастье», 2013

очень идёт к её голубым глазам. У Ходасевича: «В окне – далёкие края; холмы, леса, поля – из ситца... О, скромная страна твоя! О, милая моя царица!» Есть ещё королевы: «Королева сумерек», «Снежная королева».

Лично мне очень нравится «Невеста», с прекрасным лицом, юная, очаровательная. В этой кукле акцент сделан на costume, в особенности – на удивительном головном уборе, заимствованном из словацкого свадебного наряда. Этот костюм подчёркивает торжественность момента перехода её в новое состояние, готовность к жертвенности.

Хитом является кукла «Детство», приз зрительских симпатий. Собственно, это не одна кукла, а целых три. Это образ ребёнка с наивным взглядом, неосознанно устремлённым в неизвестное будущее. В руках у девочки кукла. Может, это ты, а может, твоя мама 70 лет назад, а в руках у неё кукла, а может, это ты у неё в руках, так похожая на неё, держащая куклу. Детство не кончается, оно только переходит от одного человека к другому: от матери к дочке, от дочери к внучке...

«Птица-счастье», выполненная в тёплой оранжевой гамме. Она пролетает над нами, и мы ощущаем, что счастья в жизни бывают лишь мгновения, счастье мимолётно, долго не задерживается, а потому так ценны и незабываемы эти мгновения.

Диапазон интересов автора велик. Очень интересны куклы-репродукции «Ангел с птицей» и «Примавера». Обе куклы родом из раннего Возрождения, самой нежной, искренней поры этой эпохи. Только флорентийские художники кватроченто изображали ангелов и святых такими сосредоточенными, наделёнными индивидуальными чертами, смиренными. Например, у Фра Беато Анджелико, монаха-художника, есть такая работа – «Табернакль Линайоли», где один из ангелов перекликается с «Ангелом с птицей».

Однажды Елена Николаевна сделала вместе со своими учениками кукол из сухой травы, практически из ничего. Получились прекрасные куклы в народном стиле. Я думаю, что у Е. Маркитан ещё много идей, задумок, свершений. Пусть же у неё всё получается на радость людям и ей самой.

Про очень ценных коллекционных кукол пишут – «единственный экземпляр». То же можно сказать про прекрасного человека, мастера, учителя Елену Маркитан.

Бурлака Зоя Васильевна. Родилась в Одессе в 1953 г. Окончила Одесское художественное училище им. Грекова (1975). Работает в Детской художественной школе г. Николаева (1975–2014). С 1996 года преподаёт историю изобразительного искусства.

Всеволод ГАРШИН

ТО, ЧЕГО НЕ БЫЛО

Сказка

В один прекрасный июньский день, – а прекрасный он был потому, что было двадцать восемь градусов по Реомюру*, – в один прекрасный июньский день было везде жарко, а на полянке в саду, где стояла копна недавно скошенного сена, было ещё жарче, потому что место было закрытое от ветра густым-прегустым вишняком. Всё почти спало: люди наелись и занимались послеобеденными боковыми занятиями; птицы примолкли, даже многие насекомые попрятались от жары. О домашних животных нечего и говорить: скот крупный и мелкий прятался под навес; собака, вырыв себе под амбаром яму, улеглась туда и, полузакрыв глаза, прерывисто дышала, высунув розовый язык чуть не на пол-аршина; иногда она, очевидно от тоски, происходящей от смертельной жары, так зевала, что при этом даже раздавался тоненький визг; свиньи, маменька с тринадцатью детками, отправились на берег и улеглись в чёрную жирную грязь, причём из грязи видны были только сопевшие и храпевшие свиные пяточки с двумя дырочками, продолговатые, облитые грязью спины да огромные повислые уши. Одни куры, не боясь жары, кое-как убивали время, разгребая лапами сухую землю против кухонного крыльца, в которой, как они отлично знали, не было уже ни одного зёрнышка; да и то петуху, должно быть, приходилось плохо, потому что иногда он принимал глупый вид и во всё горло кричал: «какой ска-ан-да-ал!!»

Вот мы и ушли с полянки, на которой жарче всего, а на этой-то полянке и сидело целое общество неспавших господ. То есть сидели-то не все; старый гнедой, например, с опасностью для своих боков от кнута кучера Антона разгребавший копну сена, будучи лошадьё, вовсе и сидеть не умел; гусеница какой-то бабочки тоже не сидела, а скорее лежала на животе: но дело ведь не в слове. Под вишнею собралась маленькая, но очень серьёзная компания: улитка, навозный жук, ящерица, вышеупомянутая гусеница; прискакал кузнечик. Возле стоял и старый гнедой, прислушиваясь к их речам одним, повёрнутым к ним, гнедым ухом с торчащими изнутри тёмно-серыми волосами; а на гнедом сидели две мухи.

Компания вежливо, но довольно одушевлённо спорила, причём, как и следует быть, никто ни с кем не соглашался, так как каждый дорожил независимостью своего мнения и характера.

– По-моему, – говорил навозный жук, – порядочное животное прежде всего должно заботиться о своём потомстве. Жизнь есть труд для будущего поколения. Тот, кто сознательно исполняет обязанности, возложенные на него природой, тот стоит на твёрдой почве: он знает своё дело, и, что бы ни случилось, он не будет в ответе. Посмотрите на меня: кто трудится больше моего? Кто целые дни без отдыха катает такой тяжёлый шар – шар, мною же столь искусно созданный из навоза, с великой целью дать возможность вырасти новым, подобным мне, навозным жукам? Но зато не думаю, чтобы кто-нибудь был так спокоен совестью и с чистым сердцем мог бы сказать: «да, я сделал всё, что мог и должен был сделать», как скажу я, когда на свет явятся новые навозные жуки. Вот что значит труд!

– Поди ты, братец, с своим трудом! – сказал муравей, притащивший во время речи навозного жука, несмотря на жару, чудовищный кусок сухого стебелька. Он на минуту остановился, присел на четыре задние ножки, а двумя передними отёр пот со своего измученного лица. – И я ведь тружусь, и побольше твоего. Но ты работаешь для себя или, всё равно, для своих жученят; не все так счастливы... попробовал бы ты потаскать брёвна для казны, вот как я. Я и сам не знаю, что заставляет меня работать, выбиваясь из сил, даже и в такую жару. Никто за это и спасибо не скажет. Мы, несчастные рабочие муравьи, всё трудимся, а чем красна наша жизнь? Судьба!..

– Вы, навозный жук, слишком сухо, а вы, муравей, слишком мрачно смотрите на жизнь, – возразил им кузнечик. – Нет, жук, я люблю-таки потрепать и попрыгать, и ничего! Совесть не мучит! Да притом вы несколько не коснулись вопроса, поставленного госпожой ящерицей: она спросила, «что есть мир?», а вы говорите о своём навозном шаре; это даже невежливо. Мир – мир, по-моему, очень хорошая вещь уже потому, что в нём есть для нас молодая травка, солнце и ветерок. Да и велик же

* 28 градусов по Реомюру соответствует 35 градусам по Цельсию (прим. редактора).

он! Вы здесь, между этими деревьями, не можете иметь никакого понятия о том, как он велик. Когда я бываю в поле, я иногда вспрыгиваю, как только могу, вверх и, уверяю вас, достигаю огромной высоты. И с неё-то вижу, что миру нет конца.

– Верно, – глубокомысленно подтвердил гнедой. – Но всем вам всё-таки не увидеть и сотой части того, что видел на своём веку я. Жаль, что вы не можете понять, что такое верста... За версту отсюда есть деревня Лупаревка: туда я каждый день езжу с бочкой за водой. Но там меня никогда не кормят. А с другой стороны Ефимовка, Кисляковка; в ней церковь с колоколами. А потом Свято-Троицкое, а потом Богоявленск. В Богоявленске мне всегда дают сена, но сено там плохое. А вот в Николаеве, – это такой город, двадцать восемь вёрст отсюда, – так там сено лучше и овёс дают, только я не люблю туда ездить: туда ездит на нас барин и велит кучеру погонять, а кучер больно стегает нас кнутом... А то есть ещё Александровка, Белозёрка, Херсон-город тоже... Да только куда вам понять всё это!.. Вот это-то и есть мир; не весь, положим, ну да всё-таки значительная часть.

И гнедой замолчал, но нижняя губа у него всё ещё шевелилась, точно он что-нибудь шептал. Это происходило от старости: ему был уже семнадцатый год, а для лошади это всё равно, что для человека семьдесят седьмой.

– Я не понимаю ваших мудрёных лошадиных слов, да, признаться, и не гонюсь за ними, – сказала улитка. – Мне был бы лопух, а его довольно: вот уже я четыре дня ползу, а он всё ещё не кончается. А за этим лопухом есть ещё лопух, а в том лопухе, наверно, сидит ещё улитка. Вот вам и всё. И прыгать никуда не нужно – всё это выдумки и пустяки; сиди себе да ешь лист, на котором сидишь. Если бы не лень ползти, давно бы ушла от вас с вашими разговорами; от них голова болит, и больше ничего.

– Нет, позвольте, отчего же? – перебил кузнечик. – Потрещать очень приятно, особенно о таких хороших предметах, как бесконечность и прочее такое. Конечно, есть практические натуры, которые только и заботятся о том, как бы набить себе живот, как вы или вот эта прелестная гусеница...

– Ах, нет, оставьте меня, прошу вас, оставьте, не троньте меня! – жалобно воскликнула гусеница. – Я делаю это для будущей жизни, только для будущей жизни.

– Для какой там ещё будущей жизни? – спросил гнедой.

– Разве вы не знаете, что я после смерти сделаюсь бабочкой с разноцветными крыльями?

Гнедой, ящерица и улитка этого не знали, но насекомые имели кое-какое понятие. И все немного помолчали, потому что никто не умел сказать ничего путного о будущей жизни.

– К твёрдым убеждениям нужно относиться с уважением, – затрещал, наконец, кузнечик. – Не желает ли кто сказать ещё что-нибудь? Может быть, вы? – обратился он к мухам, и старшая из них ответила:

– Мы не можем сказать, чтобы нам было худо. Мы сейчас только из комнат; барыня расставила в мисках наваренное варенье, и мы забрались под крышку и наелись. Мы довольны. Наша маменька увязла в варенье, но что ж делать? Она уже довольно пожила на свете. А мы довольны.

– Господа, – сказала ящерица, – я думаю, что все вы совершенно правы! Но с другой стороны...

Но ящерица так и не сказала, что было с другой стороны, потому что почувствовала, как что-то крепко прижало её хвост к земле.

Это пришёл за гнедым проснувшийся кучер Антон; он нечаянно наступил своим сапожищем на компанию и раздавил её. Одни мухи улетели обсасывать свою мёртвую, обмазанную вареньем, маменьку, да ящерица убежала с оторванным хвостом. Антон взял гнедого за чуб и повёл его из сада, чтобы запрячь в бочку и ехать за водой, причём приговаривал: «ну, иди ты, хвостыка!», на что гнедой ответил только шептаньем.

А ящерица осталась без хвоста. Правда, через несколько времени он вырос, но навсегда остался каким-то тупым и черноватым. И когда ящерицу спрашивали, как она повредила себе хвост, то она скромно отвечала:

– Мне оторвали его за то, что я решилась высказать свои убеждения.

И она была совершенно права.

Леонід ДУДЕНКО

ЙОГО ВРЯТУВАЛА ЮХИМІВКА

*...душа болит в разлуке
С родимой степью, где дышат привольно,
Где солнце так тепло сияет с неба;
Где мириады трав цветут, кивая
Навстречу мне головками своими...*

Всеволод Гаршин

Перебування Гаршина в нашому краї відзначене меморіальною дошкою у Миколаєві на Артилерійській вулиці та горельєфною фігурою письменника на фасаді Лиманівського сільського Будинку культури. Епіграфічні поетичні рядки – про південно-бузький степ, його квітучість, бальзамуючи силу в усі пори року, обожнювані письменником. Його друг учений-зоолог В. А. Фаусек у своїх спогадах пише про юхимівський період його життя:

«В деревне В. С. Акимова, Ефимовке, в Херсонской губернии, около Днепровско-Бугского лимана, недалеко от Николаева, Всеволод Михайлович прожил почти полтора года. Спокойная деревенская жизнь, заботливый уход и дружелюбие всего семейства его дяди, южно-русский климат и природа, которые он так любил, мало-помалу сделали своё дело... Весной 1882 года, чувствуя себя, наконец, вполне здоровым, он поехал в Петербург».

Харківський саїтнік.

Брат і сестра Акимови. Юхимівка.

Душевна хворість Гаршина загострилася у період життя його матері Катерини Степанівни з молодшим сином Євгеном у Харкові 1880 року. Раніше визнали, а тепер підтвердили лікарі-психіатри, що циклічність нападів душевної недуги Всеволода мала спадковий від батька ґрунт.

Стационарне лікування нервово хворого на Сабуровій дачі (назва лікарні) не полегшило страждань. Шматки його розтерзаної душі могла з'єднати у нормальний ритм зміна способу життя і благодійне оточення. Рятувальник, вважають біографи письменника, з'явився вчасно...

До свого юхимівського маєтку в тридцяти верстах від Миколаєва – в село Юхимівку – після великих і малих справ у столиці Володимир Акимов повертався залізницею через Харків. Сестра Катерина завжди гостинно стрічала брата. Він після кількадечного спілкування з племінниками, зустрічей із знайомими завершав свої подорожі на березі Південного Бугу.

Вигляд і стан Всеволода засмутили Володимира Степановича. Розуміючи, що племінника треба якнайшвидше рятувати, він запропонував йому пожити у нього, скільки знадобиться, для вирівнювання його душевного стану. Всеволод, повністю не розуміючи смислу пропозиції, довірив себе близькому і доброму родичу.

– Ви ж знаєте, що я не маю ні волі, ні бажання; якщо ви вважаєте за потрібне забрати мене, я поїду, якщо ні – мені однаково.

На привокзальній площі станції Миколаїв їх зустрів кучер Антон Дюльдін парою орловських рисаків. Заколісаного їздою Всеволода окутала дрімота...

Хворий не бачив ні засніженої одноманітної степової рівнини, ні розбурханого, не скутого кригою Лиману, ні зустрічних селянських підвід, ні хатинок Богоявленського, ні землянок Свято-Троїцького.

Він відкрив очі, коли стихла одноманітна мелодія піддужного дзвоника, а замість неї завеселилися сміхом голоси кузин. Розважливий тон розпоряджень господарки надав урочистих відтінків зустрічі. Звідки міг знати Всеволод, що гостюватиме у затишній Юхимівці дві зими і весни, літо та осінь?

Пробудження. Подарунок. Рух.

Селянський уклад.

Порядок для душі.

Його перша юхимівська зима балувала безсніжжям з легкими нічними морозами і сонячними ранками. Коли велике сонце звалювалося з низького zenіту, з'являлися високі, не схожі на похмурі петербурзькі, хмари, і день віддавався вечірнім сутінкам. Лиман супротивився сіверу і грався високими хвилями, народженими південним вітром.

Осягнення вільної і могутньої стихії вливало у свідомість крихти духовних і душевних сил, які Всеволод почав втрачати у сутінках стін Сабурової дачі. Він каламутно пам'ятав день, коли добрий дядя запропонував небожу свою нектарну Юхимівку, витягнувши його з трясовини Харківської лікарні для душевно хворих. Все ж, маючи палку любов до людської штовханини, хворого не задовольняли природні ефекти доквілля. Пошту по понеділках і п'ятницях чекали у селі нетерпляче: газети, журнали, кореспонденція прочитувалися миттєво. Охочі до розваг кухні не заважали письменнику заглиблюватись у вир новин із столиці. Вони теж серйозно цікавилися новинами літератури, читали в оригіналі французькі романи і поезію; бібліотека Володимира Степановича вечорами та у негоду збирала сім'ю у дискусійне коло.

Відгомоніли колядки і щедрівки. Зима відчувалася не на жарт. Сіро-коричневі зграйки скуйовджених горобців понуро припадали до снігу біля стайні та курятника, зрідка займаючи місце на деревах, ховалися під стріху, шукаючи тепла, затишку і корму. Пташина повсюдність вносила похваллення у сумну зимову одноманітність панського фільварку.

Всеволод покинувся від гучного чоловічого голосу, який осадив коней. Враз ожив увесь будинок: зажеврили гасові лампи, захиталися язички свічок, загрюкали двері. Відкривалися віконниці, навстіж розчинилася головна хвіртка. Почулася розпорядлива команда Володимира Степановича: екіпаж заторохкотів кованим ходом по мерзлій дорозі і затих, віддаляючись. До кімнат увійшов слуга, обвішаний валізами, коробками. У світлиці Всеволод зустрівся з дядьком. Поглядаючи на купу дорожніх речей, він відчував якусь незвичайність. Володимир Степанович підняв з підлоги шкіряний футляр і подав небожу. Клацнули мідні заскочки, і через світлу тканину вималювався рельєф пари ковзанів. Після миттєвої зашарілої Всеволод тримав холоднуваті блискучі гострі ножі сталі – свою мрію.

– Дочекатися б сьогодні світанку, – подумав. Ковзанярством він оволодів ще в юності, коли гостював у петрозаводському засланні Петра Завадського, свого вітчима.

По дорозі до льодового блиску наздогнав півдесятка весело гомонячих чоловіків. Їх неконтрольована рухливість здивувала Всеволода. Вони, посміхаючись, знімали вушанки і надто низько вклонялися паничу, дехто з них спотикався: йшли мужики з шинку, де провели вечір і ніч.

– Парутинці, – згадав Всеволод.

Він знав, що у приольвійському збіднілому селі навіть питного закладу не існувало, тому свої мідяки голяни (так звали їх через бідність) несли до Юхимівського. Коли Лиман стояв, скутий льодом, з того берега щодня приходили охочі відвести душу, повідати юхимівцям безрадісний селянський талан.

Непевнено, хитаючись, Всеволод тихо линув по холодному дзеркалі, відчуваючи повітряну легкість і солодку млість. Зустрічний вітерець морозив щоки, забирився за комір сюртука, примушував вклонятися зустрічному руху повітря. Поступово руки зайняли місце за спиною – ковзанярську поставу.

За Кисляківським вітряком упевнено набрав швидкість під ранкові дзвони козацької церкви, хрести якої рубінилися від січневого сонця, що напівдиском пронизало далечінь степу, досягло лиману і парутинського берега. Свято-Троїцький маяк східним боком теж прийняв сонячні промені, і його мурованість набула казкової величності. Всеволод уперше так близько побачив навігаційну споруду і, задивившись, ледь устиг зупинитися на краю широкого чехлаку (місцева назва промиїни у льоду). Чорна вода брижила, обрамляючи слюдяні краї ополонки біло-ажурним мереживом піни. Ковзаняр полегшено видихнув раптову затамованість і знову перевів погляд на маяк, що палав, осяяний червоним сонцем, яке сповна заволоділо зимовим ранком.

Свіжий вітер на зворотному шляху супутньо надав фігурі Всеволода стан вільного ширяння. Управляти своїм молодим тілом він умів спритно. Згадалися романтичні рядки пушкінської «Осені»:

*Как весело, обув железом острым ноги,
Скользит по зеркалу стоячих, ровных рек!*

Тепер він міг вільно споглядати лівий свято-троїцький берег крутих скель та руді зарослі очерету. У своєрідних джунглях копошилися селянські постаті. Звичайно, у письменницькому характері Всеволод мав рису допитливості; він чверть години спостерігав, як чоловіки різаками косили двометровий очерет, лаштуючи його в снопи. Потім дізнався від робітного чоловіка свого дядька: сухими снопами селяни обставляли надвірні стіни мазанок, усуміш з глиною використовували як даховий матеріал, зв'язаний у мати, він слугував на глиняній підлозі, нарешті, жарко горів у грубці, вигідно замінюючи соломі і кураї. Плантації універсальної економічної рослини викошувалися людьми тільки під час льодоставу через глибоке і в'язке болото у теплі пори року.

Затих церковний передзвін, але дух життя утверджували невтомні крила вітряка, енергетичної установки сільських устоїв життя. Мельниця соборувала в розгул вольниці козацької, часи кріпачтва і земства, відцентровувала місцеві й околишні новини, вносила розраду в мужичі нестатки.

Її колишня подвижність сьогодні застигла кісткою ветхих дощок та обламаними крилами, що давно не супротивляться вітровіям.

Людська невмируща надія на реанімацію зразка побутової архітектури XIX століття може стати героїчним чинником заможного мецената, який у минулому і теперішньому часі вбачає світлі дні України майбутньої.

Ще здалеку Всеволод побачив ковзаняра, який рухався йому назустріч. За сотню метрів пізнав Володимира Степановича, радісно підняв руки і через мить обняв родича, дивуючись його молодецькій виправці. Для п'ятдесятирічного колишнього морського офіцера ранкова прогулянка додавала зарядки на цілий робочий день у кабінеті мирового судді.

– Як оцінюєш, Всеволоде, сталь ковзанів? – запитав дядько.

– Моя вам подяка – безмежна. Сьогодні вперше відчув тут відлигу свого розпачу, – голос небожа набирав відтінку впевненості.

– Сьогодні удвох помірковано над твоїм щоденним розпорядком, – запропонував уже на березі Акимов, радіючи настрою племінника.

– Згоден. При умові щоденного ковзанярського моціону, – підтримав Всеволод.

– Не дивлячись ні на яку погоду, – в тон згодився дядько.

Спогади В. С. Акімова зберегли момент поштовху до зцілення душі письменника: «День у нас починався обыкновенно катаньем на коньках до 8 часов утра, несмотря ни на какую погоду; в этом отношении Всеволод достиг огромных успехов: ему нипочём было сбегать к Святотроицкому маяку, в 5 верстах, и обратно в 40 минут».

Лід тієї зими не піддавався вітрам: надійно припав його краї до піщаного пляжу мороз. Всеволодова душа виходила з темниці недуги. У теплому домашньому затишку кухні удосконалювали фрикатииви французької вимови. Раптом Всеволода осяяла думка: із сестрами вивчати мову великого Бальзака. Схильний до філологічних експериментів, він уже весною практикував буквально перекладом французьких художніх текстів. Першою самостійною роботою пишається і сьогоднішній читач. Його російський переклад «Коломби» Проспера Меріме вважається неперевершеним.

Бабуся Олександра.

Корабелі і флотоводці Акімови.

День народження.

14 лютого 1881 року юхимівська рідня Всеволода Гаршина освятила його 27-річчя.

«Щастя людини не в космосі, а в тому мікрокосмі, який у душі» (В. Гаршин).

У щоденному розпорядку Всеволода обов'язково після ранкового чаю година присвячувалася пікету з бабусяю Олександрою Степанівною. Народжена на початку дев'ятнадцятого століття, мама

Володимира Степановича мала добру пам'ять і вміння розповідати своє велике і цікаве життя. П'ять синів і донька Катерина, мама письменника, – її гордість і величність. Михайло, Дмитро, Микола, Степан і Володимир, у якого вона доживала свій вік, з честю вийшли в люди, стали не тільки продовжувачами славного роду Акимових, а і професій кораблебудівників і мореходів.

Прикута старечою хворобою до крісла-каталки, вона радо зустрічала ранками онука, а гра у карти тільки відволікала увагу домашніх від родинного спілкування. Змістовні, повні цікавих фавул розповіді старенької для Гаршина ставали джерелом пізнання історії свого роду по материнській лінії, наповнювали його уяву майбутніми сюжетами.

Прадід Всеволода, Дмитро Сергійович, народився століттям раніше онука в сім'ї офіцера флоту. Він брав участь у будівництві Севастополя, керував заготівлею корабельного матеріалу в Єкатеринославській і Херсонській губерніях.

Захоплено сприймав уважний слухач розповідь про те, що його предок воював разом з Ушаковим, користувався прихильністю Потьомкіна, який допоміг йому придбати маєток. Легендарно сприйняв Гаршин розповідь про місію прадідуся – складний перевіз – через Азовське море колишнього кримського хана Шагин-Гірея, усунутого від влади і відправленого у Росію.

– Мій свекор, – у бабусі молоділи очі, – разом зі своїми синами Іваном і Петром брав участь у Дунайській кампанії 1806–1811 років, командуючи однією з ескадр Дунайської флотилії під командуванням Кутузова. Твої далекі родичі, Сево, заслужили тоді бойових нагород.

Стела з горельєфною фігурою В. М. Гаршина. Встановлена в колишній Юхимівці (сьогодні с. Лимани Миколаївської обл.) на будівлі сільського клубу в квітні 1988 року з нагоди 100-річчя з дня смерті письменника. Автор роботи – скульптор-земляк, заслужений художник України Ю. А. Макушин

Звичайно, коли Олександра Степанівна вийшла заміж за Степана Дмитровича, теж офіцера флоту, її свекра уже не було на цім світі. Але вона, показуючи дбайливо збережені сімейні реліквії, споминами зігрівала свою душу і мала фізичне задоволення від уваги письменника, її постійного слухача.

У рік народження Всеволода його діда більше десяти років не було в живих, та про нього у бабусі і в усій сім'ї збереглася добра пам'ять. Пізніше Всеволод напише про нього як «людину освічену і рідко добру». Його ставлення до своїх селян нерідко порушували жорстокі кріпосні порядки. Сусіди-поміщики прозвали його небезпечним вільнодумцем, а потім – божевільним. Божевілля його полягало в тому, що у голодний 1843 рік, коли лютували мор і цинга, він заклав фільварок, позичив гроші і сам привіз із Росії багато зерна, яке роздав голодуючим селянам, своїм і чужим. А через рік помер сам, залишивши на руках дружини п'ятеро дітей.

Розповіла бабуся Олександра Всеволодові про його дядьків Дмитра і Миколу, які захищали Севастополь і героїчно проявили себе у Синопській битві. Своє життя морського офіцера і мирового судді раніше повідав небожу Володимир Степанович.

Бабуся під час розповіді не втомлювалася, а, здавалося, бадьорішала, бо такі хвилини тамували біль старого тіла, додавали душевних сил. Точно у визначений час до кімнати з ажурними рожевими фіранками заходила невістка Устина Степанівна зі сніданком на дерев'яній тарелі. Стара любила невістку, як і сина.

У день народження онука бабуся залишилася у своїй кімнаті. Недуга поклала її у ліжко: вона не могла уже самотійно вставати. Всеволода перехрестила і слабким голосом дала добро молоді для веселощів.

А зранку 14 лютого до дверей Всеволодової кімнати утворилася черга. Діти зчинили гамір, від якого іменинник прокинувся. Шарудіння почули з того боку дверей, і їх половини враз розчахнулися. Дівчата втрюх навалилися на брата, і він мусив знову сісти на ліжко. Закінчилися поцілунки. Старша, Тетяна, прочитала французькою поетичне авторське вітання. Олександра і Катерина заспівали нехитру пісеньку, тітка подала на підносі вишиванку, Володимир Степанович подарував срібний годинник.

Той день не тільки порушив розпорядок ковзанярів у зв'язку з урочистим днем, а і природа стала супутницею святкуючим: сильний північний вітер відірвав лід, і до нього від берега хлюпала широка проміїна. За чверть години, пройшовши через кухню, де так чудесно в печі із-за чугунів миготів ясний вогонь, Всеволод у світлиці сів за стіл. Які смачні, чудові страви! Дівчата пашіли, радісно світили очима і посмішками, передчуваючи продовження свята. Бадьоро-освіжаюче виглядали карафи з морсом: вишневим і абрикосовим; у центрі стола височіла темно-зеленим склом у позолоченій мішурі пляшка шампанського.

– Моє життя, як ці бульбашки, що стрімко покидають дно і у веселому танці згасають на поверхні, – промовив іменинник, розглядаючи через кришталь келиха гру насиченої ароматом шипучої рідини.

– Всеволоде, не треба дрібниці переводити у внутрішній поклик життя, – м'яко зауважив Володимир Степанович.

Племінник сором'язливо посміхнувся, може, своїй долі...

Під оплески та побажання щастя і здоров'я вперше за час хвороби осушив келих. Кузини пили морс, куштували славні страви, потім з допомогою статечної матері дружно висипали у сонячний ранок передвесняної Юхимівки.

Всеволоду Гаршину виповнилося 27 років.

Дуденко Леонід Іванович. Член Національної спілки журналістів України, автор краєзнавчих публікацій, збірки новел «Цілющий бальзам для Всеволода Гаршина» (2010). Організатор культурологічного клубу «Друзі В. Гаршина».

Владимир ПУЧКОВ

КАК ПОПАСТЬ В ЭНЦИКЛОПЕДИЮ

Памяти Валерия Карнауха

Совсем немного времени прошло со дня открытия памятного знака в честь Святого Николая в Каштановом сквере, а уже не каждый и вспомнит, что на этом месте было раньше. Памятник органично вписался в городской ландшафт, более того, в сердца и память николаевцев, – и уже трудно представить нашу Соборную-Советскую без этой величавой и умиротворяющей фигуры. Автором идеи, а потом и главным организатором сбора средств на её реализацию, был Валерий Анатольевич Карнаух – книгоиздатель и меценат, истинный патриот города. Десятилетием ранее по его инициативе и при его активнейшем участии, силами энтузиастов, на средства, собранные неравнодушными горожанами, на углу Соборной и Потёмкинской была открыта памятная доска в честь основателя Николаева Г. А. Потёмкина.

Валерий Карнаух – одна из самых ярких николаевских личностей нового времени. Выпускник Ленинградского университета, филолог, военный переводчик, преподаватель английского в спецшколе № 22 и в пединституте, он был талантливым предпринимателем «первой волны», основав в 1991 году первое в нашем городе частное издательско-полиграфическое предприятие «Возможности Киммерии». Уже в самом этом названии звучала мысль о богатстве истории и культурных традиций нашего города и края, его неисчерпаемом потенциале.

Мы познакомились, когда его дело было на взлёте, а сам Валерий Карнаух был полон идей и планов. Он весьма успешно работал как предприниматель, конкуренции в сфере полиграфии и книгоиздания практически не было, а потребности у зарождавшегося среднего класса – в буклетах и визитках, рекламных проспектах и прочей бизнес-продукции – были большие. И «Возможности Киммерии» стремились все их удовлетворить. Но работать только ради зарабатывания денег молодому предпринимателю было скучно. Об этом времени вспоминает Юрий Ицковский: «Проявилась... группа местных политиков со сходными взглядами, группирующаяся вокруг незаурядных личностей – молодого кандидата технических наук Олега Вадимовича Бойко-Бойчука и председателя областной библиотечной ассоциации, доцента института культуры Ирины Альбертовны Мейжис. Особый вес эта группа приобрела, когда в ней стал участвовать Валерий Анатольевич Карнаух – преподаватель пединститута и один из первых успешных николаевских предпринимателей. На этого молодого, но бывалого человека, в прошлом – военного переводчика, владевшего несколькими языками и успевшего побывать в «горячих точках», равнялись многие его коллеги по бизнесу. К тому же В. Карнаух приобрёл тогда собственную типографию и успел зарегистрировать частную газету «Николаевские ведомости»...

Скажем сразу, газетой «Николаевские ведомости» дело не ограничилось. К Валерию Карнауху как единственному в городе книгоиздателю потянулись люди, имевшие в запасе неизданные книги, нереализованные замыслы, не обнародованные ранее материалы о богатейшем прошлом нашего десятилетиями засекреченного, «закрытого» города. Эмиль Январёв, Юрий Крючков, Сергей Росляков, Наталья Кухар-Онышко... Музейщики и библиотекари, краеведы и литераторы, художники, журналисты, просто неравнодушные николаевцы, которым было что вспомнить и рассказать. На-

верное, именно тогда Валерий Анатольевич в полной мере ощутил, как духовно богат Николаев – город, любимый им с детства.

Последовали новые проекты: альманах «Письмена», затем журнал «Николаев». Это была поистине отдушина для пишущих и мыслящих людей: свой журнал – в городе, где прежде и мечтать не приходилось об издании своих строк! Настоящим событием стал выход поэтической книги Эмиля Январёва «Документ», которую Союз писателей Украины отметил Всеукраинской литературной премией имени Николая Ушакова.

Замечательный земляк, учёный с душой поэта, краевед и писатель, профессор Юрий Семёнович Крючков, автор практически первой книги по истории нашего города, которая так и называется – «История Николаева», отмечает: «Николаев – молодой город, ему чуть больше двухсот лет, но за это короткое время он пережил немало исторических событий и потрясений, взлётов и падений. И странно, что до сих пор никто ещё не написал его объективной и полной истории... Мне кажется, что Николаев не заслужил такого забвения. Когда мне предложили написать такую книгу, я сразу же согласился – а почему бы и нет? У этой книги два автора: один указан на титуле, а второй – это духовный отец, под влиянием которого рождалась идея книги. Имя ему – Валерий Анатольевич Карнаух, директор МП «Возможности Киммерии» и издатель. Благодаря его трудам книга вышла в свет, за что автор выражает ему особую благодарность».

Эта книга вышла в 1996 году, после неё издательство «Возможности Киммерии» выпустило десятки книг, посвящённых городу. Не буду их перечислять, скажу лишь, что, собранные вместе, они представляют собой внушительную тематическую библиотеку, равных которой нет.

Отдельного упоминания заслуживает энциклопедический словарь «Николаевцы», подготовленный и изданный к 210-летию города. Валерий Карнаух вовлёк в четырёхлетнюю работу над этим беспрецедентным словарём-справочником десятки людей, сам увлечённо работал над книгой как главный редактор – и книга получилась удивительная! Она не имеет ничего общего с более поздними попытками предприимчивых людей, как говорится, «на коммерческой основе» прославить имена тщеславных и, главное, платёжеспособных временщиков, называя их «элитой» и «цветом общества».

– Как попасть в энциклопедию? Шагните в историю! – так написал Карнаух в предисловии к словарю «Николаевцы».

Действительно, у него всё было по «гамбургскому счёту»: 2000 персоналий, отобранных редакционным советом, в кристальной неподкупности которого не приходится сомневаться. Впрочем, и время тогда было другое – романтическое, бедное, но честное. В предисловии «От издателя» Валерий Анатольевич написал: «Это издание – стремление очеловечить историю Николаева, чтобы задышали и заговорили камни, воздух наполнился многоголосьем наших предшественников, а их образы стали нам опорой».

И ещё об одном реализованном Валерием Карнауком проекте хочется вспомнить – о сборнике очерков и статей «На изломе времени», вышедшем тогда же, в 1999 году. Замысел принадлежал тогдашнему губернатору области Николаю Круглову, самое активное участие в подготовке книги принимала его пресс-секретарь и помощница Наталья Луцан (увы, тоже ушедшая из жизни в этом году), а также группа журналистов и литераторов. Это была попытка осмыслить переломное десятилетие 90-х, изменения в социальных отношениях, экономике и сознании современников – сквозь призму Николаевщины. Ей-Богу, это была интереснейшая задача, – свидетельствую как участник, – и результат получился впечатляющий. Наше время мчится стремительно, а память человеческая ограничена – поди упомни, какими деньгами мы пользовались в начале 90-х, что было в моде, как рушилось николаевское судостроение, как возникали новые предприятия и т. д. и т. п. ... В сборнике «На изломе времени» многие приметы тогдашней эпохи сохранились, потомкам они пригодятся.

Именно в этом сборнике нашёл слова Валерия Карнаука, объясняющие его позицию: «Сейчас николаевцы – это большая, но разрозненная общность людей. Они разобщены и социально, и ор-

ганизационно, и в некоторой степени – национально. В такие сложные времена, как сейчас, люди, считающие себя лидерами, элитой, должны объединиться и объединить других».

Этой задаче он служил истово и последовательно. Самым масштабным делом, объединявшим и доньше объединяющим городскую общину, стало его детище – ежегодная общегородская программа «Горожанин года» – «Человек года». Всё началось с того, что однажды, кажется, в 1996 году, социологам из николаевского Центра по изучению общественного мнения «Наваль-Эксперт» пришло в голову, как бы играючи, опросить довольно большую группу людей, относящихся к «лидерам общественного мнения»: кого из николаевцев по итогам года они назвали бы «Человеком года»? Выбор пал на Валерия Карнауха и его «Возможности Киммерии». Ну, опросили – и опросили. Провели по этому поводу весёлую вечеринку – с шумным чествованием новоиспечённого лауреата, заздравиными тостами и шутейными эпиграммами. Могло бы на этом и закончиться, но... Идея понравилась тогдашнему мэру города Александру Бердникову: а почему бы нам не сделать эту акцию ежегодной? Так возникла эта популярная в городе форма выявления и чествования людей, добившихся в своей сфере деятельности наиболее значительных успехов. И общественный оргкомитет по проведению этой программы возглавил её первый лауреат – Валерий Карнаух. Он очень ответственно относился к проведению этой акции, был её идейным вдохновителем, энергичным организатором, «мотором». Ежегодные праздничные вечера, на которых подводятся итоги программы «Горожанин года» – «Человек года» (а их прошло уже полтора десятка), становятся поистине моментом единения николаевцев. Об этом немало могли бы рассказать неизменные члены общественного оргкомитета, известные и авторитетные в городе люди – общественный деятель Тамила Бугаенко, социологи «Наваль-Эксперта» Леонид Белоконь и Леонид Гершов, директор зоопарка Владимир Топчий, учёный и педагог Вадим Скороходов, врач Татьяна Зайцева, спортивный тренер Виталий Бердник, директор художественного музея им. Верещагина Сергей Росляков, библиотечный деятель Людмила Северин. Многие годы с нами рядом была незабвенная Людмила Хлопинская – директор музея судостроения и флота. В этом году – впервые – вечер «Горожанин года» прошёл без участия Валерия Анатольевича. Но в его подготовке он, уже мучимый безнадежной болезнью, всё же принимал участие – с помощью верной жены и помощницы Татьяны Николаевны.

Мне очень трудно писать о Валерии Карнаухе отстранённо, для журнала. Мы были дружны и друг с другом откровенны. Он частенько бывал у меня в редакции «Вечернего Николаева», активно помогал в работе Благотворительного фонда «Николаев-2000». Я знал, что в трудную минуту могу на него положиться. Нередко он, видя затруднения, сам предлагал помощь: так было, к примеру, при организации поэтического фестиваля «Ватерлиния», когда Валерий Анатольевич, не дожидаясь просьб, вызвался издать сборник произведений финалистов конкурса.

Он был мужчиной, было в нём что-то в хорошем смысле слова офицерское: верность слову и дружбе, прямота, чуть грубоватая галантность с дамами. Порой меня смущала его привязанность к некоторым людям с сомнительной, как по мне, репутацией. Как он может, думалось мне, что связывает его, рафинированного интеллигента, – с этими? Потом понял: они, как и Валерий Карнаух, имели в своих биографиях строку – «выполнял интернациональный долг». Солдатская солидарность была в нём сильнее интеллигентского чистоплюйства.

Татьяна Николаевна как-то с улыбкой сказала мне о муже: «Понимаешь, Карнаух – это как для еды соль или перец. Когда эти вещества в избытке – плохо. Но когда их нет – ещё хуже, всё пресное и безвкусное...»

Его утрата была для меня тяжёлым ударом. Слишком многое нас связывало, слишком многого я лишился с его уходом. Чего стоила только совместная работа над моей поэтической книжкой «На стыке моря и лимана»! Он буквально силой заставил меня её собрать, скомпоновать, а потом, когда книгу удостоили литературной премии «Планета поэта» имени Леонида Вышеславского, гордился и радовался едва ли не больше, чем я сам. Он вообще был щедр душой, умел искренне радоваться успехам друзей, новым книгам. Он был одним из немногих, с кем я спешил поделиться свежими стихотворными строчками.

Сергей Росляков, искусствовед и литератор, вспоминает: «Мне посчастливилось реализовать вместе с ним восемь книжных проектов и два выставочных. При этом замечу, что оба выставочных проекта были уникальны: выставки «Золото южной Украины» и «От Триполья до Древнего Киева» оказались лучшими проектами десятилетий (соответственно, 1990-х и 2000-х гг.), а среди книжных проектов – уникальная первая в истории монография о Р. Г. Судковском (автор Н. Д. Сафонова) и первая в Украине книга об амазонках (в т. ч. на территории современной Украины).

Во время работы с В. Карнауком нельзя было не заметить характерные для него черты: он всегда стремился быть первым в своём деле и поэтому дело своё делал очень тщательно, почти становясь при этом перфекционистом в хорошем смысле этого слова.

Вспоминаю момент, когда весной 2003 года он, возбуждённый, прибежал ко мне в музей, прижимая к груди сигнальный экземпляр книги об Ольвии. И первое, что он сказал, были слова об издании: «Это моя первая книжка с твёрдой глянцевой обложкой. Я давно мечтал сделать это, и вот есть результат». У него было такое счастливое лицо, он ласково гладил руками глянцевую обложку и улыбался. В этот момент книга была его главной любовью. Минут десять Валерий разглядывал её, листая страницы, потом прижал книгу к груди и тихонько попросил: «Налей-ка нам по 100 грамм. Мы это заслужили». Он действительно это заслужил, и в тот вечер мы долго просидели над книгой и историей Ольвии. Без Карнаука эта книга не вышла бы никогда».

Точно так же, как николаевцы никогда бы не увидели скифские сокровища, античные шедевры, которые он сумел привезти в Николаев. Он издал при этом два десятка брошюр о древних культурах, написанных ведущими учёными Украины, выпустил чудесный каталог выставки, развернул кампанию по пропаганде экспозиции.

– Будучи предпринимателем в меньшей степени, чем подвижником просвещения земляков, он зачастую не обращал внимания на собственные убытки, – свидетельствует С. Росляков. И вспоминает характерный эпизод: – Как-то зимой, после оттепели, случайно встречаю Карнаука. А у нас в музее было ЧП: падающие сосульки разбили крышу над электрощитовой, и её стало заливать. Необходимо было срочно произвести ремонт крыши. Увидев моё озабоченное лицо, Карнаух спросил, что случилось. Услышав ответ, он стал лихорадочно шарить руками по карманам, вытаскивая отовсюду деньги. Собрав более 400 гривен, он протянул их мне со словами извинения: «Вот, больше у меня нет».

Продолжу мысль коллеги. Действительно, Валерий Карнаух был скорее подвижником, просветителем, действенным патриотом родного города, чем бизнесменом. В сессионном зале Николаевской мэрии висят портреты наиболее выдающихся руководителей нашего города XIX века – адмиралы, флотоводцы, градоначальники. Думаю, мало кто помнит, откуда они взялись, эти портреты. Кажется, что были тут всегда – так естественно они вписались после капитального ремонта сессионного зала, затеянного тогдашним мэром Владимиром Чайкой (который, кстати, ценил Валерия Карнаука и одним из первых отметил его учреждённым почётным знаком городского головы «За заслуги перед городом Николаевом»). Так вот, о портретах. Их по собственной инициативе и за собственные средства Валерий Карнаух заказал известному николаевскому художнику-портретисту Александру Семёнову, ныне, увы, тоже покойному. Заказал – и передал в мэрию: «Пусть висят! Им там место».

Я листаю энциклопедический словарь «Николаевцы». Много в нём имён – 2000 персоналий. Но статьи о Валерии Карнауке – нет...

Евгения САМОЙЛОВА

UNO SPIRITU*

(А. Торхов. Безвыдыханно. – Николаев: «Илион», 2014).

– Ты и в самом деле считаешь, что если вещи имеют номера, и особенно номер один, то мы обязательно должны, и ты, и я, и все прочие, должны начинать именно с него, только по той причине, что это номер один?

– Нет.

– Ну и отлично.

Алессандро Барикко. СІТУ

Почему «Безвыдыханно»? Почему для заглавия из всех существующих слов языка Алексей Торхов не выбрал ни одного, а создал новое, уникальное, доселе не существовавшее? Почему первое слово книги – это наречие образа действия, как известно, отвечающее на вопрос «как». Наречие, которое, в свою очередь, ставит перед теми, кто любит задавать вопросы, два новых – что *безвыдыханно* и, пожалуй, главный – для чего *безвыдыханно*?

Книга, которая с первого слова, с первых своих пяти слогов образует перед читателем столько вопросительных знаков, безусловно интересна для каждого, кто не боится покинуть обжитое пространство привычных суждений и общепринятых логических конструкций. Для тех, кто не боится безвоздушного пространства.

Что происходит с человеком в те несколько мгновений между вдохом и выдохом, которые зафиксированы поэтом в заглавии книги? Как правило, мы дышим рефлекторно, однако дыхание – это одна из немногих способностей организма, которая может контролироваться сознательно. Специально задерживая дыхание, фиксируя вдох, запоминая те ощущения, которые эта фиксация вызывает, человек совершает контролируемый процесс, известный в индийских практиках как *пранаяма* – управление жизненной энергией с помощью дыхательных упражнений. В философии йогов (воспользуемся источниками) именно «задержка дыхания способна вывести человека за пределы двойственного мира: вдох трактуется как активное положительное действие, выдох – как пассивное отрицательное». Пранаяма – пауза между вдохом и выдохом – символизирует равновесие двух противоположностей.

Получается, что «Безвыдыханно» – это художественная медитация, выход из обычного, общепринятого состояния с целью постижения себя и мира вокруг себя. Это путь к обретению гармонии.

Признаюсь, вывод, неожиданный для меня самой, но – очевидный, подтверждающий неординарность Алексея Торхова как творческого человека, как поэта, исключаящий его из рамок ортодоксальной поэтики. Отказываясь идти по проторённому пути, выходя за рамки обыденного, он ищет новые методы ощущения мира.

Границы познания – как научного, так и художественного – не определены и значит – бесконечны. В поисках истины не к бесконечности ли стремится поэт? Пойдём за ним.

* Uno spiritu (лат.) – одним духом.

Уход от традиционных исходных посылок и, как следствие, обращение к художественному приёму парадокса в эстетической системе Торхова – это не стремление соригинальничать, чтобы выделиться на общем фоне пишущих стихи. Глубокий, глубинный взгляд поэта на происходящее вокруг и внутри него – это сплав большого жизненного и поэтического опыта с умением искренне сопереживать – ушедшим, находящимся рядом, проходящим мимо:

*стоял у окошка голым
с видом на неба днище
глаза голубые-голу...
были*

(«ХА» ...рмсy)

Ему не интересно просто фиксировать мысли и чувства. Торхов переводит их на свой язык – язык парадоксальных метафор, смещённых и наращенных смыслов, диктуемых интуицией неологизмов. Я предполагаю, что поэту интересно даже не само слово, а то, что до него, слова, – было. Он говорит с нами о том, что не вмещается в слова и буквами не передаётся. Такому говорению строго подчинены морфология и синтаксис поэта: он отказывается от подлежащих, сказуемых, знаков препинания, в ряде случаев – слогов и окончаний. Он отбрасывает ненужное, облегчая синтагмы и предложения, отмечая всё, что мешает стихотворению – расти.

Образы, так или иначе связанные с ростом, со стремлением по вертикали вверх, положены автором в основу большинства текстов «Безвыдыханно». Если пойти вслед за поэтом и попробовать воспользоваться его методом, то я бы сравнила образную систему книги с буквой «Т» (tau), где вертикаль – это лирический герой с его миром домов, деревьев, трав, склонов, взлетающих птиц, а горизонталь – небо. По определению Алексея Торхова, небо – это «голос, который всегда над». Тау-крест – знак причастности к Богу как воплощению высшей гармонии, доступной человеческому сознанию. Это очень древний символ, обозначающий равновесие противоположных начал – начало и конец, альфу и омегу. Вдох и выдох.

*Смерть суть мадонна
с уснувшим тобой на руках
спит безмятежно мальчик
спит его страх
сердце его – многотонный
вселенский снегирь – спит
(«Доколь»)*

Надолго лишённый воздуха, человек умирает. Но состояние безвыдыханности не ведёт к смерти, оно позволяет не пережить умирание, а переступить через него. Оно заставляет «жить на кончиках пальцев умирать на кончике языка». Переносит в иное измерение, «иное молчание: несказанное». И – в поэтической системе автора – отсылает нас из привычного воздушного пространства в пространство водное. Малоизученное и научными и художественными методами пространство. В нём невозможен процесс говорения. Погружение в него предполагает умение надолго задерживать дыхание:

*И вот к водопою вышли
на берег ничьей реки: тишины
пригоршнями поём
(«У ничьей реки»)*

Только там, на «ничьих» берегах, можно почувствовать существование не третьего глаза – третьей ладони. Только там можно ощутить слияние всех стихий в одну – время, непреодоленное, непреодолимое человеком. И попытаться задержать его – вдохнув.

НОВЫЕ ДРУЗЬЯ – ДЕТСКИЕ КНИЖКИ

Ключевое слово её поэзии – любовь. Герои её лирики на глазах читателей перерождаются из влюблённой девушки в любящую дочь, женщину, жену, мать и, наконец, в бабушку. И если в интимных строках её персонажи порой не знают выхода, не ведают, какой разлукой-любовью встретит их завтра, то в стихах для детей Надежда Щедрова предстаёт перед маленькими читателями опытным, умным, всезнающим и безумно любящим капитаном жизненного путешествия от станции «От двух до пяти» до станции «Пора в школу».

В 2014 году вышло сразу три её детских книжки: «Про Кольку-хвастунишку», «Я расту» и «В стране детства». При их чтении меня не покидало подзабытое, когда-то остро переживаемое впечатление 90-х годов, когда детский экран захлестнул поток импортных мультижастиков. А я, молодая мама и учительница, воспитанная на русских народных сказках, страдала оттого, что дети упорно и равнодушно привыкают к экранным мультимонстрам, к жестокости, неуправляемым войнам и массовым убийствам, когда убиенных никто не оплакивает, не ищет живой и мёртвой воды, чтобы произошло чудо оживления и исцеления – водой и любовью. А потом и старшее поколение смирилось с тем, что невозможно было остановить: с бездушными компьютерными играми, с недетскими компьютерными сюрпризами, которые безостановочно творили своё разрушительное воздействие, приучая наших детей заглатывать любую психологическую «утку», телевизионную «отраву», не думая, не сопротивляясь, не сопоставляя, не сопереживая и не принимая самостоятельного решения, – за них уже давно кем-то продумано, как воспитывать наших детей.

На фоне этих неутешительных раздумий мне, новоиспечённой бабушке, попались в руки детские книжки Н. Щедровой. Красочно, радостно иллюстрированные Ириной Цуркан и Валерием Корженко, на глянцева бумаге, стихи читались с улыбкой, разливались по сердцу теплом, наполняли душу благодарностью за щедрый подарок, просились на полку «Мои первые книжки».

Разговор с юным читателем писательница ведёт, не забывая о наглядно-образном мышлении ребят: короткими, но чёткими и понятными предложениями, в них преобладают описания действий. Развивая речь ребят, Щедрова осторожно и настоятельно поднимает их к вершинам речевой культуры. Малыми дозами, как лекарство, приучает к художественной образности: эпитетам, метафорам, олицетворениям, сравнениям, антитезам – формирует творческое мышление, фантазию, чувство юмора и навыки самооценки. Например, в стихотворении «Утро» солнце – ласковый, заботливый действующий герой, солнце улыбается вместе с девчушкой, подмигивает ей, приглашает к общению. Описание следует от первого лица, при заучивании здесь рождается эффект собственного высказывания. Автор учит общаться с живой природой, формирует позитивное отношение к окружающему миру. Для родителей это хороший пример контакта с детьми, как в эмоциональном, так и в развивающем, воспитательном планах.

«Солнца луч скользнул по мне, Улыбнулась я во сне. /Солнце сон с меня смахнуло, /Мне с улыбкой подмигнуло. /Улыбнулась я в ответ: /– Утро раннее, привет!»

Щедрова создаёт иллюзию диалога с малышом, так как повествование ведётся или от первого лица («У меня игрушка – пёс», «Я гостям безмерно рад: гости дарят шоколад»), или с по-

мощью обращений, побудительных предложений. Стихи адресуются юному читателю («Снег, смотри, на проводах и на веточках в садах. Снег покрыл дороги, крыши, надевайте, братцы, лыжи!»). Не раз в конце стихотворения звучит проблемный вопрос, на который ребёнок, подумав, должен дать ответ («Прав мальчишка или нет? /Хочу услышать ваш ответ», «Вы подумайте, ребята. /Ну-жен ваш ребячий взгляд: /кто тут прав, кто виноват»). Это приучает думать, быть артистичным, коммуникабельным, повышает самооценку ребёнка.

Настоящая детская литература, развивающая и воспитывающая, расписанная тонкой и мудрой кистью мастера – поэта-педагога, где занимательность – только необходимая форма. Широко их жанровое своеобразие: игры-считалки («Разговор», «В зной»), описание бытовых детских игр и забав («В декабре», «Щенок», «Подарок деда», «Про девочку-послушку», «Про Кольку-хвастунишку»), стихи-потешки («Элинка», «Я и шоколад»), игры по наблюдению за природой, приучающие к словесному рисованию («Лето», «Муравей», «Летом», «Золотое всё вокруг», «Летом в роще»). В пейзажных зарисовках не единожды упоминается наша речка Южный Буг, а это уже материал для воспитания чувства родины.

В книжках Щедровой можно выделить тему дружбы. По-моему, особо удачны пейзажные зарисовки, поучительны стихи о книгах, еде, личной гигиене. В стихотворении «Подарок папы» малыш, поражённый увиденными в фотоальбоме военными сюжетами, рисует картины мирной жизни. В стихотворениях «Я расту», «Мне 10 лет», «Муравей» и др. автор приобщает к духовному, физическому и умственному труду, рассказывает ребёнку о мире взрослых, о малышах, которые помогают родным и этим заслуживают их уважение и любовь. Заслуживают, а не капризно требуют должного. Проблема детского непослушания никогда не исчезает в семье, у Щедровой на помощь приходят домашние питомцы. В «Сказе про серого кота» проказник и бродяга Мефодий находит друга-малыша и становится его помощником и любимцем («Нет, не может без забот некогда шkodливый кот»). Конечно, следует не просто читать ребёнку стихи, а вести о них беседу, обращая внимание на отдельные, сказанные без акцента детали. Например, Мефодий, дорожа дружбой и заботой малыша, обходится без наказаний («На кота я не кричу, слушаться его учу»). В подсознании ребёнка должно отложиться: за заботу и любовь близких и друзей нужно платить тем же. Здесь присутствует совет и взрослым: быть терпеливым, предъявлять требования не по-армейски, а мудро вводить ребёнка в игровые ситуации.

Не имеют возрастного адресата стихи Щедровой о природе. Они настолько мелодичны и художественно узнаваемы, что рядом слышится голос Есенина и Бальмонта: *«Белая долина /Ослепила взгляд. /Зимняя картина – /Белый-белый сад. /Блеск снежинок нежный /Серебром повис. /Белизны безбрежность /Устремилась ввысь. /Сумрак льёт белесый /Полный диск луны, /И звучит над лесом /Музыка зимы».*

Через все книжки поэтессы проходит тема становления личности ребёнка, его места в семье среди родных, в детском саду, на природе, рядом с животными. Стихотворения «Элинка», «Телеграмма» повышают самооценку стеснительного ребёнка. Почтальон зовёт не маму, а дочку, *«так как Лере телеграмма, хочет лично в руки дать: нынче Лере ровно пять».* «Телеграмма» учит ждать своего дня рождения, быть в центре внимания в этот день, а на день рождения родных готовить праздник другим и думать, какой радостью их осчастливить. Детям с завышенной самооценкой полезно прочитать «Про Кольку-хвастунишку», который беззастенчиво восхвалял себя («На меня напали волки, я не струсил. Я же – Колька!»), но упал в обморок при виде верёвки, имитирующей змею: *«от вранья хвастун потел, был силен, отважен, смел, а проверили на деле – слабый дух в хвастливом теле».* Вот и получается, разоблачать неправду можно не криком, не дракой, а при помощи юмора и смекалки.

Можно поздравить и взрослых-читателей, и малышей с новыми друзьями-книжками.

*Зоя Шаталова,
учитель-методист*

СТО ЧЕТЫРЕ РИСУНКА К ПОЭМЕ

Изображения в книге помогают школьнику осваивать азы грамоты, учёному – проникать в тайны природы, зодчим – возводить здания, а инженерам – конструировать машины. Книги, о которых пойдёт речь, хранятся в Николаевской областной универсальной научной библиотеке им. А. Гмырёва и занимают достойное место в фонде редких и ценных изданий.

Искусство иллюстрации ведёт своё начало от выполненных и раскрашенных от руки миниатюр, помещавшихся в рукописных книгах. С изобретением в середине XV в. книгопечатания снабжать каждый экземпляр книги подобным рисунком стало затруднительным и на смену миниатюрам пришли гравюры на дереве (ксилография).

Эпохой расцвета иллюстраций стал XVI в. Своими работами книги этого периода украшали такие знаменитые живописцы, как А. Дюрер, Л. Кранах, Г. Бургмайер, Д. Гопфер, Н. Нерлих и др.

В XVII в. ксилография приняла ремесленный, грубый характер и применялась только при иллюстрировании календарей и дешёвых изданий, предназначенных для простого народа. Дорогие и изящные книги оформлялись картинками и виньетками, гравированными на меди, поскольку именно металл позволял передавать тонкие линии и детали рисунка, придавая ему воздушность. Такое положение длилось до 30-х годов XVIII в., когда была изобретена гальванопластика, давшая возможность получать в любом количестве точные металлические копии гравированных деревянных досок.

Среди книг XVIII в. особое место занимают издания, вышедшие во Франции, поскольку это время стало подлинным «золотым веком» французского книжного искусства. Издания большого формата с огромными вклеенными иллюстрациями вытеснялись в эту эпоху изящными томками в мастерски выполненных переплётах с золотым тиснением, красивым шрифтом и превосходными рисунками. Титульные листы украшались виньетками, фронтиспис – портретом автора или иллюстрацией.

Оформительская гравюра к книгам, изданным в этот же период в России, выглядит очень скромно. Здесь преобладают небольшие виньетки и такие элементы декоративного характера, как буквицы, заставки и концовки. Лишь в некоторых книгах по естествознанию встречаются иллюстрации, таблицы и карты. Примером таких изданий могут служить труды И. Георги «Описание обитающих в Российском государстве народов» в двух частях (СПб., 1795–1796) и Ж. Бюффона «Всеобщая и частная естественная история» в пяти частях (СПб., 1783–1797).

Изначально было принято на первых страницах располагать изображения святых или портреты царствующих особ, и только в середине XVIII столетия в изданиях появляются портреты авторов. Так, во 2-м издании книги М. В. Ломоносова «Собрание сочинений в стихах и в прозе» (М., 1757) на развороте титульного листа размещён гравированный портрет учёного кисти неизвестного художника.

Ломоносов М. В. «Собрание сочинений в стихах и в прозе» (М., 1757)

В начале нового века гравюра в книге перестаёт быть редкостью, что объясняется, прежде всего, активным распространением книги вообще и существенным развитием гравюрного дела. Проблема иллюстрирования книг в этот период решалась самыми различными способами: применяли гравюру на дереве и на металле, литографию, а также фотомеханические способы, которые, возможно, были менее художественными, но зато более оперативно отвечали требованиям жизни.

В XIX в. книжная иллюстрация достигла большого совершенства и красоты благодаря талантливым художникам-рисовальщикам и гравёрам, которые специализировались на книжной иллюстрации. Большое развитие получила виньетная гравюра (виньетка (франц. *Vignette*) – небольшое композиционно завершённое графическое изображение орнаментального, предметного или сюжетно-тематического характера). Среди лучших виньетистов пальма первенства принадлежит С. Ф. Галактионову (1778–1854) – гравёру, литографу, живописцу. Его превосходные виньетки, выполненные с рисунков Карла Брюллова и Ореста Кипренского, помещены в книге К. Н. Батюшкова «Сочинения в прозе и стихах» (СПб., 1834). С гравёрами сотрудничали художники, которые представляли свои эскизы и рисунки.

Иллюстратор – это художник, домысливший вслед за автором то, что в тексте осталось нечётким, недовершённым, он в идеале – «соавтор», и именно благодаря ему книга приобретает свою настоящую полноту. Многие авторы протестовали против иллюстрирования их произведений, сознательно оставляли в своём творчестве недосказанность и не желали, чтобы между их текстами и читателем возникал посредник – художник. Поэтому издатели книг в Украине, России в XIX в. ограничивались главным образом виньетками на титульных листах и размещением не более двух-трёх гравюр в тексте. Иллюстрации к произведениям наиболее популярных авторов зачастую издавались в виде отдельно выпускавшихся тетрадей, которые можно было объединить в альбом. Так, без согласия Н. В. Гоголя были выпущены иллюстрации к поэме «Мёртвые души», гравированные по рисункам А. А. Агина. Задумав проиллюстрировать великое произведение, художник обратился к автору, но получил отказ. Как известно, Н. В. Гоголь не любил иллюстрации, считая, что художественный текст должен сам говорить за себя. Это, однако, не остановило А. А. Агина, и он выполнил 104 рисунка, которые гравёр Е. Е. Бернардский перевёл на язык гравюры. Пожалуй, ещё ни один иллюстратор не постигал столь глубоко самые сокровенные думы автора. Художнику удалось создать настолько убедительные образы гоголевских героев, что все последующие иллюстраторы «Мёртвых душ» не смогли существенно отойти от агинского типажа. В фонде ОУНБ им. А. Гмырёва хранится 4-е полное издание «104 рисунка к поэме «Мёртвые души» (СПб., 1893). В 1923–1925 годах «Мёртвые души» пытался иллюстрировать Марк Шагал, французское издание произведения с его офортами так и не появилось. Лишь в 2004 году они воспроизведены в российском издании «Н. В. Гоголь. Иллюстрации Марка Шагала» (ISBN 5-9582-0009-7).

Следует назвать и самого популярного французского художника 2-й пол. XIX в. Гюстава Доре, который задумал проиллюстрировать все великие произведения мировой классической литературы. И, действительно, плодовитость Доре не знает себе равных: на протяжении 40 лет, с 1860 по 1900 гг., новая книжка с его иллюстрациями выходила каждые 8 дней. Он создал около 10 тыс. иллюстраций к более 200 произведениям литературы. Его работы пронзительно реалистичны и продолжают будоражить воображение и в наши дни. Наиболее сильная сторона таланта Г. Доре – это изобретательность и необычайное богатство фантазии. Художнику было всего 22 года, когда проиллюстрированные им произведения Рабле и Бальзака сделали его знаменитым. Однако небольшой формат изданий, плохая бумага и низкое качество печати свели на нет замечательные достоинства иллюстраций. После этого Г. Доре решил оформлять только крупноформатные издания, на страницах которых в полной мере могли быть раскрыты преимущества гравюры на дереве (торцовой ксилографии). Этим художник положил начало выпуску характерных для конца века роскошных подарочных изданий. К числу полиграфических шедевров этого периода можно смело отнести книгу Дж. Мильтона «Потерянный рай и Возвращённый рай» (СПб., 1895) с превосходными работами Г. Доре, помещёнными на отдельных листах. Роскошь издания подчёркивают большой

формат, тёмно-малиновый переплёт с золотым тиснением, форзац, украшенный золотой орнаментированной рамкой, просторные поля и крупный шрифт.

Среди изданий, включающих работы Г. Доре, что хранятся в нашем фонде, следует отметить книгу Данте «Божественная комедия» (СПб., 1900). Русское издание данного произведения имело большой успех. По мнению одного из критиков, «своим художественным чутьём и глубоким изучением великого произведения Данте французский художник возвысился до красот самой поэмы, уловив все оттенки поэтической мысли и совершенно дантовский колорит комедии».

В качестве украшения книг этого периода применяли также фотографию: художник рисовал иллюстрации, а затем с них делали фотоснимки в количестве тиража книги и вклеивали в каждую книгу. Подобным образом проиллюстрирован альбом, хранящийся в нашем отделе, – «Современники и деятели императора Петра Великого» (СПб., 1872).

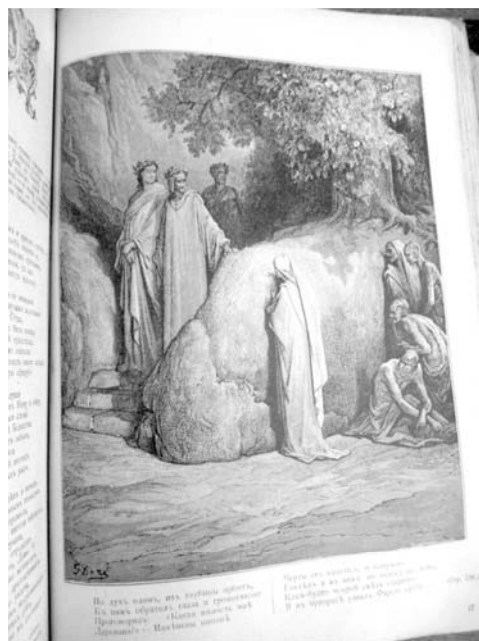
Картина развития книжных иллюстраций в конце XIX – нач. XX вв. необычайно многообразна. Зачастую в одной книге объединялись разные способы украшения издания. Наряду с изящными, хорошо иллюстрированными изданиями огромными тиражами выпускаются дешёвые книги, «художественность» которых концентрировалась на яркой обложке. Изобразительные элементы в таких книгах либо отсутствовали полностью, либо играли минимальную роль. Исключением в этот период являются прекрасно оформленные детские книги.

Иллюстратором сказки был художник И. Я. Билибин (1876–1942). Он разработал систему графических приёмов, которые дали возможность объединять иллюстрации и оформление в одном стиле, подчинив их плоскости книжной страницы. Характерные черты «билибинского» стиля: красота узорного рисунка, изысканная декоративность цветовых сочетаний, тонкое зрительное воплощение мира, сочетание яркой сказочности с чувством народного юмора.

Заметный след в истории оформления книги оставил известный художник В. М. Васнецов (1848–1926). Он создавал яркие жанровые рисунки, посвящённые русской народной жизни.

«Иллюстрированный в литературе век», о котором писал Н. А. Некрасов, настал в середине XIX в. не только в книгоиздании, но и в периодической печати. Эпоха иллюстрированных журналов началась 1 апреля 1832 г., когда в Лондоне вышел в свет первый номер журнала «The Penny Magazine» («Журнал за пенни»). В России первый иллюстрированный журнал «Всемирная иллюстрация» вышел в 1869 г. На его страницах читатель мог найти разнообразное лёгкое и занимательное чтение, обильно иллюстрированное видами городов, зарисовками и фотографиями, репродукциями с картин.

Особого разговора заслуживает оформление периодических изданий, выходящих в Николаеве на рубеже двух веков. Журналы «Природа», «Керамическое обозрение», «Электричество и жизнь», «Физик-любитель», «Записки технического общества», «Астрономическое обозрение», «Завоевание воздуха», «Южное слово», «Синяя птица», иллюстрированные сатирические еженедельники «Оса» и «Паяц» были весьма популярными, некоторые из них рассылались иногородним подписчикам.

*Данте «Божественная комедия»
(СПб., 1900)*

Лариса Трегуб,

*заведующая отделом научно-исследовательской работы
с редкими и ценными изданиями ОУНБ им. А. Гмырёва*

ВЕРЕЩАГІНСЬКИЙ ЗНАК

Ідею створення художнього музею у Миколаєві та втілення її у життя надав міський голова Микола Павлович Леонтович.

22 вересня 1912 року головний інспектор морської будівельної частини передав на 12 років в оренду під художній музей приміщення морської гауптвахти. То було чи не найкраще приміщення як за розміром, так і за місцем розташування – на Соборній площі. Відкриття Миколаївського художнього музею відбулося 6 червня 1914 року. На початку 1941 року музей переїхав у нове приміщення на вулицю Спаську, 22. У 1986 році музей відсвяткував новосілля в новому просторому будинку – пам'ятці архітектури другої половини XIX ст. за адресою: вулиця Велика Морська, 47. В залах другого поверху було розміщено постійну експозицію вітчизняного мистецтва XVII – початку XX ст. Вона включає твори живопису, графіки, скульптури, декоративно-ужиткового мистецтва.

Традиційними стали виставки з фондів музею, з приватних збірок, а також експозиції із скарбниць різних країн світу. Численні твори надаються на пересувне експонування у різноманітні установи Миколаєва та області. У музичній вітальні, якій притаманна завжди піднесена сприятлива атмосфера, постійно відбуваються музейні заходи до державних свят, ювілейних та пам'ятних дат, проводяться лекторії, тематичні програми, музичні вечори.

У 2005 році музей отримав логотип, у 2006 – музейний прапор, у 2007 році – музейний Верещагінський знак. Логотип, в основу якого було покладено форму палітри Верещагіна, що експонується в меморіальному залі, та монограму, яку художник ставив на своїх творах, розробила миколаївський дизайнер Тетяна Заболотна. Музейний прапор створила член Національної Спілки художників України, заслужений діяч мистецтв Лідія Іванівна Іваницька. Почесним верещагінським знаком щорічно, у день народження баталіста – 26 жовтня, нагороджуються друзі музею – учасники ремонту-реконструкції будівлі, колишні директори, художники, журналісти, меценати – ті, хто підтримує та допомагає музею, ті, хто сприяє поповненню музейної колекції та її збереженню, сприяє випуску музейних видань, проведенню музейних заходів.

16 березня 2002 року музей став лауреатом рейтингу популярності та якості «Золота фортуна» – престижної міжнародної академічної програми. За втілення у життя програми «Повернення в Україну» у грудні 2004 року музей став лауреатом обласної культурологічної премії імені Миколи Аркаса. Видаються альбоми, путівники, календарі, електронна версія книги «100 шедеврів Миколаївського обласного художнього музею ім. В. В. Верещагіна».

Олександра Друкер, Лариса Твєртінова

Рукописи не рецензуються и не возвращаются.

Редакция исходит из того, что авторы публикаций придерживаются действующего законодательства, несут ответственность за достоверность фактов, дат, имён, цитат и пр.

Мнение редакции может не совпадать со взглядами авторов.

Рукописи принимаются вместе с текстами, набранными на цифровых носителях.

Ответственность за содержание рекламы несёт рекламодатель.

Все права защищены.

Елена Маркитан. Кукла «Детство». 2013.

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩИХ ВЫПУСКАХ:

■ ПОЭЗИЯ

Арон КОПШТЕЙН
Борис МОЗОЛЕВСКИЙ
Татьяна ФУРСОВА
Олег ДОРОШ

■ ПРОЗА

Александр СИЗОНЕНКО
Анатолий МАЛЯРОВ

■ ПУБЛИЦИСТИКА

55-летие Николаевской
студии телевидения

■ МАСТЕРСКАЯ

Детская художественная школа:
Дом с бегущим Меркурием